

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно–Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

На правах рукописи

Ифатуроти Олувасеун Адебойе

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ЛИЦА/ПЕРСОНАЛЬНОСТИ
В ЯЗЫКЕ ЙОРУБА В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ,
АНГЛИЙСКИМ, НЕМЕЦКИМ И ФРАНЦУЗСКИМ ЯЗЫКАМИ**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Турбина Ольга Александровна

Челябинск – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. КАТЕГОРИЯ ЛИЦА/ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	13
1.1. Способы языкового представления категории личности /имперсональности и грамматической категории лица	13
1.2. Теория простого предложения в современной лингвистике и категория Лица в структуре простого предложения	26
1.3. Категория безличности и ее репрезентация в языке	42
Выводы	53
ГЛАВА 2. МЕСТОИМЕНΙΑ В БЕЗЛИЧНЫХ, НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ, ОБОБЩЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ В ЯЗЫКЕ ЙОРУБА	57
2.1. Краткий очерк типологических особенностей языка йоруба	57
2.2. Языковая репрезентация категории лица и личности/ имперсональности в языке йоруба	72
2.2.1. Местоимение <i>a</i> с определенно-личным и обобщенно-личным значениями	73
2.2.2. Местоимение <i>o</i> в личном и обобщенно-личном значениях	87
2.2.3. Местоимение <i>ó</i> в личном и безличном значениях	92
2.2.4. Местоимение <i>wón</i> в личном, неопределенно-личном, обобщенно- личном и безличном значениях	100
Выводы	120
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	124
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	127
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	138
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	139
ПРИЛОЖЕНИЯ	140

ВВЕДЕНИЕ

Изучение вопроса о категории лица много лет привлекает внимание языковедов, особенно исследователей, занимающихся изучением так называемых отдаленных языков, к числу которых можно отнести язык йоруба. По мере повышения интереса к изучению языка йоруба вопрос о представлении категории лица системой данного языка становится неотъемлемой частью сравнительной и типологической лингвистики. Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению категории лица/персональности в языках разных типов на материале языка йоруба в сопоставлении с языковым представлением этой категории в ряде европейских языков, в том числе и в русском языке.

Актуальность данного исследования определяется рядом факторов. Во-первых, следует отметить повышенный интерес современных лингвистов к изучению различных аспектов так называемых отдаленных языков мира. Таким образом, можно сказать, что данная работа является ответом на этот своевременный интерес.

Во-вторых, проблема выражения категории лица/персональности до сих пор оставляет много вопросов при обращении к материалу достаточно широко изученных языков, таких как английский, немецкий, французский и русский языки. Материал менее изученных языков, таких как йоруба, требует еще более пристального внимания, поскольку он вбирает как универсальные закономерности представления категории лица/персональности естественным языком, так и национально-специфические особенности ее выражения, включая культурно-этнические факторы влияния на системные внутриязыковые процессы. Несмотря на то, что многие исследователи работали над различными аспектами грамматики йоруба, категории лица и персональности были недостаточно изучены.

Степень разработанности темы исследования отражена в работах российских ученых, западных лингвистов, а также специалистов в области

грамматики языка йоруба. Стоит отметить, что в своих трудах ученые обращались к рассмотрению категории лица/персональности в рамках исследований более широкого спектра. Это, например, работы Г. Гийома, Л. Стассена, О. Фишера, И. Хайма, и др. Существенный вклад в разработку темы статуса категории лица/персональности в контексте отношений языка и мышления, внесли работы В. Гумбольдта, А.А. Потевни, А.М. Пешковского, Л. Ельмслева, С.Д. Кацнельсона, А.Ф. Лосева, Г. Гийома) и др. В России заметный вклад в исследование структурно-семантических особенностей безличных предложений в русском языке внесли работы Е.М. Галкиной-Федорук, В.Г. Адмони, К.Г. Крушельницкого и др. Исследованию теории исторического развития местоимений в индоевропейских языках уделялось особое внимание в работах И.И. Мещанинова, А.Н. Савченко, Ю.С. Степанова, В.В. Иванова и др. В числе ранних исследований языка йоруба особую ценность, на наш взгляд, представляют работы С.А. Кроутера, который в середине 20-го века заложил научную основу для описания его грамматики. Вопросы о категории лица/персональности начали привлекать внимание грамматистов только во второй половине 20-го века, когда исследователи, в том числе О. Авобулуйи, Л.О. Адеволе, А. Бамгбосе, О. Ойеларан, затронули вопрос о категории лица/персональности в своих работах.

Заметим, что, несмотря на повышенный интерес к изучению категории лица/персональности, в настоящее время опубликовано недостаточное число исследований на материале языка йоруба, в силу чего назрела необходимость глубокого когнитивно-семиотического анализа статуса данной категории в системе этого языка на фоне ее репрезентации в достаточно хорошо изученных европейских языках — английском, немецком, русском и французском.

Предметом исследования являются способы выражения категории лица/персональности в языке йоруба в их сопоставлении с семантико-синтаксическими эквивалентами в русском, а также в английском, немецком и французском языках.

Объект исследования составляют неопределенно-личные, обобщенно-личные и безличные предложения в языке йоруба и их эквиваленты в русском, английском, немецком и французском языках.

Цель исследования состоит в выявлении и описании языковых средств репрезентации значений персональности/имперсональности в языке йоруба, что определяет постановку следующих задач:

1. Изучить вопрос о репрезентации категории лица/ персональности в языках разных типов с позиции когнитивно-семиотического подхода.
2. Провести обзор типологических особенностей языка йоруба с целью выявления возможностей решения представления и статуса категории лица/персональности в его системе.
3. Определить градацию значений лица/персональности по шкале лицо↔не-лицо в йоруба и выявить способы их выражения в этом языке.
4. Провести классификацию и анализ способов репрезентации различных значений персональности/имперсональности в языке йоруба в сопоставлении с их аналогами в русском, английском, немецком и французском языках.
5. Рассмотреть особенности функционирования безличных, неопределенно-личных и обобщенно-личных конструкций в речи.
6. Изучить экстралингвистические — культурно-этнические — факторы влияния на статус категории лица/персональности в рече-языковом представлении йоруба.

Методологической и теоретической базой работы являются основные положения теории структуры предложения (И.И. Мещанинов, В.В. Виноградов, В.Г. Адмони, Г. Хельбиг, Г. Гийом, О.А. Турбина, Л. Теньер, Б.А. Абрамов, Т.П. Ломтев, А.В. Бондарко) и структурно-семантических особенностей безличных предложений в русском языке (К.Г. Крушельницкая), общего языкознания и сравнительно — исторической лингвистики (В.К Яковлева, Маянца В.А, А. Бамгбосе, Р. Аврам), а также теории взаимосвязи языка и мышления, категорий лица/персональности (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня,

А.М. Пешковский, Л. Ельмслев, С.Д. Кацнельсон, А.Ф. Лосев, Г. Гийом).

В работе выдвигается следующая основная **гипотеза**: поскольку категория лица является семантической основой синтаксической категории подлежащего при глаголе-сказуемом, предизирующем признак его носителю-лицу, любая языковая система, развиваясь по пути анализа, ищет способ обеспечить семиотическое выражение категории подлежащего формально — посредством специализировавшегося для этого знака (парадигмы знаков). Так, формальное выражение категории подлежащего становится обязательным вне зависимости от значения и статуса лица субъекта (лицо/ не-лицо) в аналитических языках номинативного строя (типа английского, немецкого, французского). Следовательно, если в йоруба наблюдается грамматизация категории подлежащего, в системе языка должна быть представлена парадигма местоимений, специализирующихся для выражения значения лица при глаголе — с определенным, обобщенным, неопределенным и безличным значениями.

Основной корпус материалов исследования составляют 392 примера простых предложений с местоименными подлежащими, собранные методом сплошной выборки из произведений художественной литературы 20 и 21 века на языке йоруба в разных стилях и жанрах. Всего было обработано 779 страниц сборного литературного текста следующих авторов: D.O. Fagunwa, Afolabi Olabimtan, D.O Adisa, Lawuyi Ogunniran, Lasunkanmi Tela, Omideyi Motunrayo и Olusola Fadiya. Эти материалы были дополнены выборкой из текстов различных СМИ, из которых для сопоставления был взят также материал из английского, русского, немецкого и французского языков. Перевод эквивалентных конструкций на язык йоруба был выполнен автором диссертации.

Для достижения поставленной цели в ходе проводимого исследования использовались общенаучные **методы** в том числе и сравнительный метод, метод сплошной выборки, методы лингвистического анализа (семантический, контекстуальный и прагматический анализы).

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что в ходе него были выявлены и описаны способы репрезентации категории лица/персональности в языке йоруба, отражающие, с одной стороны, общие свойства категоризации внешнего мира языками, с другой — особенности национального языкового представления, обусловленного культурно-этническими факторами.

Практическая значимость исследования диссертационной работы заключается в возможности использования полученных результатов и данных в дальнейших исследованиях, посвященных изучению способов выражения категории лица/персональности в языках различных типов, в преподавании университетских дисциплин — курсов по общему и сопоставительному языкознанию, межкультурной коммуникации и лингвокультурологии.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. данная работа представляет собой исследование, где впервые был проведен анализ категории лица/персональности в языке йоруба с целью определения закономерностей в языковой реализации личных, безличных, неопределенно-личных и обобщенно-личных значений.

2. впервые осуществляется сравнительно-сопоставительное исследование структуры грамматических конструкций йоруба с местоимениями в качестве актуализаторов категории лица/персональности с их синтаксическими эквивалентами в русском языке, а также в английском, немецком и французском языках.

На защиту выносятся следующие положения:

1. С позиции когнитивно-семиотического подхода универсальная семантико-синтаксическая категория личности/имперсональности определяется как результат осмысления и категоризации пространства по оси лица, который сопровождается в языках грамматизацией инвариантных моделей предложения и формированием местоименных парадигм с выраженными

оппозициями порядковых лиц и не-лиц с различными значениями персоналий и имперсоналий.

2. Язык йоруба на основании отсутствия словоизменения исследователи обычно относят к языкам изолирующего типа. Однако дать ему такую однозначную типологическую характеристику можно лишь условно в силу того, что лексико-грамматические значения могут выражаться морфонологически, лексически, агглютинативным способом с помощью детерминативов и квази-детерминативов. Эти системно-структурные особенности языка йоруба, общие для языков африканского континента, существенно отличают его от современных языков Европы. Тем не менее, в грамматике йоруба есть и то, что характерно для европейских языков — это способы актуализации синтаксических значений и синтаксиса в целом: синтаксические функции именных актантов могут быть обозначены только их позицией в предложении; нормативная конструкция предложения в йоруба аналогична инвариантной модели SVO – типовой для предложений с именными актантами в подавляющем большинстве европейских языков.

3. В йоруба языковое представление значений лица/персональности по шкале $\text{лицо} \leftrightarrow \text{не-лицо}$ отражает категоризацию пространства, наиболее заметную и закреплённую в системе местоименных форм, кодирующих категориальные значения одушевленных и неодушевленных пространственных объектов, включая самого субъекта категоризации. Принципы устройства системы местоимений в йоруба обнаруживают морфо-синтаксические сходства с местоименными парадигмами европейских языков, где, как и в йоруба, представлена двоичная местоименная парадигма самостоятельных (эмфатических) и приглагольных (неэмфатических) форм и сохраняются супплетивные формы склонения. Собственно-личные значения (значения порядковых лиц) способны выражать без исключения все самостоятельные и приглагольные местоимения. Несобственноличные — обобщенно-личное, неопределенно-личное и безличное значения выражаются приглагольными

местоимениями *a* (1-е л. мн.ч.), *o* (2-е л. ед.ч.), *ó* (3-е л. ед.ч.) и *wón* (3-е л. мн.ч.).

4. Обобщенно-личное значение в языке йоруба выражается местоимениями *a*, *o* и *wón*. Обобщенно-личным конструкциям с местоимением *o* эквивалентны русские и французские обобщенно-личные конструкции с *вы*, *vous*, а английский и немецкий языки предпочитают неопределенно-личные конструкции с *one* и *man*. Местоимение *a* употребляется в широко распространенных обобщенно-личных конструкциях типа *a ñ wí yíí*, и подобных ей, смысловые эквиваленты которых в русском, английском, немецком и французском языках оформляются придаточными предложениями (*о котором идет речь*), либо именными словосочетаниями (*the period under review; le temps en question; der fraglichen Zeit*). Русский и французский языки при переводе *a*-конструкции йоруба *işé ni a ñ şe* (букв. *работу есть мы делаем*) предпочитают безличные конструкции: *нужно работать; il faut travailler*. Смысловые эквиваленты обобщенно-личных и неопределенно-личных выражений йоруба с местоимением *wón* в европейских языках представлены пассивными конструкциями (*wón ti şe — готовится; est cuit; wird gekocht*), неопределенно-личными конструкциями (*wón ní — говорят; on dit; man sagt*). С безличным значением употребляется только местоимение *ó*, которое широко используется в качестве формального подлежащего в безличных предикативных конструкциях типа *ó şe* (букв. *оно делает*), наиболее распространенными эквивалентами которых являются *однажды; once upon a time; es war einmal; il était une fois*.

5. Речевые функции безличных, обобщенно-личных и неопределенно-личных конструкций достаточно широки. Особенно заметна функция *a-конструкций*, которые широко распространены в пословицах и крылатых выражениях со смысловым значением неоспоримых истин, где они используются в обобщенно-личном значении. *О-конструкции* в речи также употребляются с обобщенно-личным значением, но в более узком значении — как десигнаторы обобщенного круга лиц, куда говорящий включает и

слушающего. В силу этого различия в значениях *a-конструкций* и *o-конструкций* в речи не взаимозаменяемы. Наиболее широки функции *wón-конструкций*, которые в зависимости от контекста могут употребляться с обобщенно-личным, неопределенно-личным и квази-безличным значениями. Контекстный квази-безличный характер *wón-конструкций* отличает их от *ó-конструкций* с безличным значением в силу сохранения у местоимения *wón* семы одушевленности. Безличное значение в речи могут передавать только *ó-конструкции*.

6. Формирование категории персональности/имперсональности в языке йоруба непосредственно отражает культуру, традиции, религиозные представления и верование народа йоруба. Наиболее ярко это проявляется в системном значении и функциях конструкций с местоимением *wón*, которое в речи широко используется с табуированным значением — как десигнатор окружающих человека вездесущих могущественных одухотворенных сверхъестественных сил, оказывающих судьбоносное и повседневное влияние на все стороны его жизни.

Структура диссертации определяется ее задачами и отражает основные этапы и логику развития исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и приложения.

В первой главе диссертации «Категория лица/персональности в синтаксической структуре предложения» исследуется теоретический материал по вопросам о категории лица и персональности с точки зрения различных подходов ведущих лингвистов и языковедов на разных этапах развития лингвистики. Первая глава состоит из трех параграфов. Все параграфы главы посвящены теоретическому исследованию вопросов, относящихся к решению поставленных в диссертационном исследовании задач. В первом параграфе рассматриваются способы языкового представления категории персональности/имперсональности и грамматической категории лица. Во втором параграфе проводится исследование теории простого предложения в

современной лингвистике и категории лица в структуре простого предложения. В третьем параграфе исследуются многоаспектность категории безличности и ее репрезентация в языке.

Во **второй главе** «Безличные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения в языке йоруба» приводится анализ репрезентации безличных, неопределенно-личных и обобщенно-личных конструкций в языке йоруба. В первом параграфе третьей главы описаны основные типологические особенности языка йоруба. Во втором параграфе мы исследуем языковое представление категории лица и персональности/имперсональности посредством оформившейся парадигмы местоимений в языке йоруба. Здесь проводится структурно-семантический анализ *o-конструкций*, *ó-конструкций*, *a-конструкций* и *wóṣ-конструкций* с личным, безличным, неопределенно-личным и обобщенно-личным значениями.

Заключение включает основные результаты проведенного исследования и перспективы дальнейшего исследования в данной области.

Достоверность результатов исследования обеспечена, прежде всего, широким охватом материала на языке йоруба; а также привлечением для сопоставления анализируемых конструкций со смысловыми и синтаксическими эквивалентами из английского, немецкого, русского и французского языков; непротиворечивостью теоретико-методологических позиции; соответствием методов и источниковой базы объекту, предмету, целям и задачам исследования.

Апробация работы. Основные идеи, положения и результаты настоящего исследования обсуждались на заседании кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск) и были представлены в докладах на следующих научных и практических конференциях: Всероссийская научная конференция «Новый взгляд–3» (г. Челябинск, 2019 г.); 11–я научная конференция аспирантов и докторантов ЮУрГУ (г. Челябинск, 2019 г.), XXIX студенческая научная конференция (г. Санкт-Петербург, СПГУ 2021 г.), XXII Международная научно-практическая

конференция (г. Челябинск, ЧИППКРО 2021 г.), XXII Международная научно-практическая конференция (г. Москва, 20 апреля 2021 г.), XXIX студенческая научная конференция, Санкт-петербургский гуманитарный университет профсоюзов (г. Санкт-Петербург, 15–19 марта 2021 г.).

По теме диссертации опубликовано 6 статей в научных журналах, три из которых входят в список изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

ГЛАВА 1

КАТЕГОРИЯ ЛИЦА/ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1.1. Способы языкового представления категории персональности /имперсональности и грамматической категории лица.

По своей природе категория лица является полифункциональной, многогранной и многоуровневой категорией, которая может рассматриваться с точки зрения грамматики, лексической семантики и стилистики текста. Развитие и совершенствование данной категории в языках мира отражает универсальные процессы человеческой когниции, заключающиеся в концептуализации и категоризации пространства по оси лица, являющейся неотъемлемой частью общего языкового представления универсума, формирующего в системе языка класс имен (концептуализация пространства) и класс глаголов (концептуализация времени) [Nesset 2009: 4]. Концептуализация пространства начинается с осознанного восприятия окружающего мира в единстве и совокупности всего его объективного содержания (природы, неживых и живых объектов), включая самого «субъекта категоризации», мыслящего себя частью окружающего мира в ряду прочих его объектов и развивается до уровня категоризации, когда в системе языка образуется парадигма «квази-знаменательных» слов, способных быть десигнаторами неисчислимого количества десигнатов [Турбина 2021: 267]. В нашей диссертации мы обращаемся именно к такому уровню пространственной категоризации, которая выявляется в современном языке йоруба в силу того, что в нем оформилась система местоимений (результат концептуализации категориальных значений одушевленных и неодушевленных пространственных объектов), и главное — парадигма личных и приглагольных местоимений как результат языковой категоризации универсума по оси лица. Здесь наблюдается сходство йоруба с современными английским, немецким и французским

языками, развившимися, как указывал А.Ф. Лосев, до уровня номинативного мышления, где «обозначение лица есть понимание (и, следовательно, выражение) *чего бы то ни было* как лица» [Лосев 1982 :339], в силу чего даже *не-лицо* в ряде европейских языков обрело «семиотическую прописку» в парадигме личных местоимений [Турбина 2021: 268], подчиняясь фундаментальному принципу психосемиологии, состоящему в том, что система языка для выражения нового значения использует подходящий знак в уже имеющейся семиологии [Гийом 1992: 75].

Итак, для выражения категории лица/персональности в языках формируются парадигмы местоименных форм. Местоимения существуют практически во всех доступных изучению языках и играют важную роль в строе предложения. Однако термин «местоимение» трактуется в современной лингвистике неоднозначно. Языковеды уделяют большое внимание изучению происхождения, историческому развитию, лексико-грамматических свойств местоимений. Традиционное определение местоимения как класса слов, замещающих имя, восходит к этимологии термина (лат. *Pronomen* = вместо имени). Н.А. Алференко не признает удачной трактовку местоимения как имени «для всего», поскольку далеко не все местоимения могут выступать в качестве субститутов [Алференко 1978:29]. Согласно мнению И.И. Мещанинова, личные местоимения не следует считать заместителями имен на основе того, что они называются *pronomina*, хотя ученый признает тот факт, что именно местоимения ближе всего к именам существительным по признаку их лексического содержания. По словам ученого, личное местоимение в чистом виде выступает только в первых двух лицах, в то время как 3-е лицо в системе местоимений стоит обособленно и может замещать имя [Мещанинов 1978:269].

Обсуждая вопрос о природе местоимений, ученый Е.Н. Сидоренко выдвигает позицию, согласно которой одним из главных отличительных свойств местоимения как части речи является синкретизм. Ученый считает, что в местоимении содержатся не только собственные признаки, но и признаки либо

существительного, либо наречия, либо прилагательного, либо имени числительного, либо безличных слов категории состояния, т.е. предикативов [Сидоренко 1990: 82]. Другие учёные придерживаются мнения, согласно которому местоимение по своей природе является указательным или дейктическим словом, подчёркивая существование между значениями местоимений и речевой ситуацией прямой связи [Бабайцева 2001: 13]. К тому же местоимения также трактуются как «подвижные определители или шифтеры» [Якобсон 1972:97] или рассматриваются как средства, осуществляющее переход от языка к речи, при котором они называются актуализаторами [Бенвенист 1974: 39].

В настоящее время для ученых большой интерес представляют референциальные признаки или возможности местоимений, особенно 3-го лица, и наблюдается тенденция рассматривать местоимения именно по этим признакам. Таким же образом лингвисты-исследователи обращают большое внимание на заместительную функцию местоимений в предложениях и называют их личными существительными, личными субстантивами, субститутами и заместительными словами [Теньер 1988: 136]. Таким образом, наблюдаются самые различные взгляды и мнения относительно природы и функций местоимений. Данная часть речи трактуется весьма неоднозначно, хотя нужно отметить, что все ученые, изучающие вопрос о местоимении, обращают внимание на обособленную природу 3-го лица по отношению к 1-му и 2-му лицам.

Лингвисты по-разному подходят к вопросу о происхождении местоимений. И.И. Мещанинов полагает, что личные местоимения произошли от притяжательных и говорит о первоначальном посессивном значении местоименной аффиксации глагола. Лишь позднее местоимение стало обозначать субъект действия [Мещанинов 1978:276]. По словам И.И. Мещанинова, в основе грамматической категории глагола лежит именная предикативная форма, к которой прибавляется личное местоимение, в

результате чего сформировалось глагольное окончание лица [там же]. Ученый не только признает превосходство имен существительных в этом плане, но также устанавливает общее происхождение от одного общего первоисточника указательных местоимений и личного местоимения 3-го лица.

В.М. Жирмунский, указывая на то, что имя существовало еще до того, как появился глагол, предполагает существование местоимения еще до морфологического образования глаголов [Жирмунский 1976:199]. Это означает, что грамматическая категория глагола происходит именно из имени и появилась намного позже, существуя в рамках грамматической системы, при которой она выполняла свою синтаксическую функцию сказуемого, поскольку объект обязан своим существованием существительному. Все, что касается происхождения 1-го и 2-го лица, по мнению ученого, остается под вопросом. Тем не менее, ученый констатирует, что личные местоимения первого и второго лиц тесно связаны с притяжательными местоимениями, так как у личных и притяжательных местоимений общая основа. Данное положение явно отражено в теоретических размышлениях известного лингвиста Г. Гийома, который придает логическому третьему лицу статус первоисточника грамматического понятия лица вообще [Гийом 1992: 123]. Возникает вопрос: когда появились различия между личными и притяжательными местоимениями, на который предлагается ответ, согласно которому личные и притяжательные местоимения начали различаться только с развитием в языке противопоставления действия состоянию, и предложения действия обособились от предложений состояния. Именно это привело к оформлению парадигм притяжательных местоимений и личных местоимений отдельно друг от друга [Мещанинов 1978:276–286].

Итак, в разных языках наблюдается тенденция 3-го лица занимать особое положение, т. к. на его фоне постепенно выделяются 1-е и 2-е лица. А.Н. Савченко в своем исследовании об именных и местоименных лексических вхождениях пришел к выводу о том, что на определенном этапе развития протоиндоевропейского языка наблюдалась тенденция к образованию двух

различных форм склонения имен и местоимений [Савченко 1984: 17]. Это означает, что местоимения и имена развивались по-разному. Одним из тех, кто исследовал формы 3-го лица с точки зрения функциональной грамматики, является А.В. Бондарко. В своей работе ученый противопоставляет «мир лиц» «миру вещей» и делает вывод о том, что взаимоотношение этих двух миров составляет оппозицию. Так, употребление 3-го лица напрямую соотносится не только с первым, но и со вторым лицом. В русском языке неопределенно-личные конструкции с формами 3-го лица множественного числа типа *за ним придут* только подчеркивают различия, которые существуют между предметным 3-м и собственно личным лицом. Конструкции такого рода строятся без указания на предметы или лица с четко выраженной границей, которая разделяет лицо от предмета [Бондарко 1991:35]. Следовательно, главное содержание персональности основано не только на понятии лица в его собственном смысле, но и на его родственных связях или соотнесении с говорящим лицом и слушающим. 3-е лицо воспринимается как «лицо говорящего и адресата», что является результатом выделения 3-го лица от 1-го и 2-го лиц. Таким образом, обращение направлено как к собственно лицу, так и к «нелицу», и с точки зрения одушевленности/неодушевленности понятие 3-го лица как «собственного лица», или как «нелица», безусловно, являются разными сущностями.

Отечественные лингвисты к категории лица проявляют большой интерес. А.В. Бондарко в своих исследованиях категории лица/персональности отмечает, что семантическая категория персональности по своей сути имеет преимущественно прагматический характер. В стороне от прагматики оказываются лишь собственно синтаксические функции глагольных форм 3-го лица. Главный признак, по которому определяются прагматические функции форм лица— это различные типы их употребления. Так, формы 1-го лица множественного числа охватывают широкий спектр прагматических оттенков: среди значений местоимения *мы* можно выделять торжественное *мы*, (которое

используется лицами королевского ранга, представителями государства и т. д.), авторское *мы* (которое иначе называется ораторским), так называемое эмоционально-грубоватое *мы* (которое используется в оборотах типа танцевали *мы* и т. д.) и просторечное *мы* [Бондарко, 1991: 37]. Комментируя данное явление, языковед А.А. Шахматов пишет, что «...говорящий из скромности, скрывая свою личность за другими, может обнаруживать себя в форме 1-го лица мн. ч.» [Шахматов, 1941: 63]. Эта тенденция наиболее распространена в языках, в которых, как правило, меньше эгоизма. В общей лингвистике практика использования местоимения «мы» для обозначения одного лица при выражении личного мнения называется носизм от латинского *nos* «мы». Можно говорить о королевском «мы» *pluralis majestatis*, которое относится к одному лицу, занимающему высокий пост, такому как монарх или епископ. Кроме того, существует авторское «мы», иначе известное как *pluralis modestiae*, что нередко используется в науке, где ссылки на общее третье лицо с помощью «мы» не являются редкостью.

Рассмотрение категории лица/персональности в русском языке предполагает к обращению ее выражения лексическими средствами в силу отсутствия в местоименной парадигме русского языка специальных форм для выражения «непорядковых» лиц (с безличными, неопределенно-личными значениями). Если рассматривать категорию лица/персональности в русском языке с лексической точки зрения, то заметим, что глаголы и прилагательные различаются тем, что допуск ими того или иного типа субъектов зависит от присущей им семантики. К примеру, глаголы а) *думать*, б) *бежит* и в) *вечереет* можно соответственно отнести: а) только к человеческому субъекту, б) к человеческим и нечеловеческим субъектам и в) только к нечеловеческим субъектам. В глаголе *вечереет* обнаруживается неполнота парадигмы, так как данный глагол полностью несовместим с признаком *человек*.

В концепции Санкт-Петербургской грамматической школы категория лица рассматривается как грамматическая и функционально-семантическая

категория, имеющая полевую структуру. Ученый Х.Р. Вемейер является одним из ряда исследователей, поддерживающих теорию функционально-семантического поля А.В. Бондарко. Х.Р. Вемейер выдвигает идею об иерархическом членении микрополей, согласно которой на первой ступени находится граммема морфологической категории, после которой идут лексико-грамматические ряды [Wehmeier 1978: 32].

Категория лица в русском языке тесно связана с такими категориями глагола, как наклонение, время, число, так как различные функционально-семантические категории связаны друг с другом. В функционировании неопределенно-личных и обобщенно-личных конструкций четко выражено взаимодействие между персональностью и временной локализованностью/нелокализованностью, т.е. распространением в пределах определённого места. Некоторые исследователи придерживаются мнения, согласно которому категория лица и категория числа непосредственно связаны друг с другом, и на основе этого их объединяют в одну согласовательную категорию лица-числа. Согласно мнению Э. Бенвениста, к примеру, различаются *собственно лицо* или единственное число и *расширенное лицо* или множественное число и объединяются в одну категорию. Таким образом, персональность, субъектность и объектность непосредственно связаны друг с другом, что четко проявлено в двухсторонних связях категорий лица и залога.

Таким же образом связана с категорией персональности категория посессивности, которая представляет собой выражение языковыми средствами обладания одного объекта другим. Принадлежность предмета или признака к определенному лицу определяется морфемами, аффиксами принадлежности или притяжательными местоимениями. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что именно притяжательные местоимения или аффиксы обеспечивают семантические связи между категорией принадлежности и категорией лица. Иными словами, вслед за А.В. Бондарко отметим, что в них «грамматическая

категория лица оказывается особым образом представленной» [Бондарко, 1991: 25].

Формы личных местоимений противопоставляются в парадигме двучленной оппозиции. Эту оппозицию можно делить на бинарную оппозицию и оппозицию на основе признака «участие/неучастие» в определенном акте общения. В случае бинарной оппозиции она представляет собой оппозицию первого и второго лиц, которая характеризуется отношением между двумя участниками (говорящим и адресатом) речевого общения. Как справедливо отмечает Р.О. Якобсон, «1-е лицо свидетельствует о тождестве участника сообщаемого факта с активным участником факта сообщения, а 2-е лицо о его тождестве с реальным или потенциальным пассивным участником факта сообщения, т.е. с адресатом» [Якобсон, 1972: 102]. Что касается оппозиции, которая основана на признаке «участие/неучастие», то у нее при общении семантика 1-го и 2-го лиц противопоставляется семантике 3-го лица.

Именно первое лицо является главным в оппозиции 1-е лицо/2-е лицо. Причина этого в том, что именно первое лицо представляет говорящего, который является начальной точкой, с точки зрения которого устанавливается любое отношение к лицу. Иными словами, именно первое лицо является центральной фигурой любого коммуникативного акта. В отличие от первого лица, второе лицо можно использовать за пределами диалога, в «неличном» употреблении. Отметим, что во многих языках местоимения «ты» и «вы» употребляются для субституции местоимения обобщенно-личного типа, соответствующего, например, французскому *on*, или немецкому *man*. Именно по этой причине местоимения «ты» и «вы» в меньшей степени могут определиться как «лицо не-я». Э. Бенвенист предлагает термин для данного явления. Обсуждая вопрос о свойственной специфической корреляцией «я» и «ты», он ввел название «корреляцией субъективности». По мнению Э. Бенвениста, главный признак, по которому местоимение «я» отличается от «ты», — это то, что «я» является внутренним по отношению к высказыванию и внешним по

отношению к «ты» [Бенвенист, 1974: 26]. При противопоставлении пары «я/ты» с местоимением третьего лица единственного числа «он» ученый отмечает, что по своей природе только лица «я» и «ты» являются уникальными: лицо «я» — говорящий, «ты» — тот, к кому направлено обращение со стороны «я». С другой стороны, «он» на самом деле «может быть либо бесконечным числом субъектов, либо оно не относится ни к одному субъекту» [там же].

Заметим, что в лингвистике вопрос о статусе 3-го лица в плане его грамматической и семантической природы всё ещё является предметом научного дискурса. С одной стороны, одни исследователи берут во внимание грамматические различия между формами глаголов и личных местоимений первого, второго и третьего лица. С другой стороны, относительно семантики лица/нелица А.М. Пешковский пишет, что «разница между первыми двумя лицами и третьим лицом объясняется тем, что в третьем лице подлежащим может быть не только личное слово *он*, но и тысячи других слов с всевозможными значениями. Понятно, что опущение такого слова сознается как пропуск чего-то важного» [Пешковский, 2001: 169-170]. Обсуждая этот же вопрос, К.С. Аксаков сравнивает первое и второе лица с третьим лицом в плане личности/неличности [Аксаков, 1875: 295] и Ф.И. Буслаев полагает, что «посредством формы 3-го лица можно означать и лица, и неодушевленные предметы» [Буслаев, 1858: 153].

В западной лингвистике только местоимения 1-го и 2-го лица (которые называются партиципантами) считаются собственно личными по происхождению. Что касается местоимения 3-го лица, то оно считается указательным. К.А. Степаненко справедливо отмечает, что в различных индоевропейских языках у указательных местоимений наблюдается существенное разнообразие функций личных местоимений третьего лица. [Степаненко, 2009: 36]. Исследования грамматической категории лица, проведенные представителями генеративной грамматики, показывают, что между первым/вторым с одной стороны, и третьим лицом — с другой,

существует четкая демаркация. Испанский лингвист М.Б. Навес определяет 3-е лицо как «всегда принадлежащее к уровню языка» [Naves 1971: 14-15 — цит. по: К.А. Степаненко 2009: 37].

Согласно Э. Бенвенисту, третье лицо не представляет собой лицо, которое «выражается в возможности комбинироваться с любой объективной референцией, расположением некоторых местоименных или указательных вариантов» [Бенвенист 1974: 26]. Обсуждая вопрос о статусе 3-го лица как собственного лица или нелица, А.В. Бондарко выдвигает точку зрения, согласно которой 3-е лицо содержит признаки и личной, и неличной формы. По словам ученого, 3-е лицо как «собственно лицо» и как предмет «не-лицо» объединяются по синтагматическому и синтаксическому признаку соотносительности предиката с таким субъектом, который противопоставит 1-му и 2-му лицам как «3-е лицо». Общность лица и нелица подтверждается тождественностью грамматических показателей глагольных форм 3-го л. безотносительно к рассматриваемому различию [Бондарко 1991 б: 36]. Таким образом, для ученого главным показателем того, что в третьем лице содержатся признаки «лицо» и «не-лицо» является идентичность грамматических показателей глагольных форм 3-го лица. А.В. Бондарко характеризует категорию лица как грамматический центр поля персональности, сам по себе имеющий полевую структуру, в которой глагольные и местоименные формы 1-го и 2-го лица формируют ядро, окруженное формами 3-го лица, функционально обособленными от указания на участников акта речи. Следовательно, заключает ученый, формы 1-го и 2-го лица представляют центральную сферу семантики персональности, а формы 3-го лица — «сферу переходную от центра к периферии (при обозначении “третьих лиц”) и собственно периферийную (при обозначении предметов и при выражении безличности)» [там же]. Иными словами, при таком рассмотрении выражение персональности на уровне семантики обеспечивается определенными центральными и периферийными средствами, которые четко отделяются друг

от друга. Грань, которая отделяет центральные средства от периферийных, определяется различиями, существующими между центральными и периферийными элементами персональной семантики. К числу периферийных элементов относятся формы личных местоимений в косвенных падежах и притяжательные местоимения с признаками посессивности, которые при выражении семантики лица образуют более частную подсистему и ограничиваются в плане функционирования. По причине того, что они существуют вне пределов подлежащего, личные местоимения в косвенных падежах в своих различных формах считаются периферийными, что в русском языке ярко проявляется главным образом в предложениях о внутреннем физиологическом или психическом состоянии человека типа *меня качало, мне грустно* и т.д.

Э.Н. Осипова считает, что конструкции с имперсональным значением возникли в языке как последствия попыток носителей языка расширять возможности языковой системы, чтобы она могла передавать некие необычные представления действительности, выражающие процессы, явления, состояния, не связанные с деятельностью людей; они представлены происходящими в природе, в живых существах и человеке как «частях» природы, в которых природа обнаруживает вовне свое действие. «Языковые структуры передают не свойства внеязыкового мира, а то, как они нам даны, отношения человека к миру» [Осипова 2004: 7]. Обращаем внимание на то, что сегодня в лингвистике ученые к большинству вопросов подходят чаще всего антропоцентричным путем в результате чего, в первую очередь, всегда учитывается роль человека в выяснении каких-либо языковых значений. Человек определяет окружающий его мир определенным образом, существующим в его сознании. В.В. Богданов пишет, что категория личности/безличности, в отличие от других языковых категорий, в значительной степени зависит от говорящего лица и от того, какой выбор он делает при общении. По мнению В.В. Богданова, любой языковой выбор говорящего лица по отношению к категории

персональности/имперсональности в определенной речевой обстановке обуславливается тем, что категория лица относится к категориям, которые он называет шифтерными. Шифтерные категории указывают на ситуацию, при которой порождается текст, являющийся речевым актом. Именно прагматика высказывания определяет категорию лица, которая в свою очередь ориентируется на связь, существующую между его пропозициональными и прагматическими частицами, которые и представляют особенности речевого акта. Таким образом, лицо находится в сопоставлении прагматической и семантической позиции высказывания, указывая при этом на сходство, либо на различие между говорящим лицом и субъектом действия [Богданов 1990: 76].

Универсальная семантико-синтаксическая категория персональности/имперсональности образуется в результате пересечения трех основных элементов, присутствующих в сознании реальных участников определенного акта общения. Речь идет о говорящем, слушающем и о предмете речи. Также наблюдается тенденция лингвистов относиться к языковому явлению имперсональности как к особому случаю проявления в языке более обширной, просторной по охвату категории личности/безличности. К примеру, Ю.С. Степанов описывает категорию личности/безличности как универсальную семантико-синтаксическую категорию языка, которой свойственно отсутствие субъекта в предложении. Именно этот субъект соотносится с каким-либо предметом в реальном мире и при этом характеризуется «степенью выделенности (отдельности) этого предмета в пространстве и времени». Таким образом, в отличие от логико-семантической категории, при которой предусматриваются субъект и предикат, эта категория не рассматривается в логике [Степанов 1981: 272].

Французский лингвист Г. Гийом при рассмотрении категории лица/персональности использует когнитивно-семиотический подход, согласно которому данная категория определяется как результат осмысления и категоризации пространства по оси лица, который сопровождается в языке

грамматизацией и формированием местоименных парадигм с выраженными оппозициями порядковых лиц и неллиц с различными значениями персоналий и имперсоналий. Обратим внимание на то, что Г. Гийом указывает на особый статус 3-го лица как формы и способа категоризации пространства, отражающего языковое представление об *универсальном объекте*, который ученый обозначил термином «объективное логическое лицо» (*personne d'univers*) – языковое воплощение обобщенного представления об окружающем мире, включающем все возможные потенциальные объекты живой и неживой природы. В общем смысле логическое лицо – это отсутствующее в речевой ситуации, но неизменно объективно присутствующее в языковом сознании 3-е лицо; на его фоне в процессе развития речемыслительных операций в онтогенезе и при актуализации языковых единиц и конструкций (семантем, морфем и моделей) в речи вычленяются 1-е и 2-е л., обозначающие участников речевого акта. Объективное логическое лицо – это языковое воплощение обобщенного представления об окружающем мире, включающем все возможные потенциальные объекты. В языковом представлении оно репрезентируется через 3-е лицо, референция на которое (опора – *support*) определяет частеречную категоризацию и системный потенциал языковой единицы, т.е. возможности ее актуализации в речи [Гийом 1992: 123]. Это значит, что хотя объективное логическое лицо не присутствует в речевой ситуации, оно присутствует в сознании говорящего, где содержится обобщенное представление обо всех возможных объектах. Г. Гийом пишет: «Объективное логическое лицо лежит в основе любого речезыкового механизма, является его опорой и определяет категоризацию языковой единицы на фоне которого в результате мыслительных операций вычленяются 1 и 2-е л., обозначающие участников речевого акта» [Гийом 1992:123; приводится по: Турбина 2007:2]. Из этого следует, что статус любой единицы в системе языка определяется степенью того, насколько она соотносится с объективным логическим лицом. Особенность концепции Г. Гийома в том, что исследователи,

как правило, рассматривают 3-е лицо (лицо и не-лицо, главным образом — не-лицо, или — делокутивное, непорядковое лицо) как отсутствующее в речевой ситуации, а Г. Гийом — как постоянно и неизменно присутствующее в сознании говорящих, ибо именно оно является той «точкой», от которой (и на фоне которой) разворачивается актуализация значения лица в речевой ситуации. О.А. Турбина отмечает, что «если последовать за удачной идеей А.В. Бондарко и представить категорию лица в модели полевой структуры с позиции Г. Гийома, то 3-е лицо в ней будет не окружать 1-е и 2-е лица, а определять основу поля как целого, его исходную семантику, пронизывая поле категории лица как некое $\epsilon\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma$ — первооснова, сама исконная идея лица» [Турбина 2021: 269].

1.2. Теория простого предложения в современной лингвистике и категория лица в структуре простого предложения

Синтаксическая теория простого предложения на всем протяжении ее развития и в современной лингвистике оказывается под влиянием логики, которая со времен античности, где лежат истоки логического направления в языкознании, была основой для обоснования различных грамматических концепций, в особенности тех, что отталкиваются от идеи языкового универсализма. Принято характеризовать предложение как форму выражения, которая содержит в себе конкретную, полноценную мысль, соответствующую действительности. Тем не менее, имеются вопросы и противоречия по этому поводу. Эти вопросы являются существенными и серьезными расхождениями концепций, которые определяют природу предложения как единицы языка, составляющих единиц, категорий и его уровней, с чем тесно связаны термины, которые применяются в теории предложения. В действительности конкретное содержание предложений абсолютно трудно определить посредством грамматики. Обсуждая этот вопрос, В.В. Виноградов пишет: «конкретное содержание предложений не может быть предметом грамматического

рассмотрения» [Виноградов 1986: 82]. Причиной такой позиции является тот факт, что за любым высказыванием кроется нечто более чем правильное оформление того, что имеет в виду говорящее лицо, ибо язык только устремляется к выражению мысли, но не существует в точном соответствии с ней [Турбина 2023: 21].

Сам вопрос отношения язык-мышление является одним из самых древних, возможно — наидревнейшим в истории человеческой мысли. Дело в том, что всё, что касается структуры предложения, непосредственно связано с вопросами философского порядка, обращенными к анализу отношений между языком и мышлением и даже — к происхождению языка и мышления. На этой идее выросло все европейское языкознание, и она остается актуальной и сейчас. Философские основания универсальности структуры предложения, строящейся по модели «подлежащее—глагол-сказуемое—дополнение» и отражающей логику мысли, есть уже у Аристотеля, но впервые данное утверждение отчетливо прозвучало в I в. до н.э. из уст Дениса Геликарнасского, высказавшего предположение, что порядок слов в предложении эманурует от природы и подчиняется законам логики. В эпоху позднего средневековья эта идея была подхвачена модистами (грамматистами-теоретиками), утверждавшими, что предложение представляет собой совершенный модус обозначения (*perfectio*), имеет онтологический статус и потому оно всегда двусоставно, как двусоставно суждение, имеющие субъект и предикат. На универсальность структуры предложения и ее соответствия структуре мысли настаивали и авторы известной грамматики Пор-Рояля (1660 г.), утверждавшие, что в смысле природного и рационального порядка слов французский язык является образцовым, ибо такой порядок (подлежащее—глагол-сказуемое—дополнение) универсален и должен быть свойственен всем остальным языкам. Несколько позднее Э.Б. де Кондильяк, а за ним и В.фон Гумбольдт, которого по праву считают основателем языкознания как науки, признали, что природный

порядок (слов или мыслей) отражает не порядок вещей и явлений в природе, а один из способов их познания человеком [см. об этом: Турбина 2023: 18–21].

Современные ученые указывают на сложный и многосторонний характер предложения как единицы языка и выделяют в качестве объектов анализа различные его аспекты. В числе лингвистов, которые внесли большой вклад в изучение предложения можно назвать такие имена, как А.М. Пешковский (1914), А.А. Шахматов (1925), В.В. Виноградов (1954), А.В. Бондарко (1978, 1987), О.И. Москальская (1983, 2004), С.Д. Кацнельсон (1986, 2004), Б.А. Абрамов (2001), Т.П. Ломтев (2004), В.Г. Гак (1991, 2010), Н.Д. Арутюнова (1999, 2005), Х. Бринкманн (1971), Г. Хельбиг (1971, 2000), Н. Хомский (1971), О.А. Турбина (2023) и др. Об уровнях предложения в начале 30-х гг. 20 века писал советский языковед В.Г. Адмони, и его исследования определили появление новых направлений в синтаксисе, в том числе — в синтаксисе предложения.

Сегодня выделяют синтаксический, семантический и функционально-коммуникативный уровни предложения. Синтаксический аспект предложения представляет собой уровень, включающий в себя такие понятия, как форма предложения, модель предложения и члены предложения. В центре семантического аспекта находится предикат, определяющий субъект-объектные отношения и соотносящий их с временными параметрами. Что касается функционально-коммуникативного аспекта, то к нему относится определенная речевая ситуация, при которой распределяются роли между участниками общения и соответственно отношение участников к событию, цель коммуникативного акта и оценка сообщения. На синтаксическом уровне грамматические и семантические категории воплощаются в реальную лексическую и грамматическую формы. Речевым коррелятом предложения является высказывание, что представлено в трудах лингвистов (М.Я. Блох 1977, Дж. Лайонз 1978, Ю.А. Левицкий 2005, Л. Ельмслев 2006 и др.; Турбина О.А. 2018, 2023). Функционально-коммуникативный аспект предложения относится

к коммуникативной обстановке речевого акта и также называется модально-коммуникативным или коммуникативно-прагматическим аспектом предложения. Составляющими элементами речевой обстановки являются участники общения, личное отношение говорящего к событию, цель речевого акта и оценка сообщения. Суть данного положения заключается в том, что любой коммуникативный акт содержит определенную информацию и нацелен на выполнение определенной цели. Хотя большинство из тех, кто занимался этим вопросом пришли к выводу, согласно которому предложение является объективной реальностью, в которой объединяются язык и речь, наблюдаются основательные и существенные разногласия взглядов при попытках объяснить природу предложения в языковой системе. Сегодня все, что касается категорий и уровней предложения как объективной реальности в современной теории о синтаксисе, остается под вопросом.

Большой вклад в изучение членов предложения внёс русский языковед В.В. Виноградов, который ввел чисто грамматический подход к изучению членов предложения. Вслед за В.В. Виноградовым утверждаем, что в подлежащем и сказуемом должны присутствовать определенные грамматические свойства, особенно наличие специальных средств для их выражения. Для выполнения этой функции используются разные языковые средства в том числе синтаксические (формативы или служебная лексика, фиксированная позиция) и морфологические (падежные флексии имен, формы местоимений, личные флексии глаголов) и т. д. Семантической опорой категории подлежащего является категория лица, и именно по этой причине финитный глагол считается матрицей предложения. Этой причиной также объясняется тот факт, что личная форма глагола при отсутствии подлежащего в речевом высказывании несет информацию о категории подлежащего. Из этого следует, что члены предикативного ядра обязательно должны согласоваться в лице. К примеру, возьмем предложение *мне холодно*. Форма *мне* здесь не является грамматическим подлежащим, так как не согласуется с глаголом в

лице, а позиция подлежащего остается пустой. Следовательно, есть основания говорить о нулевом подлежащем в значении нелица. Таким же образом отсутствует связочный глагол, подразумевающий по умолчанию третье лицо в конструкции таким, как *мне жарко* и т.д. Категория синтаксиса не отличается от любых других грамматических категорий по природе. Поэтому грамматическая категория рода, например, не зависит от понятий пола, одушевленности/неодушевленности, числа и т. д. (*банк* – не мужчина, *ручка* – не женщина, а *пальто* – не дитя). Грамматическая категория подлежащего не зависит от одушевленности/неодушевленности, конкретности/абстрактности, активности/пассивности лица-носителя признака. Впоследствии и подлежащее, и объект могут не совпадать по природе, и подлежащее может быть неодушевленным при одушевленном объекте, абстрактным при конкретном объекте и пассивным при объекте активном. С другой стороны, такое предложение, как *его уважают*, отличается тем, что в нем присутствует финитный глагол *уважают*, указывающий на одушевленный обобщенно-личный субъект (*все*), но позиция подлежащего и здесь также остается незаполненной. С другой стороны, если действие предикцируется нелицу, в русском языке невозможно найти форму для его выражения, поскольку такой формы не существует, и в данном случае, как уже отмечалось выше, можно говорить о нулевом подлежащем со значением не-лица. Для этого используется форма среднего рода глаголов в прошедшем времени для передачи значения абстрактного лица. Напомним, что «средний род» этимологически восходит к неживой природе и содержит сему неодушевленности, ставящей его в оппозицию мужскому и женскому роду, этимологически мотивированным денотативной соотнесенностью с живыми существами двух полов. Подчеркиваем, что в данном случае не обязательно грамматическому подлежащему иметь свойства одушевленности/неодушевленности. Г.А. Золотова пишет, что в синтаксическом строе высказывания выделяются два типа субъекта — грамматический и семантический субъекты, что является

основой для указания определенных типов предложений. Некоторые ученые придерживаются мнения, согласно которому предложение является личным, когда его субъект встраивается в целостную парадигму, где местоимения 1-го, 2-го, 3-го лиц способны занять позицию подлежащего [Золотова 1976: 311-312].

Таким образом, предполагаются 3 главных типа предложений на основе наличия или отсутствия семантического субъекта:

3. Предложения, в которых присутствуют абсолютно все элементы личной парадигмы. Например, *Я пишу, ты пишешь, он пишет;*
4. Предложения с одним элементом парадигмы. Например, *ветер дует;*
5. Предложения, в которых отсутствуют все элементы личной парадигмы. Например, *вечереет; похолодало.*

В качестве двух базовых типов персонального дейксиса в современном языкознании выделяются конкретный и неконкретный дейксис. Эти два дейксиса подразделены на конкретно-личный/предметный и обобщенно-личный/неопределенно-личный соответственно. В традиционной лингвистике неконкретный персональный дейксис всегда относится к вопросу односоставных предложений определенного типа. По мнению исследователей, которое мы поддерживаем, категория «непорядкового лица» с безличным и неопределенно-личным значениями может быть выражена особой формой — «нулевым местоимением» [Булыгина, Шмелев 1991: 41]. Лингвист А.В. Бондарко справедливо отмечает, что в русском языке выражение лица в объекте «дополняет и поддерживает то выражение семантики лица, которое дано в субъекте» [Бондарко 1991: 17]. Ученый далее пишет и говорит о том, что «в сфере лица-объекта наблюдаются явно выраженные признаки периферийности по сравнению с позицией лица субъекта, выступающего в роли подлежащего» [Там же: 17], т. е. объект зависит от субъекта в уточнении его значения в контексте определенного дискурса.

Вслед за Ю.С. Масловым отметим, что понятию категории лица присущие лицо субъекта и лицо объекта в языках, где присутствует

полиперсональное или субъектно-объектное спряжение. По словам ученого, «в языках с полиперсональным спряжением в глагольной форме обозначается не только лицо субъекта, но одновременно и объекта (иногда даже нескольких объектов) действия. Соответственно, глагол согласуется и с подлежащим, и с дополнением, прямым и даже косвенным» [Маслов, 1975: 212–213]. К языкам с полиперсональным субъект-объектным спряжением относится и язык йоруба, в местоименной парадигме которого сохраняются супплетивные формы: *to-rí-yín* «я-вижу-вас», *to-rí-ò* «я-вижу-тебя», *to-rí-i* «я-вижу-его» и т. д.

По мнению А.В. Бондарко, персональность должна рассматриваться как категория, соотносящая обозначаемую ситуацию и ее участников с участниками речевого акта с точки зрения говорящего, благодаря функционально-семантической характеристике средств ее выражения [Бондарко, 1991: 31]. Для того, чтобы подтвердить идею о том, что в любом высказывании представлена семантика персональности в качестве актуализационной категории, сторонники функциональной грамматики четко различают категориальные грамматические значения форм лица глаголов от местоимений с одной стороны, и от некатегориальных значений персональности — с другой, и именно на основе этого положения различают два типа персональной семантики. К категориальным грамматическим значениям относят категориальные значения неопределенно-личных (синтаксические конструкции типа *мне мешают*), и обобщенно-личных (синтаксические конструкции типа *ему не помешаешь*) конструкций. Ко второму типу относят некатегориальные значения персональности, которые так называются по причине того, что они представляют лицо в отношении к персональности только в семантическом, а не в грамматическом плане. Именно к данному типу относится выражение семантики персональности за пределами грамматических форм лица.

Можно использовать понятие персональной ситуации для анализа системы типов, вариантов и разновидностей, семантической категории персональности в ее речевых реализациях. Понятие персональной ситуации —

это один из видовых понятий, относящихся к родовым понятиям категориальной ситуации. По словам В.И. Харабаева, оно в данном контексте может использоваться в значении «типовой содержательной структуры, представляющей собой тот аспект передаваемой высказыванием общей ситуации, который заключает в себе отношение к лицу» [Харабаева 1991: 11]. Отметим, что к исследованию персональных ситуаций может относиться анализ взаимодействия персональности, в том числе и элементов других семантических категорий, присутствующих в высказывании, из чего следует, что все элементы высказывания, которые имеют отношение к семантике лица, учитываются при изучении разновидностей персональных ситуаций.

Изучению синтаксиса предложения посвящены работы О.А. Турбиной, на которые мы будем опираться в нашем исследовании. При анализе его формы и содержания ученый использует когнитивно-семиотический подход, согласно которому когнитивные процессы, связанные с осмыслением и категоризацией окружающего мира, и системно-языковые механизмы, определяющие представление результатов этих процессов системой языка, рассматриваются в неразрывном единстве. О.А. Турбина пишет, что «предложение, перейдя из контекста логики в контекст лингвистики, должно переосмысливаться и обозначать лингвистическое явление, а именно — знак языка, оформившийся вследствие преломления и интерпретации языковым сознанием обобщенного представления о ситуации и как результат понимания (и, следовательно, выражения) чего бы то ни было как логического суждения» [Турбина 2007:74]. О.А. Турбина характеризует предложение как сентенциональный языковой знак, который, как уже было отмечено выше, еще модисты (представители средневековой философской грамматики) удачно именовали *perfectio* в силу того, что эта единица обладает в языке и в речи очень важным свойством, которого лишено слово — самодостаточностью [Турбина 2023: 19]. На самодостаточность (совершенство, завершенность) предложения указывает и Н.Д. Арутюнова, объясняя это тем, что его денотатом является событие,

ситуация, а не отдельный предмет или явление, как в случае со словом. Поэтому предложение как знак языка представляет собой полноценный знак – законченный продукт семиозиса [Арутюнова 1971 по Турбиной 2018: 25-26]. Предложение, как любой другой языковой знак, имеет план содержания и план выражения. План содержания предложения — это его концептуальная семантическая схема (лексическое означаемое) — «результат интерпретации и обобщения содержания однородных событий или ситуаций по типу понятийно-семантической категоризации: *"кто/что где/когда находится/происходит"*; *"кто когда/где что делает/претерпевает действие от кого/чего"* и т.д.» [Турбина 2018: 26]. Грамматическая форма предложения — это концептуальная структурная модель (грамматическое означаемое) — «структурный образец для выражения однородных событий или ситуаций. В ней закреплены позиции компонентов (членов предложения), прежде всего – предикативного ядра предложения-инварианта как а) обобщенного представителя всех возможных предложений (обязательное свойство), б) всех возможных предложений данного коммуникативного типа (маргинальное свойство)» [Там же]. Основным категориальным признаком и функциональным свойством предложения является предикативность, в силу которого как единица языка (в плане языкового представления) оно всегда неизменно двусоставно, независимо от того, в какой форме представлена грамматическая модель предложения в том или ином языке. Что касается преимущественно аналитических языков номинативного строя, то структурная модель предложения в них достигает высокой степени грамматизации с семиотически выраженными категориями главных (подлежащего и сказуемого) и второстепенных членов, и, главное — отвлеченными как от субъектно-предикатных, так и от субъект-объектных отношений. Это свойственно номинативным языкам, отражающим номинативное мышление, где «грамматические категории суть орудия понимания чего бы то ни было» как категорий логики и, соответственно, выражения чего бы то ни было как

подлежащего, сказуемого и второстепенных членов [Лосев 1982: 356] и где предложение является не формой выражения мысли, а знаком формы мысли, поскольку структура предложения (семиотической единицы) развернута в большей степени к семиотике, нежели к логике. В таких языках субъект целиком отражен так, что в нем ничего не оставлено слепо-чувственного, животного-инстинктивного и недифференцированного, а обозначение лица есть понимание (и, следовательно, выражение) *чего бы то ни было* как лица, в силу чего безличные предложения морфологически и синтаксически тоже приспособились к номинативному строю, закрепив в своей системе не только знаки для выражения порядковых лиц, но и знак для выражения нелица [Лосев 1982: 356-357; Турбина 2021: 268].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, во-первых двусоставность предикативного ядра предложения базируется на его фундаментальном свойстве — предикативности, определяющей законченность его смыслового содержания, и во-вторых языки в своем развитии устремляются к грамматизации структуры предложения, т.е. к все более точной формализации его компонентов, способных эксплицитно выразить предикацию. Это проявляется в том, что в языках формируется система форм, предназначенных для выражения предикативного ядра предложения и не зависящих от логико-семантических отношений в его пропозиции (смысловом содержании). Прежде всего — это парадигма местоименных форм со значениями «лица(лиц)/не-лица» для выражения грамматического подлежащего, ибо категория лица, своим происхождением связанная с субъектом, является семантической основой категории подлежащего. Парадигмы местоимений, специализирующихся на выражении категории подлежащего с личным, обобщенно-личным, неопределенно-личным и безличным значениями, оформились в современных английском, немецком, французском языках. Поскольку в русском языке парадигма формальных подлежащих отсутствует, среди ученых, занимающихся

грамматическим описанием предложения, активно обсуждается тема односоставности и безличности.

В грамматике современного русского языка односоставные предложения рассматриваются как один из наиболее сложных разделов синтаксиса, и существует большое количество литературы, посвященной их изучению. С точки зрения их структурных и семантических свойств односоставные предложения в русском языке являются предложениями, которые состоят из одного главного члена и к которым нельзя добавлять другой главный член, иначе смысл предложения может исказиться или полностью измениться. Несмотря на то, что они являются простыми односоставными предложениями, им присуща особая семантико-структурная форма. В одном главном члене, из которого состоят односоставные предложения в русском языке, закодировано значение времени и объективной модальности. Главный член именуется предметом, определяя его статус по отношению к действительности, и его можно назвать ядром предложения, так как именно он является единственным организующим центром предложения. Отметим, что отсутствие второго члена не означает, что предложения неполны. Такая неполнота всего лишь подтверждает семантико-структурную специфику такого предложения.

Одним из результатов действия тенденции к асимметричности, моноцентризму в русском синтаксисе является возникновение односоставных личных предложений, важнейшая структурная особенность которых состоит в том, что в них нормой становится незамещенность субъекта, предусмотренного финитной формой глагола [Тарналов 2018: 56]. Финитная форма актуализирует признак, действие, состояние не отдельно выраженного подлежащего-личного местоимения, а подлежащего, потенциально представляемого самой же этой формой имплицитно.

По субъектно-предикатной структуре это те же двусоставные предложения, но свернутые, с материально-синтаксическим нулем в составе подлежащего или с нулевым составом подлежащего. Содержащееся в них

представление о субъекте остается величиной глубинного уровня, не проявляющейся на поверхностном уровне. Предикатная форма здесь — это синтаксическая синкрета, материально актуализирующая предикат и вместе с тем совмещенно представляющая и идею субъекта в именительном падеже. Эта синкретичная форма и образует вершину, или единственный синтаксический центр в иерархии компонентов, составляющих высказывание.

Расматривая односоставные личные предложения в русском языке, Е.С. Истрина в своем исследовании выдвигает положение, согласно которому односоставные определенно-личные предложения (предложения без личного местоимения-подлежащего) не составляли норму для древнерусского языка. Постановка в них личного местоимения не поддается объяснению ссылкой на требования логического ударения, и они являлись разновидностью двусоставного предложения с незамещенной позицией подлежащего [Истрина 1923: 64]. Она соотносит глагольное окончание и подлежащее, утверждая, что глагольное окончание само по себе нельзя считать самостоятельным выразителем подлежащего, которое может передаваться только с помощью особого слова, при отсутствии которого не может быть грамматического подлежащего.

Если придерживаться мнения Е.С. Истриной, в древнерусском языке не существовало односоставных определенно-личных предложений как особого типа предложения. Однако можно понять мнение ученого так, что односоставные определенно-личные предложения являлись самостоятельными предложениями или конструкциями со своей внутренней синтаксической семантикой и их нельзя сводить к двусоставным предложениям [Там же]. По концепции А.А. Шахматова определенно-личные предложения составляли принадлежность как общеславянского, так и общеиндоевропейского синтаксиса, когда для выражения подлежащего в форме 1-го и 2-го лица самодостаточны были соотнесенные с ними личные формы глагола. Что же касается личных местоимений при тех же глагольных формах, то их

употребление диктовалось особыми случаями. Они уместны были при особом ударе, при противоположениях и т.п. Следовательно, древние индоевропейские языки отличались функциональной нерасчлененностью личных местоимений и соответствующих им форм глаголов, если не иметь в виду особых случаев. В новых западноевропейских языках «сочетания с личными местоимениями окончательно вытеснили нерасчлененные личные формы глагола» [Шахматов 1941: 63]. С.П. Обнорский, хотя отдельно и не выдвигает проблему синтаксической квалификации собственно односоставных личных предложений в древнерусском языке, но, скрупулезно и разносторонне описывая язык работы Владимира Мономаха, отмечает обычность для отсутствия в них личных местоимений в роли субъекта при предикате, выраженным личной формой глагола. В тех случаях, когда соответствующие местоимения используются, это обуславливается стилистическими потребностями подчеркивания, противоположения, нарочитого выделения субъекта и т. д. [Обнорский 1946: 32]

Из наблюдений С. П. Обнорского над употреблением личных местоимений в памятниках древнерусской письменности следуют по крайней мере два вывода: 1) личные формы глагола, функционируя в высказывании, не нуждались в параллельном употреблении соответствующих личных местоимений, были самодостаточны для реализации субъективных отношений; 2) случаи употребления личных местоимений при личных формах глагола обуславливались особыми стилистическими потребностями (необходимостью подчеркивания, противоположения и т.д.). Хотя структурную основу односоставного личного предложения составляет личная форма глагола, сама эта форма не равна односоставному предложению как синтаксической единице. Для трансформации морфологической формы — в данном случае личной формы глагола — в синтаксический компонент с конституирующей функцией она должна быть включена в парадигматику, типологию односоставных предложений в целом.

Обсуждая вопрос об односоставных личных предложениях в древнерусском языке, Т. П. Ломтев в своем исследовании пришел к выводу, согласно которому не всегда местоимения 1-го и 2-го занимали позиции подлежащего в древнерусском языке, и данная их постановка обосновывалась не всегда логическим ударением или противоположением. Далее ученый полагал, что именно со временем в истории языка личные местоимения начали выступать в качестве подлежащего, несмотря на личные формы глагола или виды предложений. Т.П. Ломтев называл предложения, в которых отсутствовали личные местоимения в функции подлежащего в древнерусском языке, неполными определенно-личными [Ломтев 1956: 71].

Согласно Я. А. Спринчаку, в древнерусском языке у 1-го и 2-го лица настоящего-будущего времени древнерусского глагола не было необходимости в постановке личного местоимения, поскольку лицо определялось именно флексией в глагольных формах сказуемого [Спринчак 1960: 53]. Правда, при этом остается неясным, чем в таком случае древнерусская личная форма глагола специфична в отличие от той же формы в XVII, XVIII или XIX вв. Ведь личные формы, конкретно указывающие на лицо, не утрачиваются русским глаголом и в последующей истории. Несколько неожиданно и без надлежащего контекста — поскольку речь идет об употреблении личных местоимений в функции подлежащего — звучит замечание автора о том, что «в предложениях неопределенно-личных, а частью в обобщенно-личных, словесное обозначение производителя действия личными местоимениями, как правило, отсутствует». Выходит, что в каких-то случаях в этих предложениях личные местоимения могут присутствовать. Если это так, то непонятно, какие предложения автор называет неопределенно-личными и обобщенно-личными. Между тем обобщенно-личных предложений в древнерусском языке не могло быть потому, что древнерусский глагол в силу функционально-семантической закреплённости его форм не способен был еще стать конструктивной основой обобщенно-личного предложения. С другой стороны, обобщенно-личные

предложения предполагают существование определенно и неопределенно-личных предложений, ибо они образуют единую парадигму с изоморфно нарастающим обобщением семантики. Таким образом, вопрос об односоставных личных предложениях в работе Я.А. Спринчака обсуждается вне надлежащего концептуального фона и носит случайный характер.

Ученый В.И. Борковский в ряде своих работ подробно исследовал вопрос односоставных личных предложений. Он отмечает, что в древнерусском языке функционировали не только определенно-личные предложения, но и двусоставные предложения, в которых присутствовали личные местоимения 1-го и 2-го лица в качестве подлежащего. По количеству двусоставные предложения значительно уступали определенно-личным предложениям. Ученый акцентирует внимание на том, что личные местоимения употреблялись именно в зависимости от некоторых факторов, в том числе и от наличия в составе высказывания обращения, необходимости выделить соответствующее лицо логически и отношения между противоположенными лицами. Таким образом, употребление личного местоимения при личной форме глагола в древнерусском языке в первую очередь определялось специфическими семантико-стилистическими условиями контекста нежели соблюдения синтаксических норм языка. Данное положение, конечно, долгое время оставалось неизменным, т.к. «даже и при противопоставлении субъектов действия в памятниках этого периода может быть употреблено определенно-личное, а не двусоставное предложение» [Борковский 1971: 55]. Далее ученый отмечает распространение определенно-личных предложений не только в литературном языке, но и в бытовой разговорной речи его носителей для достижения определенных стилистических целей. В.И. Борковский в своем анализе не учитывает, что все средства, выполняющие функции логического ударения, которые он выделял, уже существовали в древнерусском. Кроме этого, логическое ударение также сохранялось в древнерусском даже после 17-ого века как еще один маркер или компонент высказывания.

Таким образом, в изучении вопроса односоставных личных предложений складывается картина, согласно которой в древнерусском языке с 11 в. вплоть до 17 в. широко распространились определенно-личные и неопределенно-личные предложения в различных текстах без жанровых ограничений. Однако с 17 в. наблюдалось постепенное исчезновение определенно-личных предложений из литературного языка. На их месте появились двусоставные предложения, в которых личные местоимения выступали в роли подлежащего. Они сохранились в разных диалектах без ассимиляций или системной поддержки в национальном варианте русского языка. Неопределенно-личные предложения перешли в современный русский язык и без каких-либо изменений остались такими же, как раньше были на протяжении многих лет и в дописьменный период.

В целом вопросы эволюции и статуса односоставных личных предложений в русском языке остаются предметом оживленных дискуссий полного историко-синтаксического освещения. Имеющиеся варианты их толкования не служат воссозданию их истории реальной: они не выходят за рамки общих замечаний синхронистического плана, иллюстрируемых примерами из памятников письменности соответствующих периодов. Вместе с тем накопленный богатый фактический материал по односоставным личным предложениям в истории русского языка, ясная картина их функционирования в современном русском языке дают возможность по-иному взглянуть на их историю.

А.А. Шахматов выделяет в современном русском литературном языке три типа односоставных личных предложений: *определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные* [Шахматов 1941: 132]. Для их осмысления как в историко-генетическом плане, так и в плане структурно-синхроническом важно иметь в виду то обстоятельство, что имплицитно реализуемая ими идея субъекта может быть эксплицирована исключительно в формах личных местоимений. Однако именно такая соотнесенность между имплицитно выраженной идеей субъекта и возможностью ее реализации на поверхностном

уровне лишь личными местоимениями не является устойчивой закономерностью на протяжении всего документально обозримого периода в их истории. Она строго прослеживается в русском языке лишь на начальной стадии их фиксированного функционирования. Итак, грамматическая структура предложения того или иного языка определяется способом представления категории лица/персональности и в особенности — способом категоризации системой языка значения не-лица.

1.3. Категория безличности и ее репрезентация в языке

Поскольку категория лица является, как уже отмечалось выше, семантической основой категории подлежащего, она изначально синтаксична. Следовательно, значение личности/безличности выявляется на уровне предложения и имеет непосредственную связь с субъектностью/бессубъектностью. Оппозиция личности/безличности заключается в сопоставительном противопоставлении личных предложений, где присутствуют субъект «я» с предложениями, обозначающими различные явления природы. Ю.С. Степанов описывал отношение личность/безличность как явление градуальное, имея в виду возможное присутствие каких-то промежуточных членов по диапазону лицо — не-лицо. Эти промежуточные члены отличаются от языка к языку и бывают разными в разных языках. В качестве примера градации субъекта в предложениях ученый предлагает следующее:

1. Субъект с лицом «я» (в предложениях типа *я пишу*);
2. Субъект индивид-лицо, кроме «я» (в предложениях типа *ученик рисует*);
3. Субъект индивид не-лицо (в предложениях типа *здание упало*);
4. Субъект с определенным множеством индивидов лиц или не-лиц (в предложениях типа *все пишут; все здания упали*)
5. Субъект с неопределенным множеством индивидов — лиц или не-лиц (в предложениях типа *коров по осени продают*)

6. Субъект с определенным по пространственно-временным границам явлением внутреннего или внешнего мира (в предложениях типа *его качает*);
7. Субъект с неопределенным по пространственно-временным границам явлением природы (в предложениях типа *светло*). Обращаем внимание на то, что данная категория часто актуализируется в формах глагола путем применения третьего лица единственного числа с целью нейтрализации всяких оттенков личного значения [Степанов 1981: 361].

Последние два типа — это и есть безличные предложения — особый логико-грамматический тип предложений, характеризующийся своей «отрицательностью», т.е. отсутствием положительных признаков, уточняющих характеристику субъекта (производителя действия или носителя состояния) [Потебня 1958: 217]. Иными словами, безличные предложения являются грамматическими конструкциями, в которых нет производителя действия или носителя признака, но свойство предкативности, т.е. двусоставности на глубинном уровне сохраняется.

Таким образом, в каждом предложении существует одна, уникальная для него семантическая схема. Можно взять в качестве примера так называемые перформативы, которые отличаются тем, что они выражаются только посредством предложений, в которых присутствует субъект «я», и только в предложениях, в которых субъект является неодушевленным (в предложениях типа *раствор варится* и т. д.).

Знак для выражения не-лица есть не во всех языках номинативного строя, и в частности, к таким языкам, как уже отмечалось выше, относится русский, в силу чего тема «личность — безличность», активно обсуждаемая в традиционной лингвистике, является также одной из самых дискуссионных в русской грамматике. Так, несмотря на попытки в трудах ряда лингвистов (Ю.М. Костипского, В. Шмилауэра, Р. Мразека, А.М. Мухина, Я. Бауэра и М. Грепля и др.) приписать родительному субъекту статус подлежащего и распространить

понятие двусоставности на двухкомпонентные схемы с родительным падежом, противопоставление «двусоставность — односоставность» не было разрушено. Вместо этого произошло перераспределение объектов между ее членами [Руднев 1968: 135]. Отметим, что традиционно двусоставные предложения в русской грамматике рассматриваются как предложения, в которых подлежащее выражается именительным падежом. Предложения такого рода классифицируются как личные, что намекает на то, что в них действительно присутствует лицо (имя, или местоимение) в качестве подлежащего. Впоследствии все остальные предложения получили название «безличные». Что касается деления предложений на личные и безличные, то его можно отнести, прежде всего, к строевому соотношению между составами предложений, чем к грамматическому значению этих составов. Это объясняется тем, что между подлежащим и говорящим, или субъектом может не существовать никакого отношения, поскольку подлежащее по природе является «лицом» вполне формальным и собственно строевым.

А.Г. Руднев в своей трактовке лица в семантической структуре предложения в качестве субъекта относит его к синтаксико-семантической категории. По его мнению, лицо относится к семантической структуре предложения и является частью типизированной смысловой его стороне в соответствии с компонентом информации представляющим деятеля или состояние [Руднев 1968: 135]. Из этого следует, что субъекту, как одному из элементов семантической структуры предложения, свойственны формы своего выражения. Можно сопоставить такие выражения, как 1) *Я тоскую — У меня тоска — Мне тоскливо*; 2) *Я нездоров — Мне нездоровится*; 3) *Женщина в обмороке — С женщиной обморок* 4) *Свидетели отсутствуют — Свидетелей нет*; 5) *Плотники строят дом — Дом строится плотниками*. В них субъект и действия одинаковые, но состояния выражаются либо компонентом схемы (детерминантом: 1, 2, 3), либо компонентами разных схем (4), либо компонентом схемы или распространителем ее внутреннего состава (5). Это

значит, что в языке есть модель, на которую осуществляется опора при актуализации предложения в речи и которая в зависимости от речевой ситуации и от контекста может реализоваться частично. Например, *Ты идешь в кино?* — *Иду* показывает, что *я* (местоименная форма порядкового лица) остается невыраженной, а позиция подлежащего незаполненной. В аналитических языках с грамматизованной структурной моделью предложения заполнение позиции подлежащего личным местоимением, даже если оно соотносится с реальным субъектом — участником речевой ситуации, обязательно, поскольку оно является строевым (грамматическим) компонентом в структуре предложения. Тем более обязательно употребление формального подлежащего (местоимения 3-го лица: *it* в английском и *il* во французском, *es* в немецком) для выражения значения не-лица.

Заметим, что дискуссия о «личности/безличности» проявляется также в разногласиях по отношению к использованию безличных глаголов и инфинитива для выражения категории персональности. Для некоторых исследователей использование безличных глаголов и инфинитива для выражения категории персональности равнозначно в силу того, что в безличных предложениях нельзя отнести высказывание к одному из трех лиц [Калинин 1991:31]. Поддерживая эту точку зрения, Л.В. Шишкова рассматривает этот вопрос с семантической точки зрения и подчеркивает, что безличные предложения выражают действия или процессы без всяких связей с субъектом [Шишкова 2003: 32]. Существуют и другие точки зрения по данному вопросу, согласно которым формы безличности включаются в функционально-семантическое поле персональности в качестве крайне периферийных средств. В своей работе В.М. Никитевич отмечает, что безличные глаголы имеют прямое отношение к категории лица. По его мнению, и личные, и безличные глаголы имеют определенную связь с субъектом: «Сам термин *безличность* по своей внутренней форме связан с категорией лица. Личность и безличность — две основные абстракции категории лица» [Никитевич, 1963: 178-179].

Высказывалось мнение, что безличные глаголы (например, *повеяло, морозит, знобит* и т.д.) включаются в систему форм категории лица. Г.А. Золотова считает, что многие из исследователей, занимающихся вопросом о категории лица, подходят к вопросу с определенными предубеждениями. По словам ученого, «только морфологический предрассудок против неноминативного подлежащего мешает увидеть в этих предложениях два организующих компонента, как во всякой синтаксической модели предложения: субъект и предикат, или имя предикативного признака состояния и имя его носителя. Фиксированы формы того и другого компонента: личное имя субъекта в дательном и винительном падеже, в предикате слова категории состояния на -о, глаголы состояния в третьем лице и среднем роде, а также инфинитив» [Золотова 2004: 122–123].

В силу того, что специальный знак для не-лица (имперсональности) в местоименной системе современного русского языка отсутствует, число односоставных предложений пополняется обширным корпусом односоставных безличных предложений. Критерий классификации безличных структур в русском языке впервые установил Д.Н. Овсяннико-Куликовский, который предложил термин «бессубъектные предложения», основанный на признаке отсутствия подлежащего. Именно Д.Н. Овсяннико-Куликовский установил, что к семантической классификации абсолютно-безличных предложений нужно подойти только на основе семантики предиката, поскольку именно он является ядром предложения. Такие предложения, по свидетельству ученого, являются в основном простыми предложениями. Ученый различал относительно-безличные и абсолютно-безличные предложения, объясняя разницу между ними усложнением структуры. Он предлагал также классификацию безличных предложений, в основу которой положил различные степени бессубъектности. Относительно-безличные предложения, по свидетельству Д.Н. Овсяннико-Куликовского, являются предложениями сложноподчиненного характера, состоящими из двух основных компонентов – безличного ядра и осложняющего

компонента. Под осложняющим компонентом в данном контексте подразумевается либо придаточное предложение, либо вербальный комплекс. Согласно мнению В.В. Виноградова, которое мы полностью разделяем, относительно-безличные и абсолютно-безличные предложения отличаются главным образом в семантическом плане. Это объясняется тем, что в относительно-безличных предложениях выражается состояние, которое может мыслиться либо безлично, либо действие глагола приписывается «тому или иному лицу, как субъекту, испытывающему это состояние» [Виноградов 1986: 321]. Это такие предложения, как *мне надо работать; людям свойственно ошибаться; ему очень легко рисовать* и т. п. Осложняющий компонент в данных примерах — это глагольный комплекс (*надо работать, свойственно ошибаться, легко рисовать*). В языках, где есть специальная форма для выражения нелица, в эквивалентных по смыслу предложениях позиция подлежащего пустой не остается, сравним англ.: *it is very easy for him to draw*; фр.: *il lui est très facile à dessiner*; нем.: *es ist ihm sehr einfach zu zeichnen*. Заметим, что понятие «осложняющий компонент» трактуется неоднозначно. Языковеды О. Фишер и Ф. ван дер Лек проецируют одну из самых распространённых по этому вопросу точек зрения на английские предложения такого типа. Суть их пояснения заключается в том, что в этих конструкциях именно осложняющий компонент (придаточное предложение, в котором содержится глагол или глагольный оборот) выступает на поверхностном уровне, якобы в качестве объекта [Fischer, van der Leek 1986:]. Однако к данному утверждению нужно относиться с осторожностью, потому что, во-первых, объект должен соотноситься с глаголом *to be* и, во-вторых, специфика денотативного значения субъекта не допускает объектные актанты. Кроме того существует мнение, согласно которому сложный тип сказуемого формируется в предложении по типу глагольно-именного, и осложняющий компонент является частью сказуемого [Смирницкий 1957: 158; Сатимов 1987: 48]. Например, *it was great to watch him grow* (*было здорово наблюдать за его ростом*). Иными

словами, в предложении формируется сложный тип сказуемого, при котором осложняющий компонент является его частью [там же], например: *it was beautiful to watch her sing* (было приятно наблюдать, как она поет). Несмотря на то, что принцип состояния «без лица» в абсолютно-безличных и относительно-безличных предложениях в английском, немецком и французском языках выражаются по-разному, у них структура одна и та же типа «*it(il, es) + V/v+Adj, N*». Однако действие, которое содержится в абсолютно-безличных конструкциях типа *it is raining, es regnet, il pleut*, нельзя приписать какому-то лицу как субъекту, производящему данное состояние, тогда как относительно-безличные конструкции либо выражают состояние или действие, которое можно приписывать тому или иному лицу в предложениях типа *it is essential for her to go* (важно, чтобы она поехала: *es ist wichtig, dass sie geht; il est essentiel qu'elle parte*), либо относится к безличным в предложениях типа *it is a great way of spending time alone* (это отличный способ провести время в одиночестве: *Es ist eine großartige Möglichkeit, Zeit alleine zu verbringen*).

На наш взгляд, главное отличие относительно-безличных и абсолютно-безличных предложений заключается в лексическом значении предиката безличной структуры. Г.Х. Сатимов указывает, что относительно-безличные предложения выражают ситуацию, которая является неполноценной в смысловом плане и поэтому восполняется осложняющим компонентом [Сатимов 1987: 46]. Ученый подразделяет относительно-безличные предложения на модально-безличные и оценочно-безличные. Следовательно, за безличными предложениями кроется некий универсальный ментальный субстрат, глубинная ментальная основа, определяющая развитие и существование в языках «универсальной семантической зоны» (термин В.А. Плунгяна [Плунгян 2003: 9–11]). Универсальное логическое лицо (*personne d'univers*) входит в ядро универсальной семантической зоны, поскольку оно, как было показано выше, составляет основу и исходную семантику категории лица-персональности. В силу этого оно включает в себе также исходную семантику

грамматической категории подлежащего, что и находит отражение в когнитивно-семиотическом представлении данной категории в языках, достигших высокого уровня грамматизации структурной модели предложения, где «грамматические категории суть орудия понимания» и где безличные предложения получили эксплицитное грамматическое подлежащее — специальный знак для не-лица. Сема 3-го лица изначально присуща местоимениям, занимающим в парадигматическом ряду позицию 3-го порядкового лица единственного числа, а также их этимонам — указательным местоимениям, которые и закрепляются в системе как формальные подлежащие в структурной модели предложения. Наряду с ними в языках с двоичной местоименной парадигмой, к каковым принадлежит и язык йоруба (см. с. 61 наст. дисс.), функцию формальных подлежащих выполняют прилагольные личные местоимения. В безличных предложениях предикация осуществляется на основе того, что признак двусоставности приписывается абстрактному третьему лицу, которое вообще соотносится с реальностью. Это абстрактное третье лицо явно не выражается, но все-таки присутствует в подсознании говорящего и не только подразумевается при высказывании, но и также воспринимается слушателем. Подчеркиваем, что именно 3-е лицо среднего рода используется в случае, если в системе языка существует грамматическая форма для обозначения абстрактного третьего лица. Аналогично обязательно применяется форма неодушевленного местоимения, если языковая система позволяет противопоставлять формы по признаку одушевленности/неодушевленности.

Известный лингвист Л.С. Бархударов справедливо отмечает, что в английском языке для выражения безличности в синтаксических конструкциях именно местоимение третьего лица единственного числа «*it*» играет роль грамматического подлежащего [Бархударов 1966: 160]. В таких синтаксических конструкциях местоимение «*it*» всегда ставится в обычном для подлежащего положении в предложении, т.е. перед сказуемым. Чтобы проиллюстрировать

это, мы могли бы рассмотреть такие предложения, как *it snowed for three days* (три дня шел снег), *it's very cold outside* (на улице очень холодно) или *it is difficult to sell him anything* (трудно продать ему что-либо), где безличное «*it*» находится в самом начале предложений. На структурно-семантическом уровне такие предложения двусоставны в силу того, что они, как и личные предложения, являются знаком формы мысли. Г.В Колшанский полагает, что логический предикат получает свое лексико-морфологическое выражение в таких предложениях в отличие от логического субъекта, который в свою очередь получает иное лингвистическое выражение. Именно этим объясняется то, что хотя вышеприведенные примеры лексически (в речи) являются односоставными (однознаковыми), но на уровне языка они представляют собой двусоставные модели [Колшанский 1965: 168].

Отметим, что роль личного местоимения третьего лица единственного числа «*it*» как формального подлежащего в безличных предложениях английского языка объясняется спецификой развития его грамматического строя. В грамматике современного английского языка отсутствует развитая система флективных форм, в том числе и в глагольных формах. А.И. Смирницкий описывает глаголы в английском языке как не способные по природе своей оформленности четко указывать на субъект, что объясняет потребность в особом слове *it* для выполнения функции, подобной функции глагольной флексии [Смирницкий 1959: 140]. Английский язык на протяжении всей своей истории определённым образом стремится к аналитизму, и это явно отражается в функции местоимения «*it*» как строевой единицы в безличных предложениях. То, что синтаксические конструкции с местоимением «*it*» распространены в английском языке, объясняется тем, что в грамматическом строе современного английского языка наблюдается склонность к полному отклонению от флексий для выражения грамматических отношений. В качестве их замены используются другие элементы языка, в частности — служебные слова. Таким образом, хотя слово «*it*» сохраняет свой грамматический статус

местоимения, оно в безличных конструкциях семантически опустошено. Можно сравнивать слово «*it*» в этом контексте с немецким «*es*» или с французскими «*il*», «*ce*», с которыми оно отождествляется по функции. Тот факт, что безличное «*it*», является семантически опустошенным, не является причиной считать его лишним или ненужным в безличных конструкциях, потому что оно выполняет в структуре предложения важную роль формального подлежащего в формальном предикативном ядре. Здесь нужно подчеркнуть, что семантическое значение у безличного «*it*» отступает на второй план по причине того, что слово «*it*» представляет собой всего лишь строевой элемент несмотря на выполняемую им грамматическую функцию в предложении. В таких предложениях на первый план выступает сказуемое, которое выражает действие или состояние, что является основным содержанием высказывания: именно сказуемое играет главную роль в безличных конструкциях английского языка. Таким образом, как справедливо отмечает А.И. Смирницкий, безличность в современном английском языке – это лексическое выражение бессодержательности подлежащего [Смирницкий 1957: 158].

На семантическом уровне абсолютно безличные предложения выражают действие или состояние, которые производятся сами собой вне зависимости от воли человека. Д.Н. Овсяннико-Куликовский называет данную группу безличных предложений абсолютно-безличными предложениями [Овсяннико-Куликовский 1912:]. Безличные предложения типа *it rains*, *it is dark* и *it is six o'clock* не подвергаются трансформации, что подтверждает тот факт, что они абсолютно безличные. По мнению Р. Ружички, не следует приравнивать предложение типа *it is raining* к предложению *the rain is falling*. Хотя второй вариант вполне возможен в языке и не нарушает никаких грамматических норм, он не является аналогичным первому примеру в семантическом плане [Ружичка 1963: 22]. По словам А.И. Смирницкого, субъект в подобного рода предложениях представляется «не как конкретный предмет, а как стечение обстоятельств» [Смирницкий 1959: 141]. В случае, когда субъект в предложении присутствует,

он проявляет себя как осложняющий компонент в виде косвенного дополнения с некими элементами, которые сопровождают его. Например, *it is very easy for him to draw* (ему очень легко рисовать). Обращаем внимание на то, что предложения такого рода, в которых содержатся глагольные или пропозициональные расширения, могут существовать как в безличной форме, так и в личной. Например: *for him to draw is very easy* (для него рисовать очень легко); *it is very easy for him to draw*. По мнению А.И. Смирницкого, предложения с личным вариантом безличной модели можно различать по типам и смыслу. По словам ученого, в первом варианте выражается содержание того, что необходимо. Именно первый вариант также передает информацию о существовании необходимости произвести какое-либо действие. Во втором варианте действие выражается инфинитивом, который означает, что необходимо совершить действие [Смирницкий 1959: 158]. В зависимости от коммуникативной или прагматической установки говорящий выбирает один из этих вариантов.

Таким образом, «безличность» имеет свою основу в понятийной категории *имперсональности*, которая существует в тесной связи с понятийными категориями *неопределенности* и *неодушевленности*, которые в свою очередь на грамматическом уровне проявляются в субъекте в форме 3-го лица единственного числа. За понятием «не-лицо» кроется представление человека об окружающем мире и о своем отношении к нему.

Выводы

1. В языковедческой науке существуют различные подходы к изучению категории лица/персональности. К изучению этой категории обращались многие известные лингвисты (К.С. Аксаков, В.В. Богданов, А.В. Бондарко, Ф.И. Буслаев, И.И. Мещанинов, А.М. Пешковский, Ю.С. Степанов, О.А. Турбина, А.А. Шахматов, Р.О. Якобсон, Э.Бенвенист, Г. Гийом, Л.Теньер и др.). В нашем исследовании при рассмотрении категории лица/персональности мы используем когнитивно-семиотический подход, согласно которому данная категория определяется как результат осмысления и категоризации пространства по оси лица, который сопровождается в языках грамматизацией и формированием местоименных парадигм с выраженными оппозициями порядковых лиц и не-лиц с различными значениями персоналий и имперсоналий. Язык йоруба, как и многие другие языки (английский, немецкий, французский), имеет хорошо развитую местоименную систему, которая используется для категоризации явлений окружающего мира, включая самого субъекта категоризации. Рассмотрение категории лица/персональности в русском языке предполагает обращение к ее выражению лексическими средствами в силу отсутствия в местоименной парадигме русского языка специальных форм для выражения «непорядковых» лиц (с безличными, неопределенно-личными значениями).

2. В оппозиции *1-е л./2-е л.* первое лицо является главным, т. к. обозначает говорящего, а второе — слушающего. Во многих языках местоимения *ты* и *вы* употребляются для субституции местоимения обобщенно-личного типа, соответствующего, например, французскому *on*, или немецкому *man*. Именно по этой причине местоимения *ты* и *вы* в меньшей степени могут определиться как лицо *не-я*. 3-е лицо в языковом представлении всегда имеет особый статус, в силу чего вопрос о статусе 3-го лица в плане грамматической и семантической природы всё ещё является предметом научного дискурса, в том числе и в силу того, что оно содержит признаки и личной, и неличной формы. Известный

языковед Г. Гийом, как и А.Ф. Лосев, а вслед за ними О.А. Турбина придают третьему лицу статус первоисточника грамматического понятия лица вообще. Г. Гийом указывает на особый статус 3-го лица как формы и способа категоризации пространства, отражающего языковое представление об *универсальном объекте*, который ученый обозначил термином «объективное логическое лицо» (*personne d'univers*) – языковое воплощение обобщенного представления об окружающем мире, включающем все возможные потенциальные объекты живой и неживой природы. Поэтому система языка (языков) при выборе знака для не-лица, как правило, останавливается на форме 3-го л. ед. числа, который и закрепляется в местоименной парадигме с этим значением в оппозиции к омонимичной форме 3-го порядкового лица по признаку одушевленности/неодушевленности. Такая тенденция наблюдается в индоевропейских языках и в языке йоруба, где 3-е лицо проявляет личные и безличные характеристики.

3. Всё, что касается структуры предложения, непосредственно связано с вопросами философского порядка, обращенными к анализу отношений между языком и мышлением и даже — к происхождению языка и мышления. На этой идее выросло все европейское языкознание, и она остается актуальной и сейчас. Современные ученые указывают на сложный и многосторонний характер предложения как единицы языка и выделяют в качестве объектов анализа различные его аспекты. В числе лингвистов, которые внесли большой вклад в изучение предложения, можно назвать такие имена, как А.М. Пешковский (1914), А.А. Шахматов (1925), В.В. Виноградов (1954), А.В. Бондарко (1978, 1987), О.И. Москальская (1983, 2004), С.Д. Кацнельсон (1986, 2004), Б.А. Абрамов (2001), Т.П. Ломтев (2004), В.Г. Гак (1991, 2010), Н.Д. Арутюнова (1999, 2005), Х. Бринкманн (1971), Г. Хельбиг (1971, 2000), Н. Хомский (1971), О.А. Турбина (2023) и др.

4. Когнитивно-семиотический подход к изучению предложения предполагает рассмотрение его формы и содержания в неразрывном единстве

как обусловленных, с одной стороны, когнитивными процессами, связанными с осмыслением и категоризацией окружающего мира, и системно-языковыми механизмами, определяющими результаты этих процессов системой языка — с другой. В таком представлении предложение характеризуется как языковой знак, законченный продукт семиозиса, оформившийся вследствие преломления и интерпретации языковым сознанием обобщенного представления о ситуации, а его члены — как синтаксические категории, являющие собой результат преломления и интерпретации субъекта, объекта и предиката и, соответственно, их выражения как подлежащего, сказуемого и второстепенных членов. Так, в языках с развитой грамматической категоризацией предложение становится не формой выражения мысли, а знаком формы мысли, где субъект целиком отражен так, что в нем не оставлено ничего слепо-чувственного, животное-инстинктивного и недифференцированного, а обозначение лица есть понимание (и, следовательно, выражение) *чего бы то ни было* как лица, в силу чего *лицо* становится семантической опорой подлежащего, а позиция «номинатива-подлежащего» становится обязательной в структурной модели предложения. Это сопровождается закреплением в системе местоименных форм не только знаков для выражения порядковых лиц, но и знака для выражения не-лица. Система языка устремляется к все более точной формализации компонентов предложения, способных эксплицитно выразить предикацию, а местоимениям, которые существуют практически во всех доступных изучению языках, отводит функцию грамматического оформления подлежащего. Таким образом, категория лица становится семантической основой категории подлежащего, потому что самим своим происхождением она связана с субъектом.

5. Поскольку категория лица является семантической основой категории подлежащего, она изначально синтаксична. Следовательно, значение личности/безличности выявляется на уровне предложения и имеет непосредственную связь с субъектностью/бессубъектностью. В безличных предложениях предикация осуществляется на основе того, что признак

двусоставности приписывается абстрактному третьему лицу (универсальному — *personne d'univers*), которое соотносится с реальностью вообще. Значение универсального лица входит в ядро универсальной семантической зоны, поскольку оно составляет основу и исходную семантику категории лица/персональности. В силу этого оно включает в себе также исходную семантику грамматической категории подлежащего, что и находит отражение в когнитивно-семиотическом представлении данной категории в языках, достигших высокого уровня грамматизации структурной модели предложения, где бесличные предложения получили эксплицитное грамматическое подлежащее — специальный знак для не-лица. В аналитических языках с грамматизованной структурной моделью предложения заполнение позиции подлежащего личным местоимением, даже если оно соотносится с реальным субъектом — участником речевой ситуации, обязательно, поскольку оно является строевым (грамматическим) компонентом в структуре предложения. Тем более обязательно употребление формального подлежащего (местоимения 3-го лица: *it* в английском и *il* во французском, *es* в немецком) для выражения значения не-лица.

6. Знак для выражения не-лица есть не во всех языках номинативного строя, и в частности, к таким языкам относится русский, в силу чего число односоставных предложений пополняется обширным корпусом односоставных бесличных предложений. Такие предложения являются грамматическими конструкциями, в которых нет производителя действия или носителя признака, но свойство предкативности, т. е. двусоставности на глубинном уровне сохраняется. Это такие предложения, как *мне надо работать; людям свойственно ошибаться; ему очень легко рисовать* и т. п. В языках, где есть специальная форма для выражения не-лица, в эквивалентных по смыслу предложениях позиция подлежащего пустой не остается, сравним англ.: *it is very easy for him to draw*; фр.: *il lui est très facile à dessiner*; нем.: *es ist ihm sehr einfach zu zeichnen*.

ГЛАВА 2.

МЕСТОИМЕННИЯ В БЕЗЛИЧНЫХ, НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ, ОБОБЩЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ В ЯЗЫКЕ ЙОРУБА

2.1. Краткий очерк типологических особенностей языка йоруба

Йоруба – один из наименее изученных языков в мире, по крайней мере, по сравнению с основными европейскими языками, такими, как английский, французский или немецкий. По этой причине для того, чтобы понять определенный аспект языка, такой как категория личности, являющуюся предметом нашего исследования, важно представить краткий очерк грамматического аспекта языка йоруба. Именно такой анализ может обеспечивать необходимую основу для понимания категории личности /безличности в языке йоруба.

Язык йоруба принадлежит семейству ква из нигеро-конголезских языков Африки. Он является одним из основных языков Нигерии, и на нём говорят в основном на территории западной части страны. Кроме Нигерии, на йоруба говорят в центральном и восточном регионах Бенина. В состав языка йоруба входят западный, юго-восточный, центральный и северо-восточный диалекты [Awobuluyi 1979: 36]. М. Х. Уоткинс, исследуя языки Нигерии, отмечает, что более 80% населения на западе страны говорят на йоруба. За ним следует язык эдо, носители которого составляют всего лишь 7% общего населения этого региона [Watkins 1972: 387]. Таким образом, йоруба является самым распространённым языком в Нигерии.

Классификация диалектов йоруба имеет характер «диалектного континуума» на основании того, что эти диалекты обладают высокой степенью «взаимопонятности», хотя между ними наблюдаются фонологические, лексические и даже некоторые грамматические различия. В число диалектов языка йоруба входят игбомина, ондо, иджеша, иболо, ифе, йева, эгба, иджебу, авори, ойо и ибадан. Поскольку язык йоруба существует в различных диалектных разновидностях, возникает вопрос, какой из его диалектных

вариантов может послужить материалом для данного исследования. При описании языка йоруба исследователи обычно работают с так называемым стандартным его вариантом, который «используется в целях обучения, общения и контакта между носителями разных диалектов» [Vamgbose 1980: 46]. Он развился на основе диалекта ойо, но в процессе стандартизации претерпел существенные изменения, в силу чего современный стандартный йоруба настолько сильно отличается от диалекта ойо, что теперь он рассматривается как совершенно самостоятельный вариант языка [Fabunmi 2003: 3–4]. Он является объектом и нашего исследования.

В действительности стандартный йоруба существует главным образом в письменной форме и как своего рода лингва-франка в пределах, говорящих на языке йоруба районов. Эта форма считается официальной и престижной, поэтому в общественных местах большинство носителей языка йоруба стремятся использовать именно её и избавиться от диалектных особенностей в своей речи. Таким образом, стандартная форма языка йоруба может рассматриваться как разновидность языка, который используется в преподавании, публичных выступлениях и служит письменным и литературным стандартом для всего языкового сообщества. Международный Африканский институт определяет стандартный вариант языка йоруба следующим образом:

- 1) на языке йоруба говорят как на родном 20% нигерийцев;
- 2) в общей сложности носителями языка в стране являются около 25% от общей численности населения страны;
- 3) именно стандартный вариант языка йоруба используется средствами массовой информации, в том числе радио, телевидением и в интернете;
- 4) стандартный вариант языка йоруба также используется в качестве языка формального обучения в учебных заведениях;
- 5) для стандартного варианта языка йоруба принята нормативная орфография.

Итак, язык йоруба является одним из наиболее документированных языков

в Нигерии. Бельгийский лингвист А. Герард пишет: «Пока нигде в Африке не осуществляют литературную деятельность на местном языке с таким интересом и значимой результативностью, как это свойственно представителям интеллигенции йоруба, проявляющих явную исключительную степень способностей к творчеству как на родном, так и на европейских языках» [Gerard 1982: 12].

Алфавит языка йоруба состоит из двадцати пяти букв и пяти диграфов. В йоруба произношение звуков, обозначенных этими буквами, может в некоторой степени отличаться в зависимости от диалекта. Такая вариантность в произношении объясняется тем, что, как уже было отмечено выше, язык йоруба включает около 30 диалектов.

Приведём общие сведения о гласных и согласных стандартной разновидности йоруба. Инвентарь гласных включает 7 неносовых гласных /i e ε a o o u/ и 5 носовых /ĩ ẽ ã õ ù/, дифтонгов в системе не представлено [Eme, Uba 2016: 74–75]. Инвентарь согласных включает 18 единиц: /b t d k g kp gb f s ʃ h ɖz m n l r j w/ [там же]. В лингвистической литературе имеется ряд экспериментальных работ, посвященных системе гласных фонем йоруба и особенностям их реализации. Так, выявлено, что пары гласных [eo] и [εo] различаются прежде всего по ряду, их разница по подъёму несущественна [Allen 2013:]. Также обнаружено, что при выпадении гласного оставшийся гласный подвергается небольшому компенсаторному удлинению [Danis 2020: 9].

Йоруба является тональным языком, в котором тон выполняет смыслоразличительную функцию: для различения лексических и грамматических значений используются фонологически значимые тоны. В йоруба три тона, сочетаемость которых в пределах слова неограничена [Eme, Uba 2016: 77–78], что нашло отражение в орфографии (см. табл. 1), где имеется большое количество диакритических знаков для гласных *a, e, ε, i, o, o, u*. В зависимости от высоты тона слово может иметь различные значения:

Тоны в языке йоруба

тип тона	обозначение
высокий тон	á, é, ê, í, ó, ô, ú
средний тон	не отмечается
низкий тон	à, è, è, ì, ò, ò, ù

ọkọ 'муж' *ọkó* 'тяпка' *òkò* 'копьё' *ọkò* 'машина'

Igba 'двести' *Igbá* 'калебас' *Ìgbà* 'время' *Igbà* 'верёвка'

Комментируя значимость тона в языке йоруба, П. Ладефогед подчёркивает важную роль интонации в передаче значения слова и указывает на то, что носители атональных языков испытывают затруднения в понимании изменения значения слова в зависимости от изменения тона [Ladefoged 2008: 26]. Тоновые знаки по правилам ставятся только на гласных. Заметим, что гласные в начальной позиции слова могут иметь только средний и низкий тон и никогда высокий. Исследованию тонов йоруба посвящены некоторые более поздние работы, например [Ajíbóyè 2011: 13], где изучались особенности реализации тонов при взаимодействии просодии слова и просодии фразы с привязкой к выпадению гласного и гласной вставке.

Одной из главных особенностей имён существительных в языке йоруба является почти полное отсутствие односложных существительных, что отличает их от глаголов, которые главным образом существуют в односложных вариантах. Наиболее распространены двусложные и трёхсложные имена существительные, которые всегда начинаются с гласных звуков, за исключением существительных, заимствованных из других языков: *kádàrà* 'судьба' (заимствовано из арабского языка); *bòlù* 'мяч' (заимствовано из английского языка), и относительно небольшой группы существительных, образованных

способом редупликации, например: *kikó* 'учение', *lilo* 'ходьба'.

Словообразование имён существительных осуществляется главным образом путём префиксации, агглютинации и редупликации. Что касается префиксации, то наиболее распространёнными продуктивными префиксами имён существительных являются односложные префиксы *a*, *e*, *ɛ*, *i*, *o*, *o*, которые образуют от глаголов имена существительные со значением имени действия, деятеля, орудия действия и существительные с абстрактным значением. При помощи префикса *a* обычно образуются имена существительные со значением имени действия: *àbò* 'приезд' (от *bò* 'приезжать'), *àlò* 'отъезд', (от *lò* 'уходить'); префиксы *e* и *ɛ* образуют имена существительные со значением имени действия или результата действия: *èbè* 'просьба' (от *bè* 'просить'), *èṣṣè* 'грех', (от *ṣṣè* 'грешить'), *ɛrù* 'тяжесть' (от *rù* 'нести', *èrò* 'мысль') и т. п. Префикс *i* очень продуктивный – с его помощью от глаголов образуются имена существительные со значением имени действия и результата действия: *ìrìn* 'ходьба', (от *rìn* 'ходить'), *iṣé* 'работа', (от *ṣe* 'выполнять'), *ibèwò* 'посещение' (от *bè wò* 'посещать') и т. п.

Существительные с абстрактным значением обычно образуются от глаголов качества или состояния: *òtútù* 'холод' (от *tútù* 'быть холодным'), *òye* 'ум' (от *ye* 'быть умным, талантливым'). Существительные со значением деятеля могут быть образованы как от глаголов, так и посредством агглютинации глагола и существительного. Например, *ota* 'стрелок' (от *ta* 'пронзать'), *ode* 'охотник' (от *de* 'ловить'), *ore* 'друг' (от *re* 'дружить'), *ò mọ lé* 'строитель' (*ò* + *mọ* 'строить' + *lé* 'дом') и т. п. Упомянутая выше редупликация не ограничена существительными. В этой связи не может не вызывать интерес просодическая редупликация как способ образования наречий (при обязательном наличии двух мор) [Ehineni 2017: 40]. Следует особо отметить, что словообразование языка йоруба уже стало предметом разработки автоматического морфологического анализатора, успешно апробированного на материале отглагольных существительных, образованных с помощью аффиксации [Agbeyangi 2016: 9].

Имеются сравнительно-сопоставительные исследования разнообразных словообразовательных моделей, например, с немецким языком [Fabusuyi, Ogunwale 2015: 79].

Что касается морфологии, то имена существительные в языке йоруба имеют предметное значение. В языке йоруба ни существительные, ни местоимения не склоняются. Однако для личных местоимений характерно противопоставление формы прямого падежа формам косвенных падежей, что позволяет нам говорить о супплетивных формах склонения местоимений. Лингвист Авобулуй предлагает систему местоимений в языке йоруба, в состав которой входят две группы местоимений: эмфатические и неэмфатические. Эмфатические, как и неэмфатические местоимения, в языке йоруба по правилам способны функционировать как субъект и объект глаголов, а также могут служить как определители существительных в качестве притяжательных местоимений [Awobuluyi 1979: 22]:

Таблица 2

Эмфатические местоимения

	Ед. число	Мн. число
1 лицо.	<i>èti</i>	<i>àwa</i>
2 лицо	<i>ìwọ</i>	<i>èyin</i>
3 лицо	<i>òun</i>	<i>àwọn</i>

Таблица 3

Неэмфатические местоимения

	Ед. число	Мн. число
1 лицо.	<i>to</i>	<i>a</i>
2 лицо	<i>o</i>	<i>ẹ</i>
3 лицо	<i>ó</i>	<i>wọn</i>

Одна важная особенность языка йоруба – это существование в нем множества диалектов, которые могут значительно отличаться от стандартной формы языка. Однако все местоимения в языке йоруба существуют и сохраняют свои формы во всех диалектных вариантах. Это означает, что одни и те же формы местоимений существуют с теми же функциями во всех диалектах языка без исключения. Что касается категории определённости/неопределённости нужно заметить, что в языке йоруба не существует артиклей как грамматических формантов, а значение определённости/неопределённости выражается с помощью числительного *kan* от слова *oókan* (рус. 'один') и указательного местоимения *náà* (рус. 'тот', 'та', 'то'). Эти слова на самом деле не являются артиклями, но их иногда так называют в силу схожести с артиклями функции выражения значения определённости/неопределённости: числительное *kan* используется в качестве актуализатора имени существительного со значением неопределённости, а указательное местоимение *náà* актуализирует значение определённости [Турбина, Ифатуроти, 2020, с. 55].

Категория рода в языке йоруба непосредственно связана с категорией одушевлённости / неодушевлённости. Значение рода актуально только для одушевлённых существительных и выражается различными способами: во-первых, лексически: существуют слова, обозначающие существа определённого пола: *bàbá* 'отец', *iyá* 'мать', *òkùnrin* 'мужчина', *obìnrin* 'женщина', *àkùkò* 'петух', *adiẹ* 'курица', *àgbò* 'баран', *àgùntàn* 'овца' и т. д. Во-вторых, значение рода может быть выражено посредством добавления к смыслообразующему слову (препозитивно, или постпозитивно) слова со значением пола. У имён существительных, обозначающих людей, значение пола / рода передаётся путём постпозитивного присоединения слов *òkùnrin* 'мужчина' или *obìnrin* 'женщина'.

Так, если в качестве примера возьмём слово *ọmọ*, которое означает 'ребёнок' в общем смысле, то 'мальчик' будет обозначен как *ọmọòkùnrin*, а 'девочка' – *ọmọobìnrin*. По тому же правилу слово *ìrànsẹ́* 'слуга' приобретает

формы *iránṣéòkùnrin* 'слуга', или *iránṣéòbìnrin* 'служанка' в случае, когда нужно уточнить пол / род. Для имён существительных, обозначающих животных, в качестве «слов-детерминативов» пола / рода используются *ako* 'самец' или *abo* 'самка', которые подставляются препозитивно к основному слову, например: *akoṣin* 'кобель', *aboṣin* 'кобыла' ('самка кобеля'); *akomàlú* 'бык', *abomàlú* 'корова' ('самка быка') и т. д.

Кроме того, пол / род (гендерная принадлежность) в языке йоруба может указываться путём агглютинации двух или больше слов: *baálé* 'муж', (букв. 'мужчина дома'): «*bàbá* 'отец', 'мужчина' + *ilé* 'дом'»; *iyálé* 'жена': «*iyá* 'мать' + *ilé* 'дом'»; *bàbáńlá* 'предок': «*bàbá* 'мужчина' + *ńlá* 'большой'»; *iyáńlá* 'прародительница': «*iyá* 'мать' + *ńlá* 'большой'»; *bàbálèrò* 'хозяин', 'домовладелец': «*bàbá* 'мужчина' + *ilé* 'дом' + *èrò* 'путешественник'»; *iyálèrò* 'хозяйка': «*iyá* 'мать' + *ilé* 'дом' + *èrò* 'путешественник'» и т. д.

Отметим, что множественное число существительных в языке йоруба образуется также посредством подстановки к существительному местоимения *àwọn* 'они', или наречия *òròlorò* 'много', каждое из которых, как правило, препозитивно к существительному, от которого нужно образовать множественное число. Хотя они взаимозаменяемые, наблюдается тенденция, согласно которой *àwọn* 'они' используется по преимуществу с одушевлёнными, а *òròlorò* 'много' – с неодушевленными существительными. Например:

Dókítà ti dé – 'Врач прибыл'; *Àwọn dókítà ti dé* – 'Врачи прибыли'.

Ilé yìí dára ní kíkó – 'Это здание красивое'; *Òròlorò ilé yìí dára ní kíkó* – 'Эти здания красивые'.

Множественное число также может образоваться путём редупликации существительного с соединительным союзом *àti*. Например:

Onísòwò àti onísòwò kii bá ti bá ara wọn wíjọ. Букв.: **Торговец и торговец не должны были обмениваться словами между собой.* = *Торговцы не должны были ссориться между собой*'.

В языке йоруба нет словоизменения именных частей речи

(существительных, прилагательных, местоимений и числительных) для выражения грамматических категорий числа, рода и падежа. Таким образом, функции падежей выражаются с помощью синтаксиса. Существует несколько способов выражения синтаксических функций существительных. Во-первых, при помощи порядка слов, несвободного в йоруба, где подлежащее всегда препозитивно глаголу-сказуемому. Например:

Akin kọ ìwé sí bàbá rẹ̀. Букв.: *Акин писать книга на отец его. = 'Акин написал отцу письмо'.

Имена существительные в функции прямого дополнения всегда ставятся после глагола. Например:

Mo ni ifẹ̀ àbúrò mí. Букв.: *Я имею любовь младший брат мой. = 'Я люблю своего младшего брата'.

Притяжательное отношение в языке йоруба выражается посредством контактной позиции (позиции примыкания) двух существительных или существительного и местоимения в порядке следования «определяемое-определитель»: вначале наименование того, что принадлежит кому-либо, а после него именование владельца, например:

Owó bàbá. Букв.: *деньги отец = 'деньги (своего) отца'; *Owó bàbá mí.* Букв.: *деньги отец мой = 'деньги моего отца'.

Притяжательное отношение может также выражаться при помощи предлога *tí* 'для', который часто используется с целью передать обладание тем или иным предметом, например:

Ìwé yìí jẹ́ tí Akin. Букв.: *Книга эта есть для Акин. = 'Эта книга Акин';

Filà yìí kìì sẹ́ tí àbúrò mí. Букв.: *Шапка эта не есть для брат мой. = 'Эта шапка не моего брата'.

Именные словосочетания с зависимым прилагательным строятся по модели «определяемое-определитель»:

Ọtọ́ rere. Букв.: *ребёнок хороший = 'хороший ребёнок'.

Обращаем внимание на то, что хотя в конструкциях с описательным и

притяжательным значением порядок слов одинаковый, их актуализация в речи различается: в конструкциях со значением принадлежности последний слог главного слова удваивается. Например:

Ọtọọ Rere. Букв.: *ребёнок для Rere = 'ребёнок Rere', где Rere – имя собственное.

Прилагательные в большинстве случаев являются постпозиционными по отношению к определяемым существительным. Например:

ọkùnrin kùkurú kan - букв.: *мужчина невысокий один = 'один невысокий мужчина';

ilé ñlá kan – букв.: *дом большой один = 'один большой дом';

ọkọ rira tẹ ta – букв.: *машины красные три = 'три красные машины' и т. д.

Однако встречаются исключения, при которых прилагательные ставятся перед существительными: прилагательные *gbogbo* 'все', *òpòlorò* 'большое количество', *àìtoyè* 'несчётное', как правило, употребляются препозиционно по отношению к именам существительных, чтобы подчеркнуть свойство человека или вещи, которое говорящий считает особым, например:

ọlọgbọ́n ọtọ '(очень) умный ребёнок'; ср.: *ọtọ ọlọgbọ́n* 'умный ребёнок';

oníjògbọ́n ọtọ '(очень) нашкодивший ребёнок'; ср.: *ọtọ oníjògbọ́n* 'нашкодивший ребёнок';

akọ òkúta '(очень) твёрдый камень'; ср.: *òkúta akọ* 'твёрдый камень'.

В языке йоруба нет специальной флективной формы прилагательного для обозначения сравнительной степени, как в русском (*большой – больше*) или в английском (*big – bigger*) языках. Сравнительная степень образуется путём добавления к прилагательному глагола *ju*, который в общем смысле имеет значение 'превзойти'. Однако в случаях его употребления в качестве квази-детерминатива со значением 'больше' или 'очень' он приобретает функцию наречия. Например:

aşọ yì dára ju t'òhún - букв.: *ткань этот хорош превзойти тот = 'эта

ткань лучше, чем та';

ibi iṣé mi jìnà ju ibi iṣé yín - букв.: 'место работа мой далеко превзойти место работа ваш = 'место моей работы дальше вашего';

Ọjà wa wón ju ọjà yín - букв.: *товар наш дорого превзойти товар ваш = 'наш товар дороже вашего' и т. д.

Вместе с тем исследования показали, что *ju* продолжает сохранять значение и функциональные характеристики глагола, ибо он обязательно присутствует в устойчивых глагольных конструкциях, строящихся по типу инкорпорации, или рамочной конструкции. В частности, глагол *ju* образует устойчивое сочетание с глаголом *lọ* 'идти' для выражения превосходной степени: превосходная степень в йоруба выражается с помощью добавления к конструкции сравнительной степени глагола *lọ*:

Dàda ga, Segun ga ju Dàda, Akin ga ju Dàda ati Segun lọ. Букв.: *Дада высокий, Шегун высокий превзойти Дада, Акин высокий превзойти Дада и Шегун идти = 'Дада высокий, Шегун выше, Акин самый высокий';

Ọjà wa wón, Ọjà yín wón ju, Ọjà wón wón ju ọjà awa ati eyín lọ. Букв.: *Товары наши дорого, товары ваши дорого превзойти, товары их дорого наши и ваши идти = 'Наши товары дорогие, ваши товары дороже, их товары самые дорогие'.

Odò Ògùn tóbi, Odò Ògùn tóbi ju odò Ọṣun, Odò Oyo tóbi ju odò Ògùn ati Odò Ọṣun lọ. Букв.: *Река Огун большой, Река Огун большой превзойти Река Ошун, Река Ойо большой превзойти река Огун больше река Ошун идти' = 'Река Огун большая, река Огун больше реку Ошун, река Ойо самая большая';

Adé tọ iwé ju gbogbo wa lọ. Букв.: *Аде знать книга превзойти все нас идти = 'Аде учится лучше всех нас'.

В своей работе лингвист Леон Стасен назвал языки, в которых глаголы используются таким образом, «вербальными языками» [Stassen 1985: 178], а нефлективный способ выражения сравнительной и превосходной степеней в йоруба исследователи относят к «лингвистическим африканизмам» – термин,

обозначающий явления, «которые являются общими или частыми в африканских языках, но полностью отсутствуют или редко присутствуют в других языках» [Meeussen 1975: 268].

Настоящее и прошедшее времена образуются одинаково, поскольку в языке йоруба нет специальных форм, указывающих на время:

Mo lọ. 'Я иду'; 'Я ходил';

Àwa dé. 'Мы возвращаемся'; 'Мы вернулись';

Ó sùp. 'Он спит'; 'Он спал';

O jókò. 'Ты сидишь'; 'Ты сидел'.

Чтобы определить, какое именно время выражено, необходимо обращать внимание на контекст. Будущее время выражается посредством особого временного форманта *yíò*, который в речи обычно сокращается до *ò* и *á*. Сокращение препозиционного по отношению к глаголу временного форманта *yíò* > *o* встречается очень часто. Например:

Èmi yíò wá lọla; или: *Èmi ò wá lọla;* или: *Èmi á wá lọla* – 'Я приду завтра'.

Поскольку настоящее время и прошедшее время могут не различаться формально, в случаях, когда значение настоящего времени необходимо особо подчеркнуть, в речи добавляется формант. Например:

Àwa ñ kọ ìwé. 'Мы пишем письмо';

O ñ ta aṣọ. 'Ты продаёшь одежду';

È yin ñ ṣe iṣé. 'Вы работаете'.

Сравним примеры:

Àwa kọ ìwé. 'Мы пишем письмо'; 'Мы писали письмо';

O ta aṣọ. 'Ты продаёшь одежду'; 'Ты продал одежду';

È yin ṣe iṣé. 'Вы работаете'; 'Вы работали'.

Поскольку настоящее время и прошедшее время могут не различаться формально, в случаях, когда значение настоящего времени необходимо особо подчеркнуть, в речи добавляется формант. Например:

Àwa ñ kọ ìwé. 'Мы пишем письмо';

O ñ ta aṣọ. 'Ты продаёшь одежду';

Èyìn ñ ṣe iṣé . 'Вы работаете'.

Сравним примеры:

Àwa kọ ìwé. 'Мы пишем письмо'; 'Мы писали письмо';

O ta aṣọ. 'Ты продаёшь одежду'; 'Ты продал одежду';

Èyìn ṣe iṣé. 'Вы работаете'; 'Вы работали'.

В языке йоруба нет страдательного залога, соответственно, активный и пассивный залог не различаются. Это значит, что субъект действия (лицо или предмет) в предложении не может выступать в функции подлежащего, не производя никакого действия, а вместо этого испытывать на себе чьё-либо действие.

Числительные в языке йоруба представляют собой самостоятельную часть речи, которая обозначает число, количество и порядок предметов. Они считаются наиболее сложной частью речи в языке йоруба с учетом принципов образования и структуры. Исследованию числительных посвящена работа О. Бабаринде [Babarinde 2013: 85]. Автор представил следующее описание. Числительные образуются на основе десятичной и двадцатеричной систем, включающих в себя такие математические действия, как сложение, вычитание и умножение. В пределах первого десятка количественные числительные представляют собой слова с разными корнями.

Числительные второго десятка образуются по принципу сложения или вычитания кроме числительного *ogún* 'двадцать'. Для того, чтобы образовать числительные от одиннадцати до четырнадцати, к числительному *èwá* 'десять' добавляется соответствующая цифра; от пятнадцати до девятнадцати вычитается соответствующее число из числительного *ogún* 'двадцать' со значительными фонетическими изменениями в словах:

1 *ení*

4 *èrin*

2 *èjì*

5 *àrún*

3 *èta*

6 *èfà*

7 <i>èje</i>	14=10 + 4 <i>èrìnlá</i>
8 <i>èjo</i>	15=20 – 5 <i>àrùndínlógún</i>
9 <i>èsán</i>	16=20 – 4 <i>èrìndínlógún</i>
10 <i>èwá</i>	17=20 – 3 <i>ètàdínlógún</i>
11=10 + 1 <i>òkànlá</i>	18=20 – 2 <i>èjìdínlógún</i>
12=10 + 2 <i>èjìlá</i>	19=20 – 1 <i>okàndínlógún</i>
13=10 + 3 <i>ètàlá</i>	20=10+10 <i>ogún</i>

Если возьмём, например, числительное *òkànlá* 'одиннадцать', то оно представляет собой результат слияния в одно слово числительного *oókan*, глагола *lé* 'прибавлять' и числительного *èwá* 'десять' в то время, как числительные от пятнадцати до девятнадцати образуются путём вычитания из двадцати. Например, *èrìndínlógún* 'шестнадцать' образуется из числительного *èrin* 'четыре', глагола *dín* 'уменьшить' и числительного *ogún* 'двадцать'. От числа 50 *àádòta* и дальше встречается ряд аффиксов: *àádò*, *ogó / ogo*, *ẹẹde*, *ẹgbẹ*, *ẹgbẹẹ*, *ẹgbàà* и т. д., которые должны быть использованы и истолкованы правильно, что делает систему числительных в языке йоруба достаточно сложной. Однако, лингвистический анализ показывает, что образование числительных в языке йоруба осуществляется главным образом с помощью таких фонологических приёмов, как слияние звуков, выпадение согласных, элизия, ассимиляция и деназализация; в числе морфологических приёмов выделяются префиксация и сокращение. Что касается порядковых числительных, то они образуются от количественных следующим образом: 'первый' *èkínní*, 'второй' *èkejì*, 'третий' *èketa*, 'четвёртый' *èkẹrin* и так далее.

Из служебных частей речи несомненный интерес и споры вызывает слово *(t)àbí* [Adeoye 2017: 8], анализ которого не подтвердил наличия двух функций у данного слова – союза и вопросительного слова. Оказалось, что функция лишь одна – союз, о чём свидетельствует его встречаемость во всех синтаксических позициях. Нужно отметить, что, несмотря на десятилетия исследовательской работы немалого количества исследователей, окончательный перечень частей

речи так и не установлен, что существенно затрудняет обучение данному языку [Там же] с использованием аппарата и методов европейской грамматической традиции. Что касается синтаксиса языка йоруба, то порядок слов, как было отмечено выше, строго фиксирован, и в простых повествовательных предложениях с именными актантами – подлежащим и дополнением – всегда соответствует модели SVO (подлежащее+глагол +дополнение). Например:

Adé ka ìwé. Букв.: *'Аде считать книга'; 'Аде читал книгу'.

Подлежащее *Adé* в этом предложении является именем собственным, *ka* – глагол-сказуемое 'читать' или 'считать', а *ìwé* 'книга' – прямое дополнение при глаголе читать. Косвенные дополнения оформляются предложно:

Ó kọ ìwé sí bàbá rẹ̀. Букв.: *Он писать письмо к отец свой = 'Он написал письмо своему отцу';

Ó ra òdòdó fún ìyá rẹ̀ Букв.: *Она купить цветы для матери свой = 'Она купила своей матери цветы'.

В конструкциях с местоимёнными актантами порядок слов также всегда соответствует модели SVO, но при этом наблюдается тенденция удвоения последнего гласного глагола с целью обозначения дополнения.

Ó ka ìwé. Букв.: *Он читать книга. = 'Он читал книгу'. → *Ó ka á.* Букв.: *Он читать оно. = 'Он читал её.'

Ó kọ ilé Букв.: *Он строить дом = 'Он построил дом'. → *Ó kọ ọ* Букв.: *Он строить его = 'Он построил его'.

Ó kọ ìwé sí bàbá rẹ̀. Букв.: *Он писать письмо к отец свой = 'Он написал письмо своему отцу'. → *Ó kọ ọ sí í.* Букв.: *Он писать его к он = 'Он ему это написал'.

Ó ra òdòdó fún ìyá rẹ̀. Букв.: *Она купить цветы для матери свой = 'Она купила своей матери цветы'. → *Ó ra á fún in* Букв.: *Она купить это для она = 'Она их ей купила'.

Сложноподчинённые предложения с придаточными относительными строятся по модели «главное-придаточное»:

Oṣòbìnrin tó ñ kọ́rìn. 'Девушка, которая поёт'.

В этом примере подлежащим предложения является *oṣòbìnrin* (девушка), а сказуемым соответственно является *tó ñ kọ́rìn* (которая поёт).

2.2. Языковая репрезентация категории лица и персональности/имперсональности в языке йоруба

Исследование категории лица и персональности/имперсональности в языке йоруба мы проводили главным образом на материале текстов художественной литературы, в том числе из художественных произведений Д.О. Фагунва и других писателей, таких как Афолаби Олабимтан, Д.О. Адиса, Лавуйи Огунниран, Оласунканми Тела, Омидеи Мотунрайо, Олусола Фабийи. Для анализа методом частичной выборки мы отобрали предложения с местоименными подлежащими и представили их перевод — синтаксический эквивалент на русском языке и некоторых европейских языках. С учетом того, что в процессе перевода с языка йоруба на русский язык из-за существенных различий в их типологии возникают трудности, мы обращались к ключевым понятиям эквивалентности и адекватности в теории перевода, которые рассматриваются в трудах многих лингвистов, в том числе и К. Райс (1984), А.Д. Швейцера (1988), Я.И. Рецкера (2004), Л.К. Латышева (2001), В.Н. Комиссарова (1990, 1999, 2001, 2009), Д.С. Бархударова (2008) и др.

Говоря о языковой репрезентации категории лица и персональности/имперсональности в языке йоруба, необходимо учитывать ключевые понятия эквивалентности и адекватности в теории перевода. Понятие эквивалентности неоднозначно трактуется учеными. Одни лингвисты обосновывают эквивалентность не на межтекстовых отношениях, а на отношении между микроединицами текста. В число таких лингвистов входит Я.И. Рецкер. Согласно его определению, эквивалент — это постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста [Рецкер 2004:10-11]. В свою очередь Д. Кэтфорд придерживается такого же семантического подхода к

понятию эквивалентности. Он определяет эквивалент как любую форму языка перевода (текст или часть текста), которая эквивалентна данной форме исходного языка (тексту или части текста) [Catford 1965:20]. В модели А.Д. Швейцера предлагаются три уровня эквивалентности, в том числе синтаксический, семантический и прагматический уровни [Швейцер 1988: 84]. Отметим, что данная концепция включает в себя все три измерения знакового процесса — синтактику, семантику и прагматику, что является, на наш взгляд, ее главным преимуществом. В своей попытке преодолеть ограниченность чисто семантического подхода к эквивалентности Ю. Найда с учетом одного существенного компонента перевода — коммуникативной ситуации — предлагает концепцию «динамической эквивалентности», которая противопоставляется понятию «формальное соответствие», под которым подразумевается перевод, где признаки формы исходного текста механически воспроизводятся в языке-рецепторе, внося искажения в смысл сообщения и приводя к его неправильному восприятию [Nida 1965:20]. В этой диссертации мы в основном опирались на концепцию Швейцера, так как она включает в себя элементы синтактики, семантики и прагматики, которые должны учитываться при переводе двух весьма разных по природе языков, таких как йоруба и русского языков.

2.2.1. Местоимение *a* с определенно-личным и обобщенно-личным значениями

В местоименной парадигме форма *a* занимает позицию местоимения 1-го л. мн. числа и является неэмфатической формой местоимения *àwa*. Оба местоимения могут использоваться взаимозаменяемо в качестве подлежащего в предложениях. Однако, хотя местоимение *àwa* также может занимать в предложении позицию дополнения, местоимение *a* никогда не используется в качестве дополнения. Например, в позиции подлежащего: *Àwa lọ sí ojà ní ànà*

(букв: Мы ходили на рынок вчера) является абсолютным семантическим эквивалентом *A lọ sí ojà ní àná* (букв: Мы ходили на рынок вчера) без каких-либо изменений в значении. Однако местоимение *àwa* в предложении *Ọba fún àwa ní owó* (букв: Король подарил нам деньги) не может быть заменено местоимением *a* в позиции дополнения, ибо вариант *ọba fún a ní owó* не допускается по грамматическим правилам языка йоруба. Таким образом, местоимение *a* грамматически несовместимо с позицией дополнения в предложениях на языке йоруба.

Результаты анализа примеров из художественной литературы показывают, что местоимение *a* может актуализироваться только с личным (38%), обобщённо-личным (46%) значениями и никогда не используется с безличным значением. Согласно статусу местоимения 1-го л. мн. числа, форма *a* может употребляться в качестве подлежащего в предложении. В этом плане говорящее лицо использует местоимение *a* для обозначения как самого себя, так и одного или нескольких других людей как группы. В любой другой позиции в предложении используется форма *àwa*, которая в соответствии с нормами грамматики языка йоруба может принять сокращённую форму *wa* без каких-либо семантических изменений. В основном данное местоимение функционирует подобно английскому *we*, немецкому *uns*, французскому *nous* и русскому *мы* в том плане, что оно является десигнатором группы одушевленных лиц (людей), в которую входит и говорящий.

Рассмотрим следующий пример:

A ti rí ọ̀pọ̀ tó jé pé ìwà wọ̀n kò je kí orúkọ̀ wọ̀n gbè wọ̀n rára [ЛО]. Букв: *Мы уже видеть многих, которые есть что поведение их не позволять чтобы имя их благословить их никак. = '**Мы** знаем многих, кому собственные имена не принесли счастье из-за плохого характера'. Ср. англ.: '**We** have seen many people whose names have not brought them any luck because of their character'; нем.: '**Wir** kennen viele, denen die eigenen Namen wegen des schlechten Charakters kein Glück

gebracht haben'; фр.: '*Nous connaissons beaucoup de gens à qui leurs propres noms n'ont pas apporté le bonheur à cause d'un mauvais caractère*'.

В приведенном примере местоимение *a* функционирует как личное местоимение при глаголе *rí* (*видеть*) и оно является десигнатором группы людей, в которую входит и говорящий. Его эквивалентами в переводах на европейские языки являются соответствующие местоимения 1-го л. мн. числа *мы, we, wir, nous*.

Приведем еще несколько примеров, где местоимение *a* употребляется в личном значении:

Bí a ti gbó Jáléyemí ni Àṣàbí kókó bí [ОМ]. Букв: *Соответственно мы слышали Джолаеми есть Ашаби впервые рожать. = 'Согласно тому, что мы слышали, Джолаеми был первым ребенком Ашаби'. Ср. англ.: '*According to what we heard, Jaleyemi was Ashabi's first child*'; фр.: '*Selon ce que nous avons entendu, Jolayemi était le premier enfant d'Ashabi*'; нем.: '*Nach dem, was wir gehört haben, war Jolaimi Ashabis erstes Kind*'.

В этом примере местоимение *a* также занимает позицию подлежащего *a ti gbó* (букв. *мы слышали*) и употребляется в личном значении, как и его эквиваленты в английском, немецком, французском и русском языках (*we, uns, nous, мы*).

В следующем примере:

A gbé lyàwó re 'lé oko rè l'óní o – láílo! [ДОФ]. Букв: *Мы носить жену в дом мужа её сегодня о - да, да! = 'Мы увозим невесту домой к мужу сегодня – да, да!' –

Местоимение *a* является подлежащим предложения выполняющим действие глагола *gbé* (букв. *нести*), имеющего личное значение, поскольку оно относится к конкретным лицам, в том числе и говорящему. Возьмем еще пример, где местоимение *a* используется в личном значении:

N'ìgbà tí a ti rìn s'ínú igbó fún bí iséjú mewàá, a dé ibi kan tí ó téjú. [ОФ]
Букв: *В время, когда мы уже ходить внутрь леса за около минут десять мы

пришли место одно которое оно плоское. = **Мы** шли по кустарнику около десяти минут, **мы** вышли на открытое место. Ср. англ.: '*We walked through the bush for some ten minutes, we came out into the open.*'; нем.: '*Wir gingen ungefähr zehn Minuten durch das Gebüsch, wir gingen zum offenen Platz*'; фр.: '*Nous avons marché dans la brousse pendant environ dix minutes, nous sommes sortis à l'endroit ouvert*'.

Таким образом, из приведенных выше примеров ясно, что при использовании в личном значении местоимение *a* функционирует точно так же, как эквиваленты из английского, немецкого, французского или русского языков (*we, uns, nous* и *мы* соответственно) в том же значении.

Как показывают результаты нашего исследования, использование местоимения *a* для выражения обобщенно-личного значения в текстах художественной литературы широко распространено: в обобщенно-личном значении местоимение *a* встречается, как уже отмечалось выше, примерно в 46% примеров, включающих это местоимение.

Рассмотрим следующие примеры:

Ní gbogbo igbà tí a ń wí yìí, Ìyádùnní, Dasofunjo àti àwọn mọ̀lẹ̀bí, pẹ̀lú gbogbo ará ilú gbàgbó [АО]. Букв: *Во все время которое **мы** есть говорить это Иядунни, Дасофунджо и родственники вместе все горожане верить. = 'В течение времени, **о котором идет речь**, Иядунни, Дасофунджо и родственники со всеми горожанами верили'. Ср. англ.: *During the period under review, Iyadunni, Dasofunjo and relatives with all citizens believed*; фр.: *Pendant le temps en question, Iyodunni, Dasofunjo et les parents avec tous les citadins croyaient*; нем.: *Während der fraglichen Zeit glaubten Iyadunni, Dasofunjo und Verwandte mit allen Bürgern*'.

На русский язык обобщенно-личная конструкция *a ń wí yìí* переводится отдельной клаузой *о котором идет речь*, где обобщенно-личное значение не сохраняется. На английский, немецкий и французский языки *a ń wí yìí* переводится атрибутивными конструкциями *the period under review, der*

fraglichen Zeit, le temps en question, и обобщенно-личное значение также не сохраняется. Конструкции с использованием местоимения *a* с обобщенно-личным значением могут переводиться на русский язык посредством различных конструкций, в том числе придаточными предложениями, как в следующем примере:

Ònà ilé òré Òjè Lárìnnàkà tí **a ñ rẹ** ní Dàsòfúnjò ní wọn gbà wọ 'lú [AO1].
 Букв: *Дорога дом друг Одже Лариннака, который **мы** назвать как Дасофунджо есть они взять в город. = 'Они приехали в город по дороге, ведущей к дому друга Одже Лариннаки, которого звали Дасофунджо'.

Здесь конструкция с местоимением *a ñ rẹ* (букв: *мы есть называть*) в обобщенно-личном значении переводится на русский язык с помощью придаточного предложения *которого звали Дасофунджо*.

Рассмотрим следующий пример:

Şé opolopo ló fi enu bá ọmọ wọn soro tí wọn kò gbo, **kí a tó tún wá sọ wípé ojú lásán** [DOA]. Букв: *Так многие есть использовать рот ребенок говорить и они не слушать до **мы** снова говорить что глаза лишь. = 'Действительно, многие безуспешно общаются со своими детьми словами, **не говоря уже о тех, кто это делает только глазами**'.

В приведенном выше примере конструкция с местоимением *a* несет обобщенно-личное значение. Данный факт явно отражается в буквальном переводе на русский язык, в котором конструкция *kí a tó tún wá sọ* (букв: *до мы снова прийти говорить*) передается оборотом, *не говоря уже о...*

Конструкции с местоимением *a* часто встречаются в пословицах и мудрых высказываниях йоруба. Вопрос о строении пословиц в языке йоруба рассматривался многими исследователями. Исследователи отмечают, что в пословицах йоруба наблюдается полное отсутствие простых предложений, и все пословицы на языке йоруба оформляются сложными предложениями. В своем анализе структуры пословиц йоруба Т. Аканби в работе *Syntax of Yorùbá Proverbs* дает классификацию, согласно которой выделяются отрицательные,

вопросительные, фокусированные и относительные пословицы [Akanbi 2015: 4-5]. По определению Т. Аканби, отрицательные пословицы — это пословицы, структура которых содержит отрицание или отрицательный оборот [там же]. В таких пословицах отрицание осуществляется с помощью оборота *a kii*, где *kii* соответствует русскому *не* или английскому *not*. Рассмотрим следующий пример:

A kii b'èrù ikú b'èrù àrùn ká ní kí ọ̀tọ́ ó kú sinni. [ДООА] Букв: *Мы не бояться смерти бояться болезнь чтобы мы есть, чтобы ребенок умереть вместо нас. = '**Человеку нельзя так бояться смерти и болезней, как желать, чтобы его сын умер раньше него**'. – "Смерть своего ребенка страшней, чем собственные болезни и смерть". Ср. англ.: '**One cannot be so afraid of death and disease as to wish his son to die before him**'; фр.: '**On ne peut pas avoir autant peur de la mort et de la maladie que de vouloir que son fils meure avant lui**'; нем.: '**Man kann nicht so viel Angst vor Tod und Krankheit haben, wie man wünscht, dass sein Sohn vor ihm stirbt**'.

В данной пословице конструкция *a kii* (букв: *мы не*) соответствует обороту *человеку нельзя* с обобщенно-личным значением: *человеку* (т.е. *любому человеку; человеку вообще; никому*) *нельзя*. Заметим, что в русском переводе субъект высказывания, оформлен существительным в дательном падеже (*человеку, никому*), но чаще всего он может быть опущен, ср.: *нельзя так бояться смерти и болезней, как желать, чтобы его сын умер раньше него*. Обобщенно-личной *a*-конструкции приведенного примера йоруба в английском, немецком и французском языках соответствуют предложения, обобщенно-личное значение которых актуализируется посредством местоимений *one, man, on* в позиции подлежащего.

Возьмём еще примеры:

A kii binú àtàn ká da'lẹ́ s'ìgbó. [ДООФ1] Букв: *Мы не сердиться мусорная свалка, чтобы мы выбрасывать мусор в кусты. = "(Никому) **не следует поступать неразумно и скверно из-за гнева**". Ср. англ.: '**One should not act**

unreasonably and badly because of anger'; нем.: '*Man darf nicht aus Wut unklug und böse zu handeln*'; фр.: '*On ne doit pas agir de manière déraisonnable et méchante à cause de la colère*'.

Эта пословица отражает обычаи народа йоруба, где утилизация отходов является личной ответственностью, и каждая семья должна обеспечивать специально отведенные места для хранения мусора, поскольку произвольное размещение отходов не разрешается. Местоимение *a* в этом примере используется в обобщенно-личном значении аналогично случаю в предыдущем примере. Здесь *a*-конструкция *a kii* (букв: *мы не*) переведена на русский язык с помощью оборота *(никому) не следует*, на английский, немецкий и французский, как в предыдущем примере, обобщенно-личными предложениями *One should not...*, *Man darf nicht...*, *On ne doit pas...*. Обратим внимание, однако, что в немецком языке возможны варианты перевода: *Du solltest nicht unklug und böse wegen des Zorns handeln* (букв.: *ты не должен... = вы не должны...*); а во французском: *Vous ne pouvez pas agir de manière déraisonnable et méchante à cause de la colère* (*вы не можете...*), где позицию подлежащего занимают местоимения 2-го л. ед. числа (*du*) и мн. числа (*vous*). В переводе на французский язык возможен также эквивалент с императивом: *Ne soyez pas imprudent et méchant à cause de la colère* (*не будьте...*). Заметим, что русский язык также часто использует формы императива (2-го л.) для актуализации обобщенно-личного значения, ср.: "*Век живи — век учись*"; "*Не плюйте (не плюй) в колодец, пригодится воды напиться*". Заполнение позиции подлежащего местоимением 2-го л. в русских предложениях с обобщенно-личным значением встречается реже, но возможно: '*Получил аттестат, и вот, как водится, ты уже взрослый*'. На языке йоруба смысловой эквивалент данного высказывания примет форму: *Olúwa rẹ̀ ti gba sàtifíkẹ̀tì, kí olúwa rẹ̀ tó tọ̀ ohun tó ń sẹ̀lẹ̀, àgbà ti dé!* В этом примере глагол *получил* переводится на язык йоруба с помощью сложного местоимения *olúwa rẹ̀* (букв: *господь его*), являющегося эквивалентом местоимения *one* в английском языке, что часто

переводится на русский словом *человек* или посредством обобщенно-личного местоимения *ты*, как показано выше в примере. Примечательно, что обобщенно-личное местоимение *ты* (*ты уже взрослый*) отсутствует в переводе на язык йоруба и заменяется устойчивым выражением *àgbà ti dé* (букв: зрелость пришла).

В следующей пословице также наблюдается наличие отрицательной конструкции с использованием местоимения *a*:

A kii binu ori ka fi fila de ibadi. [ДОФ2] Букв: *Мы не сердиться голову, чтобы использовать шапку прикрывать поясницу. = "(Никому) нельзя действовать во вред самому себе под влиянием гнева".

Filà – это особый вид головного убора, который носят исключительно мужчины. В преимущественно патриархальном обществе, как у народа йоруба, *fila* это важный аксессуар, который может указывать на возраст, социальный статус, семью и т.д. Данная пословица отражает значимость *fila* для народа йоруба в том, что она выдвигает на первый план одну из самых важных социальных черт йоруба – благопристойность.

Отметим, что хотя в языке йоруба есть и другие отрицательные частицы, в пословицах с отрицательным оборотом местоимение *a* используется с частицей *kii* (*не*). Как видно из приведенных выше примеров, отрицательный оборот *a kii*, где местоимение *a* имеет обобщенно-личное значение, обычно занимает начальную позицию в структуре пословицы, что соответствует его синтаксической функции подлежащего в структуре предложения.

Согласно классификации Т. Аканби, наряду с отрицательными пословицами, выделяются вопросительные пословицы, в которых также заметно преобладание местоимения *a* с обобщенно-личным значением. Рассмотрим следующие вопросительные пословицы:

A bimọ kò gbón, a ní kó má sáà kú; kíní ñ ra ọmọ bí àìgbón? [ЛЮ] Букв: *Мы рождаем ребенок мы говорим, чтобы он умер; что есть убивать ребенка, чем глупость? = "Не лучше ли не иметь детей, чем **иметь детей** слабоумных?".

В этом примере местоимение *a* находится в позиции подлежащего по отношению к глаголу *bító* (*рожать*), но не указывает на конкретное лицо. Обратим внимание, что для достижения эквивалентности в переводе и сохранения обобщенно-личного характера конструкция с местоимением *a* (*a bító* букв: *мы родили*) переводится на русский язык посредством инфинитивного оборота *иметь детей* с импликацией субъекта с обобщенным значением, мыслимого в дательном падеже: *нам, кому-то, кому-нибудь, всем* и т.п. В следующем примере прямой эквивалент местоимения *a* также отсутствует в переводе на русский язык:

A ní s'òrò obìnrin, a ní ká sọ bàrà, ká lọ gbìn bàrà sódò; ta ní maa bá'ni rá
 [ЛЮ] Букв: **Мы говорим* женщина, мы предлагаем, чтобы мы говорить бегло, чтобы мы пойти посадить арбуз в реке; кто будет помогать нам собирать его? = "(Нам = никому) **нет смысла** исключать женщину из дела, в котором она в конце концов будет необходима".

Местоимение *a* здесь не соотносится с конкретным лицом, а выражает обобщенный субъект действия при глаголе *s'òrò* (*говорить*). Нередко в языке йоруба в пословичных конструкциях, применяются такие лингвистические средства, как игра слов, что мы и видим в данном примере. В этой пословице используется игра слов, построенная на схожести двух слов – существительного *bàrà* (*арбуз*) и наречия *bàrá* (*уклончиво* или *вкратце*), и заключается в использовании гетеронимов – существительного *bàrà* (*арбуз*) и наречия *bàrá* (*уклончиво* или *вкратце*) почти подряд, чтобы создать определенный звуковой эффект. Отметим, что, поскольку язык йоруба по своей природе является тональным языком, игра слов на основе чередования тонов как литературный прием нередко применяется особенно в пословицах, скороговорках, притчах и тд. Как видим в приведенном примере, игра слов в языке йоруба представляет собой форму остроумия, где слова сопоставляются главным образом с целью создания особого звукового эффекта.

Рассмотрим следующий пример:

A fún ọ n'ìṣu l'Ọyó ò ń dúpé; o r'ígi sè é ná? [ДОФ] Букв: *Мы подарили тебе батат в Ойо, ты радуешься; ты нашел дрова, приготовить его еще? = “**He stouit** думать, что благоприятное начало гарантирует успешный конец”; ср. фр.: *Ne pensez pas qu'un début favorable garantit une fin réussie*; нем.: *Glaube nicht, dass ein günstiger Start ein erfolgreiches Ende garantiert*; англ.: **Do not think that an auspicious beginning guarantees a successful end.**

Эта пословица восходит к некоторым специфическим реалиям народа йоруба, которые могут быть недоступными для тех, кто не знаком с его культурой. Город Ойо раньше был политической столицей народа йоруба, сродни Москве. Жители города Ойо не отличались особой приветливостью и славились своей бесстрашностью в войне и военным завоеваниям. Эта пословица как раз предостерегает от нехарактерных для жителей города Ойо проявлений доброты. В данном примере местоимение *a* использовано также в обобщенно-личном значении и не указывает на конкретного человека (лицо). Дискурсивное значение клаузы *a fún ọ* (букв. *мы подарили тебе*) — дарение подарков в общем смысле нежели отдельный акт, совершенный конкретным человеком. В следующем примере наблюдается аналогичное использование местоимения *a*:

A kí ẹ̀sẹ̀ kan bọ odò omí fà á; bí a bá wá ti mejèjèjì bọ ńkọ? [АО] Букв: *Мы опускать одну ногу в реку вода натягивает ее; если мы тогда окунуть обе в нее? = ‘**Если окунуть** одну ногу в реку, она погрузится в воду; что будет, если опустить в воду обе ноги?’ - “Последствия не должны быть несоразмерны совершенному деянию”.

В данной пословице оборот *a kí ẹ̀sẹ̀ kan bọ odò* (окунуть одну ногу в реку) употреблен с обобщенно-личным значением, что подчеркивает обобщенно-личный характер местоимения *a*. Обратим внимание на то, что вопросы в вопросительных пословицах в языке йоруба имеют риторический характер, т.е. не требуют ответов. Обычно говорящий их произносит всего лишь для

подчеркивания своей точки зрения и подкрепления собственного аргумента в поднятой в пословице теме.

Обратимся к так называемым фокусированным пословицам, название которых, по классификации ученого Т. Аканби, основано на общем понятии фокуса в лингвистике. Под термином «фокус» подразумевается часть высказывания, которая является особенно информативной или важной в определенном контексте. Чаще всего фокус относится к лингвистической маркировке контраста в дискурсе. Этот термин используется несколько по-разному в разных исследовательских традициях. В своем исследовании пословиц в языке йоруба ученый О. Ойеларан описывает фокусирование как «синтаксический прием, который выдвигает на передний план новую информацию или новый материал, содержащий новую информацию в предложении» [Oyelaran 1990: 2]. В нашей работе мы будем придерживаться наиболее актуальной для нашего исследования трактовки термина «фокусирование», предложенной С. Джонсом, который рассматривает фокусирование как «грамматический прием для организации информации в дискурсе, при котором предложения делятся на фокус и исходную информацию» [Jones 2006: 143]. Приведенные ниже примеры являются фокусированными пословицами, в структуре которых использовано местоимение *a* с обобщенно-личным значением:

Ilé ni a ñ wò kí a tó s'òtọ l'órúko. [ОМ] Букв: *Дом это мы смотрим до мы будем давать ребенку имя. = "Имя новорожденного **выбирают** (=выбирается) именно по семейным обстоятельствам"; ср. англ.: *The name of the newborn is chosen precisely for family reasons*; фр.: *Le nom du nouveau-né est choisi précisément pour des raisons familiales*; нем.: *Der Name des Neugeborenen wird aus familiären Gründen gewählt.*

Структура данной пословицы организована по типу причинно-следственных отношений, где дискурсивное значение одной части определяется дискурсивным значением другой части. Приведенная выше пословица состоит

из двух клауз: *Ílé ní a ń wò* (букв. *мы смотрим на дом*) и *s'òtọ l'òrúko* (букв. *давать ребенку имя*), соединенных наречной конструкцией *kí a tó* (союзом – букв. *прежде чем*). В английском, немецком и французском смысловых эквивалентах используются пассивные конструкции *The name of the newborn is chosen; Le nom du nouveau-né est choisi; Der Name des Neugeborenen wird ... gewählt*), что подчеркивает, во-первых, обобщенно-личный статус *a*-конструкции йоруба, а во-вторых — статус выражения как пословицы. Обратим внимание, что *a*-конструкция передается в переводе на русский язык по преимуществу не предложением с местоимением *мы* в позиции подлежащего (сравним возможный русский вариант с обобщенно-личным значением: *Имя новорожденного мы выбираем именно по семейным обстоятельствам*), а с помощью глагола *выбирают* в 3-м л. ед. числа, или пассивными конструкциями (*имя новорождённого выбирается*). Заметим, что вариант перевода данной пословицы на русский язык — с возвратным глаголом и с импликацией субъекта, мыслимого в дательном падеже, как и в примерах, приведенных ранее: *Имя новорожденного выбирается (кем-либо; всеми) именно по семейным обстоятельствам*, грамматически эквивалентен переводам на английский, немецкий и французский языки. Перевод *a*-конструкций йоруба с обобщенно-личным значением на русский язык предложениями с невыраженным обобщенным субъектом действия объясняется, прежде всего, тем, что русское местоимение *мы* употребляется в обобщенно-личном значении гораздо реже, чем *a* в йоруба, и как правило, такое значение определяется контекстом, сравним: '*Обычно мы выбираем имя ребенка по семейным обстоятельствам*'. В данном случае обобщенно-личное значение местоимения *мы* определяется сопровождающим его наречием *обычно*, но это могут быть также *всегда, как правило* и т. п. Заметим, что в таком варианте выражение утрачивает статус пословицы.

Рассмотрим следующий пример:

Işé ni a ñ še kí á tó jàre òşì. [АО] Букв: *Работа есть мы делаем до мы будем свободными бедность. = "Нужно работать, чтобы избежать бедности"; ср. англ.: *We have to work to avoid poverty*; нем.: *Wir müssen arbeiten, um Armut zu vermeiden*; фр.: *Il faut travailler pour éviter la pauvreté*.

Перевод с использованием местоимения 1-го л. мн. числа представляют английский и немецкий языки: *Işé ni a ñ še = Wir müssen arbeiten = We have to work* (букв. *Мы должны работать*). В английском языке в таком случае возможна конструкция с местоимением 2-го л. в позиции подлежащего: *You need to work...*, но в обоих английских вариантах (*You need...*, или *We have...*), равно как и в немецком (*Wir müssen*), обобщенно-личное значение формирует контекст, хотя в немецком языке возможна также конструкция, где обобщенно-личное значение выражено более эксплицитно и не зависит от контекста: *Man muß arbeiten...*

Русский и французский языки при переводе *a*-конструкции йоруба *işé ni a ñ še* (букв: *работу есть мы делаем*) предпочитают безличные конструкции: *нужно работать = Il faut travailler* — с безличным *il* в позиции грамматического подлежащего во французском переводе и с незаполненной позицией подлежащего в русском языке в силу отсутствия в местоименной парадигме формы безличного местоимения. Однако, обобщенно-личную семантику в данные выражения вносит импликация носителя действия — эллипсис его десигнатора *нам, nous*: *(нам) надо работать = il (nous) faut travailler*.

В приведенных примерах «фокусированные» клаузы *ilé ni a ñ wò* и *işé ni a ñ še* ставятся в начале предложений с целью подчеркнуть главную идею высказывания и позволить говорящему донести свою точку зрения до своей аудитории более эффективно.

Относительные пословицы являются сходными фокусированным пословицам по грамматическим свойствам и по структуре, но главным образом отличаются тем, что в фокусированных пословицах используется глагол *ni*

(*быть*), а в оборотах относительных пословиц в качестве маркера (частицы) используется детерминатив *tí* (*который*) [Oyelaran 1990: 3].

В следующих примерах также представлены относительные пословицы:

Ijó tí ó bá ká ni lára ni a ní ̀̀̀ ̀̀̀ jọ́. [ДОА] Букв: **Танец, который он есть охватить наше тело есть мы сжимаем кулаки танцевать.* = '*Если танец интересный, то со сжатыми кулаками его исполняют*'.

В этом примере клауза *ni a ní ̀̀̀ ̀̀̀ jọ́* (букв.: *есть мы сжимаем кулаки танцевать*), как фокус предложения, содержит минимальную информацию, необходимую для передачи важного в данной ситуации смысла: сжатые кулаки в культуре йоруба намекают на серьезность, обычно связанную с физическими действиями. Поэтому интересные и серьезные танцы исполняют со сжатыми кулаками, а неинтересные — с разжатыми. Местоимение *a* в данном предложении носит обобщенно-личный характер и не указывает на конкретное лицо. Рассмотрим другой пример:

Ilé tí a bá fi itọ́ tọ́ iri ni ó wo. [ОФ] Букв: **Дом, который мы использовать слюна построить роса именно будет разрушить.* = '*Дом, построенный из слюны, будет разрушен росой*'.

Местоимение *a* является частью адвербиального словосочетания *tí a bá fi itọ́ tọ́* (букв: *который *мы использовать слюна построить = построили из слюны*), выполняющего синтаксическую функцию определения подлежащего предложения *ilé* (*дом*). Отметим, что действие *tọ́* (*построить*) выполняется не конкретным лицом, что характеризует местоимение *a* как обобщенно-личное. Аналогичную структуру мы наблюдаем в следующем примере:

Ibi tí ayé bá ̀̀̀ ni a ti ní jẹ́. = *One should avail oneself whenever one happens on enjoyment.* Букв: **Где есть жизнь застать человека есть мы наслаждаться.* = '*Человек живет в соответствии с условиями, в которых он находится*'.

Обращаясь к английскому языку, отметим, что в своем обобщенно-личном значении местоимение *a* эквивалентно неопределенно-личному местоимению английскому *one* (*некто*). Замена местоимения *a* в приведенном выше примере

на *one* не меняет условий истинности выражаемой идеи. В этом примере местоимение *a* имеет antecedent в местоимении *ɛni* (*себя*), которое является прямым эквивалентом английского *one* и переводится здесь как *человек*. Необходимо отметить, что местоимение *a* в данном контексте не относится ни к какому конкретному лицу, но используется во второй части предложения для замены местоимения *ɛni* (*себя*), чтобы избежать повтора местоимения *ɛni* (*себя*). Здесь важно отметить, что, хотя в этих примерах встречается местоимение первого лица множественного числа *a*, оно не относится ни к говорящему, ни к адресату, но выражает общие утверждения. Функция предложений, содержащих местоимение первого лица множественного числа в обобщенно-личном значении, заключается в выражении определенных видов утверждений, т.е. обобщений, правил, норм, предписаний и других обобщенных утверждений. Другими словами, предложения подобного рода выражают общие утверждения, что отражается в переводах.

Подчеркнем, что лингвистический диапазон пословиц в языке йоруба намного шире, чем тот материал, что рассмотрен нами выше, но всестороннее изучение пословиц в языке йоруба выходит за рамки данной работы. В данном параграфе мы показали, каким именно образом местоимения *a* используется для выражения обобщенно-личного значения.

2.2.2. Местоимение *o* в личном и обобщённо-личном значениях

Местоимение *o* в парадигме местоимений языка йоруба занимает позицию 2-го л. ед. числа. Оно представляет собой неэмфатическую форму местоимения *ɪwo* и используется в личном (64%) и обобщённо-личном (36%) значениях. Обращаем внимание на то, что существует возможность путать местоимение *o* с местоимением третьего лица единственного числа *ó* поскольку они одинаковы по орфографии. Однако местоимения *ó* и *o* отличаются друг от

друга и по семантическим, и по фонетическим признакам. Графически они также отмечаются по-разному: местоимение *ó* произносится с высоким тоном, о чем свидетельствует диакритический знак высокого тона в его написании, а местоимение *o* произносится со средним тоном и пишется без диакритического знака. Таким образом, несмотря на некоторое сходство в написании, местоимения *ó* и *o* являются совершенно разными: местоимение *ó* является местоимением 3-го лица ед. числа и широко используется не только с личным, но и с безличным значением; его рассмотрению в диссертации отведен отдельный параграф.

Перейдем к анализу использования местоимения *o* (2-е лицо ед.ч.) для выражения категории лица/персональности.

Рассмотрим следующий пример:

Àjoké sé o tún bèrè, ohun tí ó bá dà, wàá ran! [КЕ]. Букв.: *Аджоке разве ты снова начинать. Что есть это будет отвечать будешь. = 'Аджоке, **ты** опять начинаешь. Чем бы это не кончилось, ты ответишь!' = *Ajoke you have started again. Whichever way it ends, it is on you!*

В вышеприведенном примере antecedent местоимения *o* — имя женщины *Àjoké*, к которой обращается говорящее лицо. Это значит, что местоимение *o* (2-е лицо ед. ч.), которое находится в первой части предложения *Àjoké sé o tún bèrè*, представляет собой дейктическую единицу, является анафорой по отношению к своему antecedенту *Àjoké*, используется в личном значении и полностью совпадает в значении и в функции с русским местоимением 2-ого лица единственного числа *ты* в его личном значении.

Следующий пример показывает использование местоимение *o* в обобщённо-личном значении:

Bí o f'íná, ará Ìlágbèdè á ni o şeun, bi o kò f'ina, ará Ìlágbèdè á ni o şeun. [ОО]. - *Если ты зажжёшь огонь, жители Илагбеде скажут тебе спасибо. Если ты не зажжёшь огонь, жители Илагбеде скажут тебе спасибо. = "Благодарность — это добродетель".*

Однако более близкий переводной эквивалент данной фразы на русский язык — с местоимением *вы*, как и французский эквивалент — с местоимением *vous*, но тоже с обобщенно-личным значением в обоих языках:

рус.: Если **ты** зажжешь огонь, жители Илагбеде будут тебе благодарны.
Если **ты** не зажжешь огонь, жители Илагбеде скажут тебе спасибо;

фр.: Si **vous** allumez un feu, les habitants d'Ilagbede vous remercieront. Si **vous** n'allumez pas de feu, les habitants d'Ilagbede vous remercieront.

В данном примере *Ìlágbèdẹ* — это название вымышленного города, жители которого якобы славились своим равнодушием. Однако, местоимение *o* (2-е л. ед.ч.) не относится к конкретному лицу в приведенном выше примере, но носит обобщенно-личный характер и является близким эквивалентом английского гендерно нейтрального неопределенно-личного местоимения *one*, которое означает *некто* (человек). Таким образом, приведенный выше пример на английский язык можно было бы перевести как:

If one lights a fire, the people of Ilagbede will thank one. If one does not light a fire, the residents of Ilagbede will thank one.

Немецкий язык, как и английский, также предпочитает неопределенно-личные местоименные формы:

нем.: Wenn **man** ein Feuer anzündet, werden die Leute von Ilagbede es einem danken. Wenn **man** kein Feuer anzündet, werden einem die Bewohner von Ilagbede danken.

В целом местоимение 2-го лица единственного числа *o* может использоваться в личном и обобщенно-личном значениях, но не в безличном, поскольку оно включает сему одушевленности и в силу этого предназначено системой языка йоруба для выражения действий, выполняемых широким, обобщенным кругом лиц.

В йоруба встречаются примеры *o*-конструкций с обобщенно-личным значением, которые сложно, иногда — невозможно перевести на европейские языки с сохранением их точного смыслового содержания. Рассмотрим

следующий пример:

Èlèèédé n ló èédé, o ní “èédégbèta ni àbí èédégbèfà?”; Èwo lo gbé nibè?

рус.: *некто говорит, что у него пропала какая-то сумма денег, и ты спрашиваешь 500, или 1,100 каури? А ты сколько украл?*

англ.: *Someone says they have lost some money and you ask 500 or 1,100 cowries? How much did you steal?*

фр.: *Quelqu'un dit qu'il a perdu de l'argent et vous demandez 500 ou 1 100 cauris ? Combien as-tu volé ?*

нем.: *Jemand sagt, er habe etwas Geld verloren und du fragst 500 oder 1.100 Kauris? Wie viel hast du gestohlen?*

Данное высказывание описывает человека, который слишком любит вмешиваться в чужие дела. Такое поведение в обществе далеко не одобряется, и оно вызывает недовольство и подозрения со стороны людей. Местоимение *o* в выражении *o ní* (букв. *ты спрашиваешь*) не относится ни к какому-либо конкретному лицу, как и в переводах. Заметим, что неопределенно-личное значение *o*-конструкции в переводах на европейские языки не распознается.

В следующем примере мы наблюдаем ту же ситуацию:

Èmi ìwòfà, ìwò ìwòfà, o ní babá ní ká gbowó wá; o dá tírẹ padà ná?

рус.: *Я должник, ты должник, и ты говоришь, что кредитор послал тебя забрать у меня его деньги; ты вернул свои?*

англ.: *I am a pawn, you are a pawn, and you tell me the creditor sent you to collect his money; have you repaid yours?*

фр.: *Je suis un pion, tu es un pion, et tu me dis que le créancier t'a envoyé récupérer son argent; as-tu remboursé le tien?*

нем.: *Ich bin ein Bauer, du bist ein Bauer, und du sagst mir, der Gläubiger hat dich geschickt, um sein Geld einzutreiben; Hast du deins zurückgezahlt?*

Смысл этого высказывания заключается в том, что тот, кто будет делать замечания другим, должен сначала обратить внимание на личные недостатки. Как и в предыдущем примере, местоимение *o* во фразах *o ní* (букв: *ты*

говоришь) и *o dá tírẹ̀ padà ná* (букв: ты уже вернул свои) используется в обоих случаях не для обозначения кого-либо конкретного, а в обобщённо-личном смысле. Можно понять из контекста данного высказывания, что местоимение *o* относится к людям в общем смысле, а не к определенному адресату.

Приведем еще один пример с подобным значением *o*-конструкции:

Ìjọba ñpẹ̀ ọ́ o ní ò ñtu gààrì lẹ̀wọ́; ta ní ni ọ́, ta ní ni omi tí o fi ñ tu gààrì?

рус.: *Правительство вызывает тебя, и ты говоришь, что ты занят, потому что ешь зерна маниоки, замоченные в воде; кому принадлежат и ты и вода, с которой ты ешь маниоку?*

анг.: *The government summons you, and you say you are busy eating cassava grains soaked in water; who owns you, and who owns the water with which you are eating the cassava?*

фр.: *Le gouvernement te convoque, et tu dis que tu es occupé à manger des grains de manioc trempés dans l'eau; à qui vous appartient, et à qui appartient l'eau avec laquelle tu manges le manioc?*

нем.: *Die Regierung ruft Sie vor und Sie sagen, Sie sind damit beschäftigt, in Wasser getränkte Maniokkörner zu essen; Wem gehört Sie und wem gehört das Wasser, mit dem Sie den Maniok essen?*

Приведенный выше пример представляет собой отражение глубочайшего уважения к официальной власти со стороны простых людей у народа йоруба. Из высказывания понятно, что, когда гражданину велит уполномоченный властью человек, у того нет другого выбора, кроме как прислушаться. Местоимение *o* в фразе *o ní ò ñ tu gààrì lẹ̀wọ́* является обобщенно-личным, поскольку оно не относится к какому-либо конкретному лицу, но имеет в данном контексте обобщенный смысл.

Таким образом, местоимение *o* канонически относится конкретно к адресату второго лица единственного числа, но, как видно из примеров, оно также имеет общую интерпретацию, относящуюся к общему кругу людей. Местоимение *o* в обобщенно-личном значении в языке йоруба выражает

обобщения, которые выходят за рамки конкретных групп и распространяются на лиц в более широком смысле.

2.2.3. Местоимение *ó* в личном и безличном значениях

Местоимение *ó* является местоимением третьего лица единственного числа, неэмфатической формой от местоимения *òun*. Результаты анализа примеров из художественной литературы показывают, что местоимение *ó* может актуализироваться с безличным (59%) и личным (41%) значениями. Именно оно используется преимущественно для выражения значения безличности в языке йоруба. В языке йоруба нет отдельных местоимений для обозначения безличности и данная категория выражается теми же самыми личными местоимениями, в частности местоимением *ó*.

По нашим данным в современном языке йоруба местоимение *ó* широко используется в качестве формального подлежащего в безличных предикативных конструкциях, подобно французскому *il*, немецкому *es* или английскому безличному *it*, которые могут выполнять такую же функцию. Местоимение *ó* с безличным значением используется главным образом, когда речь идет о неопределенном периоде времени. Рассмотрим следующие примеры:

Ó ɕe ní ìgbà kan, Òjè Lárìnnàkà gbó pé aré idán rípa kò wópò ní apá ilú kan.
 [Ю] Букв.: *Это делать в время одно Одже Ларинака слышать, что игра магия не распространиться в часть города одного. = Однажды случилось так, что Одже Ларинака услышал о том, что фокусники редко выступали в некой части города.

Событие, о котором идет речь, произошло в неопределенное время. Выражение *ó ɕe* (или *ó sí se*) дословно переводится на русский как 'оно делает' и соответствует русскому смысловому эквиваленту 'однажды', английскому 'once', или 'once upon a time', немецкому 'es war einmal', французскому 'il était une fois'. В русском языке смысловым эквивалентом конструкции *ó ɕe* является наречие со значением неопределенного времени (=когда-то), в английском —

устойчивое выражение, а в немецком и французском — безличные предикативные конструкции, также указывающие на то, что точное время события неизвестно.

В следующем примере:

Nígbàtí ó ti tó bí oṣù kan gbáko tí Òjé ti lọ àjò ni ìyàwó rẹ̀ tí ń wọ̀nà toto[IO].
 Букв.: *Когда это есть почти месяц целый что Одже есть уехать путешествие есть жена его уже смотреть пристально. = 'Примерно через месяц после того, как Одже уехал, его жена начала требовать, чтобы он вернулся'. Ср. англ.: 'About a month after Oji left, his wife started demanding that he come back'; нем.: 'Ungefähr einen Monat nachdem Oji gegangen war, begann seine Frau zu verlangen, dass er zurückkehrte'; фр.: 'Environ un mois après le départ d'OJI, sa femme a commencé à exiger qu'il revienne'. About a month after Oji left, his wife started demanding that he come back.

Хотя в этом предложении дискурсивный компонент *oṣù kan* (один месяц) сообщает некоторое уточнение в определение временного плана происходящего, безличная предикативная конструкция *ó ti tó bí* временной план события «размывает», внося в него значение неопределенности. Заметим, что в английском, немецком и французском языках, как и в русском, эту функцию выполняют наречия.

Рассмотрим следующие примеры:

Nígbà tí ó yá, wọ̀n dé ilú kan [OONII]. Букв.: *Когда есть это быть они приехали город один. = 'Прошло некоторое время, и они добрались до города'.

В русском языке переводным эквивалентом безличной предикативной конструкции *Nígbà tí ó yá* является двусоставное предложение *Прошло некоторое время*, где позицию подлежащего занимает существительное *время*. Аналогичный перевод возможен на французский язык:

'*Un certain temps s'est écoulé et ils sont arrivés à la ville*' с подлежащим *un ... temps*, хотя возможен и перевод посредством безличной предикативной конструкции: '*Il a fallu un certain temps et ils sont arrivés à la ville*', где безличное

местоимение *il* стоит в позиции формального подлежащего.

Сравним немецкий перевод с так называемым безличным *es*-предложением (*Es-Satz*):

'Es verging eine Weile und sie erreichten die Stadt'.

В английском языке в подобных случаях представлена предикативная конструкция (клазу) с опущенным предикативным ядром:

'(It was) after some time had passed, they reached the city', хотя вариант с полной грамматической конструкцией также возможен: *It was after some time had passed that they reached the city*.

Посмотрим на следующий пример:

Ó d'ìgbà èkínní, to gb'ágò to r'Òyó. [EA] Букв.: **Это был раз первый я поднял одежду я уехать Ойо. = Первый раз я взял свою одежду и направился в город Ойо.*

Город Ойо был империей основанной народом йоруба на Западной части Африки. Империя выросла и стала крупнейшим йоруба-говорящим государством на континенте. Она славилась выдающимися организаторскими и административными способностями и была очень богатой благодаря крупной торговле и мощной армии. Империя Ойо была одним из самых политически важных государств во всей Западной Африке с середины 17-го по конец 18-го века и господствовала над большинством других королевств. Именно поэтому любая поездка в город Ойо считается такой же значимой, как, например, путешествие или переезд из любой провинции России в Москву или Санкт-Петербург. Рассматривая этот пример мы видим, что говорящее лицо немного поразмышлял и в конце концов решил отправиться в город Ойо. Он подбирает именно *ágò* — специальную обрядовую одежду, а не просто *aṣo* — обычную одежду. Как и в предыдущем примере, местоимение *ó* здесь употребляется с безличным значением, и это предложение представляет собой еще один пример того, как местоимение *ó* может использоваться для выражения понятия времени, особенно когда временной промежуток не определен четко. Местоимение *ó* в

выражении *ó d'ìgbà èkínní* (букв: *это был раз первый*) является безличным, так как оно в данном случае не относится к конкретному субъекту.

Рассмотрим еще один пример:

Àwa ní ló. Ó d'ìgbà, ó şe! [INIE] Букв.: **Мы есть уехать. Это до тех пор, это делается!* = *'Мы уезжаем. До свидания, прощайте!'*

Это выражение *ó d'ìgbà, ó şe* можно перевести на русский буквально как *'это до тех пор, это делается!'*, но точного эквивалента в русском языке нет. *Ó d'ìgbà, ó şe* является устойчивым выражением и несет в себе глубокий эмоциональный оттенок значения, поскольку в основном оно используется для выражения искренней глубокой потери, такой, как смерть близкого человека. Однако это выражение также часто встречается в повседневной эмоциональной речи для обозначения временного расставания. Местоимение *ó* в таком употреблении является безличным, поскольку оно используется всего лишь для выражения идеи о времени без каких-либо отношений к какому-либо конкретному лицу. Это же самое выражение можно найти и в следующем примере, где оно выполняет ту же функцию. В данном примере местоимение *ó* также используется для выражения неограниченного времени:

Ó şe ní ojó kan, iyá mí àtí òkan níńú àwọ̀n iyàwó wọ̀nyí jà. [OONII] Букв.: **Это делается в день один мать моя и одна из жен этих подрались.* = *Однажды моя мать и одна из других жен подрались.*

Посмотрим на следующий пример, где местоимение *ó* используется для выражения идеи времени в плане продолжительности — в дуративном значении:

Ó rẹ́ rúrọ́ kí ètí tó dé ibẹ́. [OLMD] Букв.: **Это долго очень до я прийти там.* = *Это было задолго до того, как я туда приехал.*

В следующем примере местоимение *ó* используется для того, чтобы указать приблизительное время события:

Ó tó déédé agogo méjì kí a tó dé ilé rẹ́ yí. [OO] Букв.: **Это дотягивается ровно часы два до мы приехать дом его этот.* = *Было около 2 часов дня, когда*

мы добрались до его дома.

В такой функции местоимение **ó tó** — абсолютный эквивалент безличных предикативных конструкций в английском, французском и немецком языках:

англ.: *It was about 2 pm when we got to his house.*

фр.: *Il était environ 14 heures lorsque nous sommes arrivés chez lui.*

нем.: *Es war ungefähr 14 Uhr, als wir bei seinem Haus ankamen.*

Аналогичное использование местоимения **ó** для оценки времени наблюдается и в следующем примере:

Ó tó *isèjú méèédógún l'èhìn èyí kí eré tó parí.* Букв.: **Это дотягивается минуты пятнадцать после это до пьеса закончить.* = *Прошло около пятнадцати минут, прежде чем спектакль закончился.* Ср. англ.: *It was about fifteen minutes after this when the play came to an end;* нем.: *Es dauerte ungefähr fünfzehn Minuten, bis die Aufführung endete;* фр.: *Il a fallu environ quinze minutes avant la fin du spectacle.*

Словосочетание **ó tó** (букв: *это дотягивается*) предполагает отсутствие точности и обычно используется, когда говорящий либо не уверен, либо не желает быть точным. **Ó tó** может стоять в начале предложения как компонент главного предложения или в середине как компонент придаточного предложения:

Kí Mopélóla tó lè šisè, ó tó isèjú méwàá dáadáa. [IOO] Букв.: **До Мопелола мочь делать работа это дотянулось минут десять очень.* = *Прошло десять минут, прежде чем Мопелола смогла начать работать.*

Приведенные нами примеры показывают весьма значительную роль местоимения **ó** для выражения темпоральных отношений. Особое значение здесь имеет устойчивая конструкция **ó še/ ó yá** или **ó sì še/ ó sì yá**, (*и вот так получилось* или *и это сбылось*), которая используется в качестве вводной конструкции при выражении промежутка времени. Эта ее функция четко проявляется в предложениях, где местоимение **ó** в безличном значении

используется в различных оборотах типа *nígbà tí ó yá* (букв: *и вот так получилось*), *ó d'ìgbà èkínní* (букв: *в первый раз*) *ó d'ìgbà ó ʒe*, (букв: *прощай*) *ó ʒe ní ojó kan* (букв: *и однажды получилось*) *ó ré rúrò* (букв: *это давно*) и *ó tó déédé ago go méjì* (букв: *было почти два часа*) и т.д. для обозначения темпоральных отношений.

Местоимение *ó* в безличном значении используется также при описании эмоционального состояния или чувств. Рассмотрим следующие примеры, в которых местоимение *ó* в безличном значении применяется для описания эмоционального состояния:

Ó dára, ó dùn to mi níńú rúro pé irú ọmọ dáadáa yẹn ni ifẹ rẹ fà sí. [IOO]
 Букв.: **Это хорошо, это сладко ко мне внутри очень, что такой ребенок тот есть любовь твоя тянуться. = Это хорошо, и мне приятно, что именно к такой хорошей девушке вы испытываете любовь.*

В данном примере присутствуют две конструкции с местоимением *ó*: *ó dára* - 'это хорошо' и *ó dùn to mi níńú* — букв.: 'это сладко в моем животе'. В первой конструкции (*ó dára*) местоимение *ó* употреблено как личное с указательным значением, поскольку его десингат — некое событие, известное участникам акта речи. Во второй конструкции (*ó dùn to mi níńú*), выражающей эмоциональное отношение говорящего к событию, местоимение *ó* — безличное. Заметим, что в языке йоруба местоимение *ó* — единственное местоимение, которое используется для выражения эмоционального состояния. В следующем примере с местоимением *ó* выражается совершенно другая эмоция:

Şùgbón kàkà kí ó sàń l'ára iyá àjé, ó n fì ọmọ rẹ bí obìnrin. [IFR] Букв.: **Но вместо это лечиться в теле мать-ведьма она детей рождаёт девушки. = Но вместо того, чтобы мать-ведьма изменилась к лучшему, она продолжает рожать девочек.*

Словосочетание *sàń l'ára* является устойчивым выражением и переводится на русский как *успокоиться* или *отдохнуть*. Местоимение *ó* является безличным в этом случае. С другой стороны, местоимение *ó* во второй

части предложения *ó ñ fí omọ rè bí obìnrín* является личным, поскольку оно — субститут антецедента *iyá àjé* (мать-ведьма).

В следующем примере:

Ó yà Yemí lènu láti gbọ bí Bìyìi ẹ sọ pé òun gbọ orin tó ñ kọ. [JLY] Букв.: **Это открыть Йеми в рот услышать, как Бий делать говорить он слышать песню, которую есть петь. = Йеми был удивлен тем, когда Бий сказал, что он слышал её песню.*

Здесь безличное местоимение *ó* в устойчивой конструкции *ó yà l'ènu* (удивляться) используется для выражения эмоции удивления.

Местоимение *ó* с безличным значением также используется в качестве формального подлежащего, подобно безличному *it* в английском языке, например:

Ó jọ pé ifẹ náà d'ókàn rè gidì ní. [JLY] Букв.: **Это выглядело так, как будто любовь очень сильно исходила из его сердца. = Похоже, что он сильно влюбился. It was as if that love was genuinely from his heart.* Ср., нем.: *Es sieht so aus, als wäre er tief verliebt*; фр.: *Il semble qu'il est profondément amoureux*, хотя французский язык предпочитает неопределенноличную конструкцию с семой одушевленности: *On dirait qu'il est profondément amoureux*.

Это выражение *ó jọ pé* в йоруба зачастую используется, когда говорящий не уверен в точности своих мыслей или мнений.

Рассмотрим еще пример:

Ó kù díẹ kí wọ́n yà kúrò ní ọ̀nà márosẹ́ Ékó sí Ìbàdàn kí wọ́n sì má lọ sí Ìjẹ̀bú ní ọ̀kọ̀ náà mí iná lọ. [IFR] Букв.: **Это осталось мало до они свернуться из дороге быструю Эко на Ибадан до они тогда ехать в Иджебу есть машина унесла энергию. = Это было незадолго до того, как они свернули с шоссе Лагоса на Ибадан по направлению к городу Иджебу, когда машина остановилась.*

В данном примере местоимение *ó* в безличном значении выступает в качестве формального подлежащего; сравним:

англ.: *It was just before they turned off the Lagos expressway to Ibadan en route Ijebu when the car came to a halt;*

нем.: *Es dauerte nicht lange, bis sie von der Lagos-Autobahn in Richtung Ibadan in der Stadt Ijebu ausstiegen, das Auto blieb stehen.*

Заметим, что французский язык в подобных случаях в качестве формального предикативного ядра предпочитает использовать презентатив *c'est*:

C'est peu de temps avant qu'ils quittent l'autoroute de Lagos en direction d'Ibadan vers la ville d'Ijebu lorsque la voiture s'est arrêtée.

Далее обратимся к употреблению местоимения *ó* с определенно-личным значением. Рассмотрим следующие примеры:

Àjoké dúró, ó ní wo òókan. [ОО] Букв.: *Аджоке стоять, она есть смотреть вдаль. = 'Аджоке стояла, глядя вдаль'.

В этом примере местоимение *ó* является субститутутом имени *Àjoké*, используется в качестве личного местоимения и соответствует русскому *он/она* или английскому *he/she*. Отметим, что местоимение *ó* не изменяется по родам. В следующих примерах показано местоимение *ó* с определенно-личным значением:

Ó wò tìkà-tègbin, ó fì imú kí i káárö. [КЕ] Букв.: *Он(а) смотреть презрительно, она применить нос поздороваться его доброе утро. = Он(а) презрительно посмотрел(а) на него, он(а) поздоровался(ась) с ним холодно.

Местоимение *ó* в данном примере употребляется в личном значении без каких-либо семантических двусмысленностей и является прямым эквивалентом русского *он(а)*. Следующий пример представляет собой подобный случай:

Ó ní ó kú ináwó àná. [ОО] Букв.: *Он говорит он хорошо тратит денег вчера. = Он поздравлял его с вчерашним праздником.

В приведенном выше примере местоимение *ó* в клаузах *ó ní* (букв: он сказал) и *ó kú ináwó* (букв: его с праздником) используется в личном значении, как и в предыдущем примере. Аналогичная ситуация с местоимением *ó* наблюдается в следующем примере:

*Ó ní "Joké ñ ronú ní o. Ífúnprá rẹ̀ sì tí ga jù. [EA] Букв.: *Он говорить, «Джоке думать есть. Кровяное давление ее уже становится высокое» = Он сказал: «Джоке так беспокоится. У нее подскочило кровяное давление».*

В данном примере мы видим местоимение *ó* в позиции подлежащего и в личном значении. Подчеркнем, что в приведенных выше примерах местоимение *ó* употреблено в определенно-личном значении и функционирует аналогично любому другому личному местоимению.

2.2.4. Местоимение *wón* в личном, неопределенно-личном, обобщенно-личном и безличном значениях

Местоимение *wón* в местоименной парадигме занимает позицию местоимения 3-го л. мн. числа (см. табл.4, с. 61 наст. дисс.). Его статус в понятийном, лексическом и грамматическом отношении остается очень важным как в системе языка, так и в социальной жизни народа йоруба. Из общего количества собранных нами примеров из художественной литературы йоруба количество случаев местоимения *wón* с обобщенно-личным значением составляет 23% от общих количества примеров, с безличным значением 5% и с личным значением 72%. Его функциональность столь же сложна, как и разнообразна.

Понимание природы и функций местоимения *wón* по отношению к категории личности/безличности возможно только при понимании социокультурной среды народа йоруба, особенно космологии: мировоззрения, поведения и восприятия внешнего мира носителями языка йоруба. Местоимение *wón*, наряду с прочими местоимениями 3-го л., используется в качестве субститута существительного — antecedenta-десигнатора, десигнатом которого являются конкретные лица (человек/люди или вещь/вещи). Однако местоимение *wón* в языке йоруба не только удовлетворяет этому условию: в его

семантике кроется смысл, доступный для понимания только носителям языка. Можно сказать, что сфера интерпретации местоимения *wón* уникальна, так как объем его понятия включает религиозную семантику.

Местоимение *wón* встречается в различных синтаксических конструкциях, в том числе и в пассивных конструкциях. Лингвист А. Севьерска, справедливо отмечает, что безличное множественное число третьего лица является одним из двух основных стратегий кодирования неопределенно-личных конструкций в европейских языках. По словам ученого, эта стратегия также распространена в африканских языках, в том числе и в языке йоруба, где неопределенно-личное местоимение 3-го лица множественного числа *wón* не имеет формы, отличной от личного, хотя и может выступать в качестве притяжательного местоимения с изменением в подъеме тона [Siewierska, A 2008]. Сравним:

Nígbà náà ni ojú àwọn méjèèjì sì là, wón sì tò pé àwọn wà ní ìhòhò; wón sì rán ewé òpòtò pò, wón sì fi bo ara wón. [Iwe Genesisi 3:7]. Букв.: *Во время тогда глаза их обоих открылись, они понимать, что они есть в голый; они тогда шить листья фи́г вместе они тогда использовать покрыть тела их. = 'И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания' [Книга бытия 3:7].

В приведенном примере местоимение *wón* используется в функции не только личного местоимения: *wón sì tò* (они так и знали); *wón sì rán* (они так и шили); *wón sì fi* (они так и ставили), но и притяжательного местоимения: *ara wón* (тела их). Обращаем внимание, на две формы *wón* и *won*: личное местоимение *wón* можно отличить от притяжательной формы *won* в речи только по тону, что орфографически представлено отсутствием указывающего на средний тон диакритического знака в притяжательном варианте местоимения. Оба варианта местоимения никогда не являются взаимозаменяемыми и отличаются друг от друга только по тону.

Рассмотрим перевод приведенного выше примера на английский язык:

*And the eyes of them both were opened, and **they** knew that they were naked; and **they** sewed fig leaves together, and made themselves aprons [Genesis 3:7].*

Обратим внимание на полное совпадение в употреблении местоимений *they* и *wón* в личном значении. Местоимение *they* является подлежащим предложения точно так же, как *wón* в обоих случаях, где оно употреблено.

Возьмём следующий пример:

Nígbà náà ni gbogbo ará ilú náà sì jáde wá pàdé Jesu. Nígbà tí wón sì rí i, wón bè é, kí ó lọ kúrò ní agbègbè wón. [Iwe Matiu 8:34]. Букв.: *Во время тогда есть весь люди город тот тогда выходить идти встретить Иисус; во время есть они видеть тогда его они просить его что он идти от пределов их. = 'И вот, весь город вышел навстречу Иисусу; и, увидев Его, просили, чтобы Он отошел от пределов их' [Евангелие от Матфея 8:34].

В данном примере мы видим аналогичную ситуацию, где местоимение *wón* используется в личной и притяжательной формах с соответствующим изменением в тоне и орфографии. *Wón* используется в функции личного местоимения в *wón sì rí* (они так и видели), *wón bè* (они так и попросили), а в форме притяжательного: *agbègbè wón* (их окружение). Сравните английский перевод, в котором наблюдается полное совпадение по значению местоимений *wón* и *wón* с английскими эквивалентами:

*And, behold, the whole city came out to meet Jesus: and when **they** saw him, **they** besought him that he would depart out of **their** coasts [Matthew 8:34. The Holy Bible KJV].*

Местоимения *wón* с определенно-личным значением составляют 72% от общего числа собранных нами примеров с этим местоимением. Анализ таких примеров из художественной литературы очень четко показывает особенности местоимения *wón* по вопросу выражения значения лица/персональности. В первую очередь местоимение *wón*, как уже отмечалось выше, может актуализироваться с личным значением и указывать на лицо или на любое живое существо.

Например:

*L'òrò kan, wón ɣe ìgbéyàwó n'ìgbà tí ó pé odún méjì gééré tí wón ti ñ fẹ'ra wón. [OO]. Букв.: *В слово один они делать свадьба вовремя, который это достигать лет два ровно, который они есть любить тела их. = 'Одним словом, они поженились после двух лет знакомства'.*

В этом примере местоимение *wón* функционирует как подлежащее глагола *ɣe* (делать). Фраза *ɣe ìgbéyàwó* дословно переводится на русский как "делать свадьбу". Данный пример представляет собой случай, когда местоимение *wón* выступает в качестве подлежащего предложения.

В следующем примере представлена та же функция местоимения *wón*:

*Wón sáré gbé Joké lọ s'ílé iwòsàn tó ti ñ ɣ'iɣé [OO]. Букв.: *Они бегать носить Джоке от на дом лечение который она есть делать работа. = 'Они немедленно отвезли Джоке в больницу, где она работала'. Ср. англ.: 'They rushed Joke to the hospital where she worked'; нем: 'Sie brachten Joke sofort in das Krankenhaus, in dem sie arbeitete'; фр.: 'Ils ont immédiatement emmené Joke à l'hôpital où elle travaillait'.*

В данном примере местоимение *wón* является личным и занимает в предложении позицию подлежащего. Английское *they*, немецкое *sie* и французское *ils* эквивалентны *wón* йоруба. Заметим, однако, что для английского языка характерно, чтобы акцент падал не на действующие лица, а на действие, в силу чего переводная конструкция по преимуществу принимает пассивную форму предложения, где подлежащее отсутствует: *Joke was rushed to the hospital where she worked*. В следующем примере представлено местоимение *wón* в позиции подлежащего:

*Bí wón bá ti lọ láárò, ó di alé kí wón tó dé. [OO]. Букв.: *Если они будут есть уходить утром это становится ночь до они перед вернуться. = 'Они уходили по утрам, чтобы вернуться только ночью'.*

Возьмём еще пример:

Ó pé diè, wón yà bàrà kúrò lójú títi ọlọdà. [OLMD]. Букв.: *Это долго немного **они** повернуться резко от гидронированная дорога. = 'Спустя некоторое время **они** резко свернули с просмоленной дороги'.

Местоимение *wón* также может выполнять в предложении анафорическую функцию. Термин «анафора» в лингвистике обычно используется в строгом смысле для ссылок на дискурсивные компоненты предшествующих высказываний — антецеденты. В этом смысле анафора противопоставляется катафоре, при которой прямые ссылки используются для обозначения компонентов последующего, а не предшествующего высказывания.

Посмотрим на следующий пример:

Orísìírísì iletò ni ó yí odò ayètòrò ká. Wón kò tóbi púpò yàtò sí ilúbìnrin tí àwón olùgbé rẹ̀ fẹ̀rẹ̀ tó ẹ̀gbẹ̀rún kan [OO]. Букв.: *Разные деревни есть он окружать река Айеторо вокруг. **Они** не большие очень отличать от Илубинрин, который те жители его почти достигнуть тысяча один. = 'Река Айеторо окружена множеством деревень. **Они** не такие большие, за исключением деревни Илубинрина, в которой проживало около тысячи жителей'.

В этом случае антецедентом является существительное множественного числа *orísìírísì iletò* (разные деревни), к которому относится местоимение *wón* во второй части предложения. Этот пример представляет собой случай, когда в языковой обстановке дейктический языковой элемент (в данном случае местоимение *wón*) ссылается на другой, ранее упомянутый языковой элемент (здесь — на именное словосочетание *orísìírísì iletò*). Во всех приведенных выше примерах местоимение *wón* является личным и выступает в качестве главного члена предложения, что отражено в переводах на русский язык, где оно соответствует русскому местоимению третьего лица множественного числа *они*.

Местоимение *wón* может использоваться для вежливого обращения или почтительного (уважительного) обозначения одного лица с определенно-

личным значением, подобно французскому *vous/tu*, немецкому *Sie/du* и русскому *Вы/ты*.

Посмотрим на следующий пример:

Mo rí iyá-àgbà ní ànà. Wón n lọ sí ojà alẹ [OLMD]. Букв.: *Я видеть мать старая в вчера. Они есть идти в рынок вечерний. = 'Я видел бабушку вчера. Она шла по дороге на вечерний рынок'. Ср. англ.: 'I saw grandmother yesterday. She was on her way to the evening market'; фр.: 'J'ai vu grand-mère hier. Elle allait sur la route au marché du soir'; нем.: 'Ich habe Oma gestern gesehen. Sie (ед.ч.) war auf dem Weg zum Abendmarkt'.

В этом примере местоимение *wón* является субститутутом предшествующего ему антецедента *iyá-àgbà* (бабушка). Заметим, что в данном случае эквивалентами местоимения *wón* (3-е л. мн. число) в переводных конструкциях европейских языков являются местоимения 3-го л. ед. числа: *она, she, elle, sie*.

В речи единственное или множественное число десигната, десигнатором которого является местоимение *wón*, определяется только по контексту. В данном примере местоимение *wón*, как субститут имени существительного *iyá-àgbà* (бабушка) используется в качестве почтительного отношения говорящего к лицу, о котором идет речь. Существительное *iyá-àgbà* (бабушка) употреблено в единственном числе, поскольку оно обозначает только одного человека, но его субститут *wón* в парадигме личных местоимений занимает позицию 3-го л. мн. числа.

Подобное употребление местоимения *wón* принято и широко распространено в устных и письменных речевых ситуациях между двумя лицами разного социального статуса или возраста, где местоимение множественного числа *wón* используется для обращения к старшему или более высокому по социальному статусу лицу. Аналогичное употребление местоименной формы 3-го л. мн. числа свойственно ряду других европейских языков и встречается, например, в немецком языке:

Was wollen Sie zu sagen? - Что Вы хотите сказать?

Ср. русское устаревшее: *Спроси у господина Иванова, не хочет ли он к нам присоединиться? — Нет, они (=он) не хотят.*

В современном русском и во французском языках в таких случаях используется формы местоимений 2-го л. мн. числа *Вы* и *Vous* соответственно, а формы 3-го л. мн. числа в этих языках, равно как и в английском (*они, ils, they*) употребляются по их прямому назначению — для обозначения нескольких (многих) лиц, не являющихся непосредственными участниками речевой ситуации.

Амбивалентный характер местоимения *wón* по отношению к значению числа означает, что, как уже упоминалось выше, бывают случаи, когда число (количество) лиц, обозначаемых местоимением *wón*, выясняется только из контекста. В следующем примере статус местоимения *wón* по числу выявляется только из контекста:

Wón sáré gbé Joké lọ s'ilé iwòsàn tó ti ñ ş'işé [OO]. Букв.: **Они бегать носить Джокэ от на дом лечение который она есть делать работа. = 'Они немедленно отвезли Джокэ в больницу, где она работала'.*

Хотя в данном примере местоимение *wón* переведено как множественное число, его точное значение по числу может быть установлено только в более широком контексте, ибо женщину по имени *Joké*, возможно, увез в больницу только один человек, к которому говорящее лицо испытывает уважение или который старше его по возрасту или социальному статусу. В этом случае местоимение *wón* используется как средство уважительного именованья. С другой стороны, вполне возможно, что женщину доставил в больницу не один человек, а несколько лиц, и тогда местоимение *wón* будет являться десигнатором нескольких лиц.

Рассмотрим следующий пример:

L'òrò kan, wón şe igbéyàwó n'ìgbà tí ó pé odún méjì gééré tí wón ti ñ fẹ'ra wón. [OO]. Букв.: **В слово один они делать свадьба во время который это*

достигать лет два ровно который они есть любить тела их. = 'Одним словом, **они** поженились после двух лет знакомства'. Ср. англ.: 'In a word, **they** got married after two years of dating'.

Здесь значение числа местоимения *wón* распознается по контексту ситуации, поскольку речь идет о свадьбе — о событии между двумя людьми, и потому не должна возникнуть неясность о статусе местоимения по значению числа.

Кроме того, местоимение *wón* в личном значении может использоваться рефлексивно для того, чтобы подчеркнуть идентичность лица, совершающего упомянутое в высказывании действие. Например:

Màmá-àgbà fún ara wón ni wón sọ bèè [OLMD]. Букв.: *Мама старший для тела они есть они говорить так. = 'Бабушка сама (и никто иной) так сказала'.

Выражение *ara wón* — это типичное в языке йоруба местоимение с возвратным значением, в котором лексическим источником возвратного значения является слово *ara* (тело), в сочетании с притяжательным местоимением (*wón* в данном случае). Следует отметить, что значение местоимения *wón* в приведенном примере зависит от другой лексической единицы в контексте. Таким образом, местоимение *wón* является антецедентом употребленного ранее дискурсивного компонента *màmá-àgbà*. Здесь важно подчеркнуть анафорический статус местоимения *wón*, потому что, во-первых, анафорический характер местоимения *wón* является средством создания синтаксических связей внутри высказывания, указывая тем самым на то, как строится и поддерживается дискурс на языке йоруба.

Во-вторых, оно раскрывает важные механизмы познавательных процессов носителей языка йоруба. Другими словами, оно может показать роль языка йоруба в концептуализации и категоризации внешнего мира его носителями. В английском языке такой эффект также достигается посредством использования возвратных местоимений, которые обозначают объект, когда

действие, выраженное глаголом, относится к тому же существительному, что и подлежащее этого глагола. Это значит, что *ara wọn* является эквивалентом местоимения *herself*, и таким образом, если перевести приведенный нами выше пример на английский, то получим такой вариант:

Màmá-àgbà fún ara wọn ni wọn sọ bẹ̀ẹ̀ [OLMD]. = 'It was grandmother herself who said so'.

Местоимение *wọn* может использоваться для усиления выразительности высказывания, для драматического эффекта или другого эффекта подобного рода:

*Orí wọn ni ó bá wọn sẹ̀ [IFR]. Букв.: *Голова их есть он помочь они делать. = 'Их удача спасла'. Ср. англ.: Their good luck saved them. Букв.: Их удача спасла их.*

Местоимение *wọn* в приведенном примере является дополнением, придающим высказыванию особый эмоциональный эффект. В противном случае может использоваться вариант конструкции без личного местоимения *wọn* с тем же значением, но с нейтральной эмотивностью: *orí wọn ni ó sẹ̀* (букв.: *голова их есть это делать).

Если посмотрим на использование личного местоимения *wọn* для выражения других значений, кроме личного, то увидим, что оно может употребляться в грамматических конструкциях, где глагол-сказуемое обозначает действие, выполняемое широким неопределенным кругом лиц. Рассмотрим использования местоимения *wọn* в произведениях художественной литературы:

*Sé o tiè rò pé àṣẹ̀ ni wọn ñ fi "n ó fé ọ" pa ni? [OO]. Букв.: *Делать ты даже думать, что приказ есть они использовать «я буду жениться ты» убивать ли? = 'Ты вообще (действительно) думаешь, что можно пожениться по приказу?'*

В данном случае местоимение *wọn* в высказывании *wọn ñ fi* переводится на русский язык не личным местоимением 3-го л. мн. числа *они*, а с помощью несущего значение обобщенности инфинитивного оборота *можно пожениться*

с явным оттенком безличности. Английский, французский и немецкий языки в подобных случаях значения обобщенности и тем более — безличности избегают.

Сравним перевод приведенного выше высказывания на английский язык:

'Do you think that "I will marry you" is some forceful proposal?'

Здесь выражение *wón ñ fi* (букв: *они есть использовать) переведено отдельной клаузой *I will marry you*, где в позиции подлежащего употреблено личное местоимение 1-го л. ед. числа *I* (я). Для перевода *wón ñ fi* (букв: *они есть использовать) возможен также вариант: *do you think you can get married...*, но тоже клаузой с личным местоимением 2-го л. ед. числа *you* (ты) в роли подлежащего. Немецкий язык также избегает значения обобщенности, используя подобную английской конструкции: *Glaubst du, (dass) du kannst heiraten....* Заметим, что при переводе с йоруба приведенного выше высказывания наряду с русским языком значение обобщенно-личности может быть сохранено во французском переводе: *Tu penses pouvoir te marier ...*, где, как и в русскоязычном варианте, выражение *wón ñ fi* переведено инфинитивным оборотом, хотя возможен и аналогичный английскому и немецкому вариант перевода отдельной клаузой с местоименным подлежащим *tu* (ты): *Tu penses que tu peux te marier ...*

На русский язык перевод конструкции с местоимением *wón* в обобщенно-личном значении (23% из всех употреблений местоимения *wón*) может осуществляться не только с помощью инфинитивного оборота, но и посредством возвратных глагольных форм:

Ọmọ tí ó bá kọkọ yọ ẹsẹ jáde láti inú iyá rẹ n'ìgbà tí wón fẹ bí i ní à ñ pè ní Ìgè. [OONII]. Букв.: *Ребенок, который он сначала показать ноги из внутри мать его, когда есть, они хотеть рожать его есть мы называть как иге. = 'Ребенок, который рождается вперед ногой из утробы матери, называется Иге'.

В данном случае буквальным переводом выражения с местоимением *wón*

(*wón fẹ́ bí*) является *они хотят рожать*, но перевод на русский язык осуществляется с помощью возвратного глагола в третьем лице единственного числа *рождается*.

Кроме того, высказывание с неопределенно-личным *wón* также может быть переведено на русский язык с использованием неопределенно-личной конструкции с глаголом 3-го л. мн. числа:

Bí wón tí ẹ̀e ní gún iyán láti ẹgbẹ̀ta ọ̀dún s'ẹ̀hìn la ẹ̀e ní gun l'óni [EA]. Букв.: **Как они есть толкать батат из триста лет назад есть мы толкать сегодня.* = '*Как готовили батат триста лет назад, так и мы готовим сегодня.*'

В данном примере выражение с *wón* (*wón tí ẹ̀e*) переведено на русский глаголом 3-го л. мн. числа *готовили*. Вариант с возвратным глаголом также возможен: '*Как готовился батат триста лет назад, так и готовят сегодня.*'

Приведем аналогичный пример:

Bí wón tí ẹ̀e ní ro ọ̀kà láti ẹ̀dẹ̀gbẹ̀fà oşù la ẹ̀e ní ro ọ̀kà [EA]. Букв.: **Как они есть делать ока из тысячи сто месяц назад есть мы перемешивать сегодня.* = '*Как готовят оку уже сто лет, так и готовим*'; или: '*Как готовится ока уже сто лет, так и готовим*'.

Данный пример показывает, что конструкция с местоимением *wón* (*wón tí ẹ̀e* букв.: **они есть делать*) может переводиться на русский язык не только посредством глагола 3-го л. мн. числа (*готовят*), но и с помощью возвратного глагола (*готовился*) в соответствующем времени. Сравним с рядом европейских языков, где перевод достигается с помощью пассивной конструкции:

Англ.: *Oka is prepared today the same way it **has been prepared** for many years*; фр.: *Oka **est toujours cuit** de la même manière qu'il y a cent ans*; нем.: *Oka **wird immer noch genauso gekocht** wie vor hundert Jahren*.

Еще один пример конструкции с неопределенно-личным значением:

Wón ní idí işé ẹ̀ni làá mọ̀ni l'ọ̀lẹ [YR]. Букв.: **Они имеют на работа человек иметь мы знать человек как лентяй.* = '*Говорят, что работа – главный показатель способности человека*'; англ.: '*They say that work is the main*

indicator of a person's ability'; фр.: '*On dit que le travail est le principal témoignage de la capacité d'une personne*'; нем.: '*Man sagt, dass Arbeit der Hauptindikator für die Fähigkeiten einer Person ist*'.

Местоимение *wón* в словосочетании *wón ní* (букв.: *они имеют) используемое таким образом, предполагает, что действия, выражаемые глаголами, были совершены не каким-либо конкретным лицом, а относятся к любому человеку в общем плане. Другими словами, оно носит обобщенно-личный характер. Заметим, что русский, немецкий и французский языки предпочитают в подобных случаях неопределенно-личные конструкции в силу наличия в них семы одушевленности: фр. *on* (этимон *homo* — человек), нем. *man* (этимон *Mann* — человек); русский язык в силу отсутствия в парадигме местоимений формы, специализирующейся на выражении неопределенно-личного субъекта, использует форму глагола 3-го л. ед. числа глагола *говорят*, с содержащейся в его значении семы одушевленности. Стоит отметить, однако, что для передачи смысла приведенного выше высказывания на языке йоруба английский, немецкий, французский и русский языки могут использовать безличные конструкции:

англ.: '*It is known that work is the main indicator of a person's abilities*';

нем.: '*Es ist bekannt, dass Arbeit der Hauptindikator für die Fähigkeiten einer Person ist*';

фр.: '*C'est connu que le travail est le principal indicateur des capacités d'une personne*';

рус.: '*Известно, что работа – главный показатель способности человека*'.

При использовании местоимения *wón* с обобщенно-личным значением в качестве подлежащего наблюдается возможность заменить его прилагательными *oníkálukú* «каждый» и *ẹnikẹni* «любой» без каких-либо изменений в значении или искажения контекста. Если, допустим, в предложении *Bí wón ti ẹ ní gún iyán láti ẹgbẹta ọdún s'ẹhìn la ẹ ní gun l'óni* [Как

(они) готовили батат триста лет назад, так и готовят сегодня] заменим местоимение *wón* на *ẹnikẹni* (любой), или на *oníkálukú* (каждый), то получаем высказывания с одинаковым смысловым содержанием: либо *Bí ẹnikẹni ti ẹ ní gún iyán láti egbèta ọdún s'ẹhìn la ẹ ní gun l'óni* [букв.: Как **любой** готовил (= готовили) батат шестьсот лет назад, так и готовят сегодня], либо *Bí oníkálukú ti ẹ ní gún iyán láti egbèta ọdún s'ẹhìn la ẹ ní gun l'óni l'óni* [букв.: Как **каждый** готовил (= готовили) батат шестьсот лет назад, так и готовят сегодня]. В этих предложениях замена местоимения *wón* местоименными прилагательными *oníkálukú* (каждый) и *ẹnikẹni* (любой) не приводит к изменению значения предложения, что оказывается очень важным для подчеркивания статуса местоимения *wón* как обобщенно-личного, поскольку аналогичная замена местоимения *wón* с личным значением теми же местоименными прилагательными приводит к изменению в значении предложения. Сравним:

Wón sì dá'gbére fún mi wí pé ó digbóoşe wí pé k'ójú má tún ko àtúnrí [APL].
Букв.: ***Они** тогда попроситься для меня говорить, что это до свидания говорить, что, чтобы глаза не снова отказаться воссоединение. = 'Затем **они** попрощались со мной с горячими пожеланиями, чтобы мы могли снова увидеться в будущем'. → **Oníkálukú sì dá'gbére fún mi wí pé ó digbóoşe wí pé k'ójú má tún ko àtúnrí* = *Затем **каждый** попрощались со мной с горячими пожеланиями, чтобы мы могли снова увидеться в будущем.

Замена личного местоимения *wón* местоименным прилагательным *ẹnikẹni* (любой) в данном предложении, приводит, во-первых, к искажению конструкции, во-вторых — к нарушению смысла:

Wón sì dá'gbére fún mi wí pé ó digbóoşe wí pé k'ójú má tún ko àtúnrí [APL]
→ **Ẹnikẹni sì dá'gbére fún mi wí pé ó digbóoşe wí pé k'ójú má tún ko àtúnrí* Букв.: ***Любой** тогда попроситься для меня говорить, что это до свидания говорить что, чтобы глаза не снова отказаться воссоединение. = *Затем **любой** попрощался со мной с горячими пожеланиями, чтобы мы могли снова

увидеться в будущем.

Сравним приведенный выше пример с заменой личного местоимения *wón* местоименным прилагательным *enikéni* с примерами, где местоименными прилагательными *enikéni* (любой) и *onikálukú* (каждый) заменено местоимение *wón* с обобщенно-личным значением:

Bí wón ti şe ní ro okà láti èdégbèfà oşù la şe ní ro okà [EA]. Рус.: 'Как готовили оку 650 лет назад, так и мы ее готовим'. → *Bí enikéni ti şe ní ro okà láti èdégbèfà oşù la şe ní ro okà*: 'Как любой готовил оку 650 лет назад, так и мы ее готовим'; → *Bí onikálukú ti şe ní ro okà láti èdégbèfà oşù la şe ní ro okà*. Букв.: 'Как каждый готовил оку 650 лет назад, так и мы ее готовим'.

Конструкциями с местоимением *wón* с обобщенно-личным значением часто оформляются нравоучения, пословицы, поговорки, афоризмы и общеизвестные истины. Рассмотрим следующие примеры:

Wón ní re gbénàgbèná eyé àkókó ní yójú. [YR]. Букв.: *Раздается звонок плотнику, и дятел представляет себя. = "**Не следует** переоценивать чувство самомнения".

В данном контексте местоимение *wón* не относится к какому-либо конкретному лицу и выражает общую идею или действие, совершенное или могущее быть совершенным широким кругом людей. Действие в данном предложении выражается глаголом *re* (позвать). Данному высказыванию соответствует по смыслу русский безличный оборот *не следует*. Возьмём еще пример:

Wón ní, "Afójú, o ò tanná alé." Ó ní àt' òsán àt'òru, èwo l'òún rí níbe? [YR]. Букв.: *Слепому **говорили**: "ты не зажег ночную лампу". Он отвечает, и день и ночь, какой он видит из них? = "**Не следует** тратить усилия на приобретение вещей, которыми нельзя пользоваться".

Данный пример представляет собой еще одну пословицу, которая наглядно иллюстрирует использование местоимения *wón* с обобщенно-личным значением. Аналогичный случай представляем в следующем примере:

Wón ní, "Afójú, ọ̀tọ̀ rẹ̀ p'ẹ̀ran." Ó ní kò dá òun lójú, àfì bí òún bá tọ̀ wò. [YR].
 Букв.: *Слепому *говорили*: "твой сын убил дичь". Он отвечает, что не может поверить, пока не попробует мясо. = "**Нужно** всегда настаивать на положительном доказательстве".

Как в предыдущем примере, буквальный перевод с языка йоруба на русский осуществляется именно с помощью формы третьего лица множественного числа от глагола *говорить* (*говорят; говорили*), но смысловой эквивалент имеет форму безличной конструкции *нужно настаивать*.

Анализ примеров из художественной литературы показывает, что местоимение *wón* с безличным значением не используется с безличным значением в прямом смысле. Однако его использование с квази-безличным значением раскрывает важные социокультурные ценности в жизни народа йоруба.

Отметим, что почти каждый аспект жизни у народа йоруба имеет духовные коннотации, и нередко люди причиняют свои проблемы всяким темным силам, что непосредственно запечатлено в традиционных рассказах народа йоруба о колдовстве и черной магии. Верования народа йоруба говорят о том, практически все аспекты жизни управляются некими невидимыми, но вездесущими силами, что и находит отражение в языке. Например, в ежедневном узусе распространено выражение:

Şé wón rán ẹ̀ sí mí ní? Букв.: ***Делать они** отправить ты на меня так? = *Тебя отправили ко мне что ли?* = "*Почему ты ко мне пристаешь?*"

Истинное значение этого выражения нельзя понять по буквальному переводу на русский язык. Коннотация этого высказывания (то есть тот смысл, который носитель языка йоруба в него вкладывает) определяется употреблением местоимения *wón*, и только знание культурных ценностей народа йоруба позволяет понять смысл подобного рода высказываний. В данном контексте местоимение *wón* включает несомненную семантику «вселичности» с религиозным смыслом, что ставит его в смысловую

оппозицию к значению безличности по признаку одушевленности ↔ неодушевленности. Заметим, что, несмотря на то, что ряд европейских языков располагает специальными средствами, предназначенными для выражения обобщенно-личных значений, при переводе с языка йоруба конструкций с местоимением *wón* смысловая эквивалентность достигается посредством безличных местоимений, таких как английское *it*, французское *il* или немецкое *es*, хотя эта эквивалентность имеет условный характер, ибо указанные местоимения европейских языков, во-первых, семы одушевленности лишены, а во-вторых, занимают в местоименной парадигме позицию 3-го л. ед. числа, что располагает к «обезличиванию» их значения, т. е. к системному закреплению за ними безличного значения. Местоимение *wón*, напротив, в силу того, что занимает позицию 3-го л. мн. числа, сему одушевленности сохраняет, что позволяет народу йоруба использовать его в качестве десигнатора целокупного и одухотворенного, населенного множеством разумных и одушевленных субъектов природы окружающего мира.

Здесь следует заметить, что семантика одушевленности сохраняется в русских и в большинстве французских (в силу наличия семы одушевленности в местоимении *on* — от *homo*) эквивалентных высказываниях. Сравним переводы нескольких примеров из газеты *Los Angeles Times*:

Англ.: *It was said that Baltimore audiences would never support another local theater. (Los Angeles Times).*

Нем.: *Es wurde gesagt, dass das Publikum in Baltimore niemals ein anderes lokales Theater unterstützen würde.*

Фр.: *On disait que le public de Baltimore ne soutiendra jamais un autre théâtre local;* возможен вариант: *Il a été dit que le public de Baltimore ne soutiendrait jamais un autre théâtre local,* но со значением *было сказано, что...*

Рус.: *Говорили, что балтиморская публика никогда не поддержит другой местный театр; сравним русский перевод безличной конструкцией с утратой смысловой эквивалентности: *Сказано, что балтиморская публика никогда не*

поддержит другой местный театр.

Йор.: *Wón ní àwón òhàwòran Baltimore kò ní láíláí ẹ̀ àtìlẹ̀yìn fún tíátà m̀ìràn.*

У безличных местоимений *it, es, il* английского, немецкого и французского языков нет семы одушевленности, а местоимение *wón* сему одушевленности сохраняет, даже когда оно используется с квази-безличным значением. В приведенном выше примере десигнат местоимения *wón* может быть как личным, так и с условно-безличным значением в зависимости от более широкого контекста. Таким образом, можно сказать, что местоимение *wón* является амбивалентным по своей природе. Поясним.

Любой народ создает языковую реальность, выражая значимые компоненты своего существования с помощью имеющихся в системе языка средств. Для того чтобы понять источники социальной значимости местоимения *wón* и оценить его широкое использование в рече-языковом поведении народа йоруба, необходимо вникнуть в аспекты мировоззрения йоруба: как и почему народ йоруба получают референциальную определенность от "неопределенного" местоимения *wón*. Ответ на этот вопрос кроется в том, что традиционная религиозная мысль у народа йоруба основана на идее о трех существенных стремлениях для человека во время его пребывания на земле, что четко представлено в следующем отрывке из молитвы:

<i>Ire méta l'àwa n wá.</i>	<i>Мы желаем трех вещей,</i>
<i>Àwa n w'ówó.</i>	<i>мы желаем денег.</i>
<i>Awa n w'ótọ</i>	<i>Мы желаем детей.</i>
<i>Awa n w'ówó w'àtúbòán ayé.</i>	<i>Мы желаем вечной жизни.</i>

[Barber 1981: 27].

Предполагается, что человек сталкивается с трудностями в своих попытках достичь этих жизненных целей из-за злонамеренных сил, которые всегда готовы и стремятся только к тому, чтобы ему помешать. Следовательно, человеческая жизнь у народа йоруба — это, как уже отмечалось выше, бесконечная борьба с невидимыми, но всегда присутствующими и крайне

могущественными темными силами. Одна из главных идей религиозной мысли народа йоруба – идея о том, что в основе существования мира заложены две противоположные силы: «положительное – отрицательное», то есть «добро — зло», «правое — левое», «переднее — заднее», «верхнее — нижнее» и «духовное — материальное» и так далее. В мифологии йоруба существует более 400 божеств, каждое со своей силой и кодексом правил. Между ними и их почитателями существуют сложные отношения взаимозависимости, которые определяются многочисленными табу, ритуалами и обрядами. Народ йоруба делает всё, чтобы не нарушить ни одно из табу богов и не навлечь на себя их гнев. Местоимение *wón* кодифицирует страх народа йоруба перед возможностями нарушения его предопределенного пути на земле. В этом контексте оно напоминает представителям народа йоруба о скрытом присутствии неизвестного, что заставляет их обращать внимание на скрытую силу, а следовательно, и на необходимость всегда быть защищенными от нее: они постоянно воюют и сражаются с врагами, чтобы исполнить свое предназначение. Таким образом, в мифологии народа йоруба заложено, что человек должен уметь не только управлять двумя противоположными силами, но и обеспечивать равновесие между ними для того, чтобы реализовать свой потенциал и актуализовать свою судьбу, которая, по мифологическим сведениям, выбирается человеком по пути к земле. Сущности (существа), обозначенные местоимением *wón*, находится в точке взаимодействия добра и зла – на стыке пересечения этих противоположностей и потенциально могут повлиять на способность индивида достичь хорошей жизни на земле.

Согласно космологии народа йоруба, человек является обособленным индивидуумом, выбирающим свой жизненный путь с помощью своего *orí* (букв. *голова*) под воздействием различных сил, некоторые из которых являются добрыми, некоторые враждебными, многие — амбивалентными. Человек всегда устремляется к тому, чтобы умилостивить эти силы и держать их на своей стороне при соперничестве с конкурентами и врагами в человеческом обществе.

К ряду враждебных сил относят *ènyàn* (букв. человек) и *ajogún* (ведьмы), которые представляют собой олицетворение сплошного зла в том числе и смерти, потерь, болезней и т. д. [Barber 1981:29]. Все отличительные черты, определяющие человека – личность, идентичность, судьба и природа – остаются такими, какими их выбрал его *orí* изначально. Однако актуализация на земле потенциалов *orí* не гарантирована. Судьба человека в жизни может быть изменена другими людьми, которые хотели бы заменить свою несчастную судьбу на удачу других людей. Судьба человека также может быть подвержена влиянию «нечестивой деятельности *ayé* (букв. мир), то есть ведьм и колдунов», которые просто хотят разрушить счастье человека [Heim 1983: 142]. Сознание того, что это может произойти, подкрепляется лингвистически такими выражениями, как "*wón lo orí è*" (букв.: они использовали голову его/ее), "*wón ra kádàrà é dà*" (букв.: они изменили удачу его/ее). Десигнатором именно этих духовных сил становится местоимение *wón*. Всегда настороженные, подозрительные, недоверчивые к другим, носители религиозной культуры йоруба настаивают на том, что "*ìfura ni oògùn àgbà*" (бдительность – главное вооружение взрослого). Человек не может достичь статуса *àgbà* (букв. взрослый), не принимая меры, чтобы перехитрить эти многочисленные враждебные силы. Таким образом, местоимение *wón* — это эвфемистический приём для обозначения этих грозных сил и врагов, с которыми борется человек из народа йоруба.

Как уже говорилось, за местоимением *wón* кроется определённое значение с религиозной окраской и оттенком. Отметим, что мировоззрение, которое служит основой для этого понятия, находится не только в сознании людей, но полностью управляет ими во всех сферах их жизни особенно в том, что касается интерпретации и решения проблем. Для них ничего никогда не происходит просто так и без причины, и соответственно, для каждого несчастного случая должен быть найден виновник. Следовательно, любой, чья внешность, внешний вид, поведение или мысли кажутся отклоняющимися от

общепринятого, воспринимается скептически и подозревается как возможное олицетворение *wón*. Приводим примеры:

«*Wón ò ní rí ẹ tí o!*» Букв.: **Они** не есть видеть тебя поймать! = Пусть **они** никогда тебя не поймут! ; "Быть тебе невидимым для **них!**".

Аналогичный смысл включает следующее выражение:

«*Wón ò ní r'ídi wa o!*» Букв.: **Они** не есть видеть основу наш! = Пусть (они) никогда нас не одолеют [Lawuyi 1988: 11].

Эти подтверждающие веру в существование «*wón*» молитвенные слова-заклинания, как оберег, часто повторяются представителями культуры йоруба в надежде на защиту от злых сил. Два последних примера недвусмысленно свидетельствуют о том, что в религиозно-культурной интерпретации десигнатор местоимения *wón* не является расплывчатым – он вполне определен и его значение точно и уникально.

Выводы

1. Язык йоруба принадлежит семейству ква из нигеро-конголезских языков Африки. На нем говорят в западной Африке, главным образом в юго-западных и центральных частях Нигерии. Язык йоруба относится к языкам изолирующего типа. Однако дать языку такую однозначную типологическую характеристику можно лишь условно, в силу того что лексико-грамматические значения могут выражаться морфонологически (посредством вариации тонов со смыслоразличительной функцией), лексически (для выражения временных значений), агглютинативным способом (при обозначении рода / пола и числа имён существительных, при образовании числительных), с помощью квази-детерминативов (при уточнении глагольных времён). Эти системно-структурные особенности языка йоруба, общие для языков африканского континента, существенно отличают его от современных языков Европы, что затрудняет его изучение и описание для иноязычных исследователей.

В грамматике йоруба есть свойства, характерные также и для европейских языков – это способы актуализации синтаксических значений и синтаксиса в целом (фиксированный порядок слов и использование служебной лексики для выражения синтаксических отношений). Такое сходство может быть объяснено, во-первых, нефлективностью имени (как, например, в английском), в связи с чем синтаксические функции именных актантов могут быть обозначены только их позицией в предложении; во-вторых, предположительно, возможным влиянием английского языка на языки коренного населения Нигерии. В йоруба нет грамматического рода, но некоторые аспекты языка, такие как вопросительные частицы *tani?* (кто?) и *kini?* (что?) различают человеческих существительных от нечеловеческих существительных. Существительные во множественном числе обозначаются модификаторами множественного числа.

2. Понятие лица прочно закрепились в грамматике языка йоруба и отражается в языке существительными и главным образом — системой местоимений, в которую входит парадигма личных форм — самостоятельных (эмфатических) и прилагольных. Первые предназначены для выражения только собственноличных значений; вторые в силу большей степени их грамматизованности в структуре предложения в качестве субъектных формантов способны выражать как собственноличные, так и несобственноличные значения. Местоимения в языке йоруба играют важную роль в структуре предложения, т. к. для них характерно противопоставление форм прямого падежа формам косвенных падежей, что позволяет говорить о супплетивных формах их склонения для выражения синтаксических отношений.

3. Несобственноличные (обобщенно-личные, неопределенно-личные и безличные) значения могут выражать только субъектные прилагольные (неэмфатические) местоимения, используемые в функции формальных подлежащих: обобщенно-личные, неопределенно-личные и безличные значения в языке йоруба выражаются посредством прилагольных (неэмфатических) местоимений *a* (1-л.мн.число), *o* (2-е л.ед.число), *ó* (3-е л.ед.число) и *wón* (3-е л.мн. число). Количественные данные употребления различных местоимений в личном, обобщенно-личном, неопределенно-личном и безличном позволяют сделать выводы о специализации каждого из них в той или иной функции.

В приведенной ниже таблице представлены количественные данные употребления вышеуказанных местоимений с обобщенно-личными, неопределенно-личными и безличными значениями в процентном соотношении, где за 100% принято общее число примеров с тем или иным местоимением:

Местоимения *a*, *o*, *ó* и *wón* в обобщенно-личном, неопределенно-личном и безличном значениях в языке йоруба

	обобщенно- личные	неопределенно- личные	безличные	личные
<i>a</i>	46 %	16%	0%	38%
<i>o</i>	36%	0%	0%	64%
<i>ó</i>	0%	0%	59%	41%
<i>wón</i>	23%	0%	5%	72%

3. Местоимение *a* занимает позицию 1-го лица единственного числа в местоименной парадигме языка йоруба. В личной форме (38%) оно соответствует местоимениям *мы*, *we*, *wir* и *nous* в русском, английском, немецком и французском языках соответственно. Помимо личного употребления, местоимение *a* в основном используется в обобщённо-личном значении (46%), что очевидно из его широкого использования в пословицах и мудрых высказываниях йоруба. Для достижения эквивалентности в переводе и сохранения его контекстного значения местоимение *a* переводится на русский язык посредством различных приемов, в том числе — использованием инфинитивных оборотов и придаточных предложений.

4. Местоимение *ó* — это местоимение 3-го лица единственного числа в местоименной парадигме языка йоруба. Хотя оно лишено каких-либо экстралингвистических коннотаций, подобных местоимению *wón*, местоимение *ó* употребляется больше всего для выражения безличности в языке йоруба (59%), подобно английскому безличному *it*. Местоимение *ó* отличается от местоимения *o*. Местоимение *o* занимает позицию второго лица единственного числа в местоименной парадигме йоруба и обычно используется для выражения значений обобщенно-личного (36%) и личного (64%) характера и никогда не

используется с безличным значением. На выражении не-лица в языке йоруба специализируется местоимение *ó*, что проявляется в распространенном использовании безличных *ó-конструкций* для выражения временных отношений, расстояния, чувств и т.д.

5. Местоимение *wón* в личной форме (72%) соответствует русскому *они*, английскому *they*, немецкому *sie* и французскому *ils*. Данному местоимению присуща уникальная экстралингвистическая значимость, что заключается в его использовании для обозначения неких темных духовных сил в космологии народа йоруба. Данный факт является важным в свете того, что вера в сверхъестественное является важным аспектом жизни у народа йоруба, а социокультурная составляющая в объеме понятия местоимения *wón* дает представление не только о грамматике языка, но и о культуре йоруба, так как оно кодифицирует специфические аспекты верований йоруба. При переводе местоимения *wón* с различными несобственноличными значениями на русский и некоторые индоевропейские языки используют различные способы: *wón-конструкции* часто переводятся инфинитивными оборотами или посредством возвратных глаголов в соответствующем времени, что характерно для русского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертации представлен анализ репрезентации значений лица/персональности современным национальным литературным языком йоруба, отраженным в произведениях художественной литературы, и выявлены способы их выражения этим языком. В ходе исследования подтверждена выдвинутая гипотеза, что в йоруба наблюдается грамматизация категории подлежащего, в силу чего в его системе представлена парадигма местоимений, специализирующихся для выражения значения лица при глаголе — с определенным, обобщенным, неопределенным и безличным значениями. В центре внимания проведенного исследования оказались, прежде всего, конструкции с разной степенью имперсональности — от обобщенно-личных (*a*-конструкции, *o*-конструкции, *wóń*-конструкции), неопределенно-личных (*wóń*-конструкции) — до безличных (*ó*-конструкции) значений. Это конструкции, где позицию формального подлежащего занимают приглагольные (неэмфатические) местоимения *a*, *o*, *wóń* и *ó*, специализирующиеся на выражении категории лица (не-лица) при глаголе. Заметим, что, если необходимо представить лицо-субъект, т. е. указать на реального носителя(ей) признака, в языке йоруба в высказывании с этой целью употребляются личные эмфатические (самостоятельные) местоимения-десигнаторы конкретного лица (группы лиц), в парадигме которых есть и местоимения-субституты (местоимения 3-го л. ед и мн. ч.). Иными словами, система личных местоимений в йоруба представлена двоичной парадигмой форм — самостоятельными (эмфатическими) и приглагольными (неэмфатическими) местоимениями. Аналогичную картину наблюдаем, например, в современном французском языке, где приглагольные местоимения выполняют функцию формального (грамматического) подлежащего и расцениваются специалистами как препозитивные флексии лица глаголов. В йоруба, как и в европейских языках, к формализации подлежащего в предикативном ядре предложения предрасположены, прежде всего,

приглагольные местоимения 3-го л. ед. числа, лишённые семы одушевленности и, следовательно, рода: *ó* в йоруба и *it, es* и *il* в английском, немецком и французском языках соответственно. Конструкции именно с этими местоимениями употребляются со значением не-лица или — как безличные. Заметим, что русский язык так же, как и перечисленные европейские языки и язык йоруба, для выражения значения не-лица широко использует конструкции на *-о* (*надо, можно*), в своей семантике сохраняющие сему среднего рода и неодушевленности. Но в силу того, что в местоименной парадигме русского языка все формы функционируют как синтаксически самостоятельные, а приглагольных местоименных форм нет, позиция подлежащего в русских безличных предложениях остается пустой.

В целом результаты проведенного исследования и их сопоставление с данными из грамматик английского, немецкого, французского и русского языков подтвердили уже известное положение о том, что категория лица является семантической основой синтаксической категории подлежащего при глаголе-сказуемом, предизирующем признак его носителю-лицу, и что любая языковая система, в том числе и система языка йоруба, развиваясь по пути анализа, находит способ обеспечить семиотическое выражение категории подлежащего формально — посредством специализирующегося для этого знака (парадигмы знаков).

Исследование показало, что категория имперсональности в языке йоруба отражает также и социокультурные компоненты значения, обусловленные особыми традициями и религиозными верованиями. Отметим, что почти каждый аспект жизни у народа йоруба имеет духовные коннотации, и нередко люди видят причины своих проблем в действиях всяких темных сил, что непосредственно запечатлено в традиционных рассказах народа йоруба о колдовстве и черной магии. Верования народа йоруба говорят о том, практически все аспекты жизни управляются некими невидимыми, но вездесущими силами, что и находит отражение в языке, где эти силы обрели

особый знак — местоимение *wón* — табуированный десигнатор грозных существ, властвующих над всецело зависящим от них человеком.

Перспективой дальнейшей работы считаем диахроническое когнитивно-семиотическое исследование формирования способов выражения категории лица/персональности в языке йоруба и сопоставление полученных данных с результатами, полученными в ходе изучения истории языков разных типов. Выполненный в рамках данной работы системный анализ репрезентации категории лица/персональности в языках разных типов на материале языка йоруба и избранных европейских языков, может послужить продуктивной перспективой для дальнейших сравнительных исследований в области лингвистики и прикладной грамматики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адмони В. Г.* Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В. Г. Адмони. – Л.: Наука, 1988. – 238 с.
2. *Аксаков К. С.* Полное собрание сочинений / К. С. Аксаков // Сочинения филологические. – Т. 2. – Ч. 2. – М., 1875. – С. 295–296.
3. *Алференко Н. А.* К вопросу о месте местоимений в системе частей речи современного немецкого языка / Н. А. Алференко // Вопросы грамматики современного немецкого языка. – М.: МГПИ, 1978. – С. 29.
4. *Андреев Ф. В.* Знаменательные и служебные слова в русской речи / Ф. В. Андреев // Журнал министерства народного просвещения. – № 10. – 1895. – С. 117
5. *Бабайцева В. В.* Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц / Н. А. Николина, Л. Д. Чеснокова // Учеб. для студентов высш. учеб. заведений / под ред. Е. И. Дибровой. В 2 ч. Ч. 2: Морфология. Синтаксис. – М.: Издательский центр "Академия", 2001. – С. 13.
6. *Бабайцева В. В.* Система односоставных предложений в современном русском языке / В. В. Бабайцева. – М.: Дрофа, 2004. – 512 с.
7. *Бархударов Л. С.* Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. / Л. С. Бархударов. – 2-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, – 2008. – С. 160–162.
8. *Баскаков Н. А.* Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. Словосочетание и предложение / Н. А. Баскаков. – М.: УРСС, 2006. – 288 с.
9. *Белошапкова В. А.* Брызгунова Е. А., Земская Е. А. и др.; Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989. – 800 с.
10. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – С. 26–39.
11. *Блох М. Я.* Проблема тождества предложения в свете соотношения

понятий синтаксиса, семантики и информации / М. Я. Блох // *Вопр. языкознания.* – 1977. – №3. – С. 45–57.

12. *Богданов В. В.* Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Ленинград: Изд-во Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова, 1977. – С. 43–44

13. *Бондарко А. В.* Теория функциональной грамматики / А. В. Бондарко // *Персональность. Залоговость.* – СПб., 1991. – С. 25–37

14. *Борковский В. И.* Проблемы истории и диалектологии славянских языков: сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР / В.И. Борковский. – Москва: Наука, 1971. – 341 с.

15. *Булыгина Т. В.* Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенности и обобщенности / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость.* – СПб: Наука, 1991. – С. 41–72.

16. *Булыгина Т. В.* Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / Т. В. Булыгина. – СПб: Наука. Санкт-Петербургское отд-ние, 1991. – 369 с.

17. *Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка / Ф. И. Буслаев. – Ч. 1-2. – М., 1858.– С. 153-158.

18. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.

19. *Востоков А. Х.* Грамматика русского языка / А. Х. Востоков. – СПб., 1831, 1839. – С. 109.

20. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М.: Прогресс, 1992. – 123 с.

21. *Гиро-Вебер М.* Эволюция так называемых безличных конструкций в русском языке двадцатого века / М. Гиро-Вебер // *Русский язык: пересекая границы.* – Дубна, 2001. – С. 66–77.

22. *Есперсен О.* Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Изд-во

иностранный литературы, 1958. – 400 с.

23. *Жирмунский В. М.* Общее и германское языкознание / В.М. Жирмунский // Избранные труды – Л., Наука. – 1976. – 199 с.

24. *Жирмунский В. М.* Общее и германское языкознание / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1976. – 695 с.

25. *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. – М.: Просвещение, 1965. – С. 111–120.

26. *Золотова Г. А.* О соотношении грамматического и семантического в структуре предложения / Г. А. Золотова // Проблемы синтаксической семантики. Тезисы Всесоюзной конф. в МГПИИЯ. – М., 1976. – С. 311-312.

27. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова // – М.: Наука, 1973. – 351 с.

28. *Золотова Г. А.,* Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М.: Изд-во ИРЯ РАН, 2004. – 544 с.

29. *Ильенко С. Г.* Персонализация как важнейшая сторона категории предикативности / С.Г. Ильенко // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. – С. 154–159.

30. *Исаченко А. В.* Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения / А. В. Исаченко // Вопросы языкознания. – 1963. – №2. – С. 39–56.

31. *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении во словацким. Морфология. Ч. II. / А. В. Исаченко. – Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1960. – 577 с.

32. *Истрина Е. С.* Синтаксическія явленія Синодального списка 1-й Новгородской летописи / Е. С. Истрина. – Петроград: Б. и., (Изв. ОРЯС Рос. АН 1919 Рос. гос. акад. тип.). – Т. IV. – 1923.– С. 64.

33. *Калинин А. Ф.* Односоставные предложения в современном русском языке / А. Ф. Калинин. – М.: Изд-во Балашовского пед. института, 1991. – 71 с.

34. *Канафьева А. В.* Риторическое высказывание: формы, семантика,

функции: монография / А. В. Канафьева. – М. : ИИУ МГОУ, 2011. – 77 с.

35. *Кацнельсон С. Д.* О грамматической семантике. Общее и типологическое языкознание / С. Д. Кацнельсон. – Л., 1986. – С. 148.

36. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 224 с.

37. *Клобуков Е. В.* О соотношении центра и периферии в функционально-семантическом поле персональности / Е. В. Клобуков // Традиционное и новое в русской грамматике. Сб. статей. – М., 2001. – С. 107–117.

38. *Колшанский Г. В.* Логика и структура языка / Г.В. Колшанский. – М.: «Высшая школа», 1965. – 240 с.

39. *Крушельницкая К. Г.* Коммуникативное задание предложений и способы его выражения / К. Г. Крушельницкая. – М.: Высшая школа, 1978. – 125 с.

40. *Крылова О. А.* Коммуникативный синтаксис русского языка: монография / О. А. Крылова. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 172 с.

41. *Левицкий Ю. А.* О производстве и воспроизводстве единиц языка. Деривация в речевой деятельности / Левицкий Ю. А. // Межвузовск. сб. науч. трудов. – Пермь, 1990. – С. 10–15.

42. *Лекант П. А.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке: Учеб. Пособие. 3-е изд., испр. и допол. / П. А. Лекант. – М.: Высшая школа, 2004. – С. 278–280.

43. *Лекант П. А.* Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке: монография. / П. А. Лекант. – М.: ИИУ МГОУ, 2015. – С. 8.

44. *Лекант П. А.* Типы и формы сказуемого в современном русском языке / П.А. Лекант. – М.: Высшая школа, 1976. – С. 143.

45. *Ломтев Т. П.* Очерки по историческому синтаксису русского языка Учеб. пособие для гос. ун-тов / Т. П. Ломтев. – М.: Изд-во Моск. университета, 1956. – 596 с.

46. *Лосев А. Ф.* Знак. Символ. Миф / А.Ф. Лосев. – М. : МГУ, 1982. – С. 356.
47. *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание / Ю. С. Маслов. – М. : Просвещение, 1975. – С. 212–213.
48. *Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи / И.И. Мещанинов // Отделение литературы и языка. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – С. 276–286.
49. *Мигирин В. Н.* Очерки по теории процессов переходности в русском языке / В. Н. Мигирин. – Бельцы, 1971. – 63 с.
50. *Москальская О. И.* Проблемы системного описания синтаксиса: на материале немецкого языка / О.И. Москальская. – М. : Высшая школа, 1974. – С. 154.
51. *Никитевич В. М.* Грамматические категории в современном русском языке / В. М. Никитевич. – М. : Учпедгиз, 1963. – 246 с.
52. *Обнорский С. П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода / С. П. Обнорский // Акад. наук СССР. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1946. – 197, [2] с.
53. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка / Д. Н. Овсянко-Куликовский. – М., 1912. – 197 с.
54. *Осипова Э. Н.* Безличность – бесподлежащность и бессубъектность? / Э. Н. Осипова // Объект исследования – безличность. – Архангельск, 2004. – С. 7–11.
55. *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесённость с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений) / Е.В. Падучева. 4-е изд., стереотип. – М. : УРСС, 2004. – 287 с.
56. *Петров А. В.* Субъект в безличном предложении / А. В. Петров // Рациональное и эмоциональное в русском языке: международный сборник научных трудов. – М. : ИИУ МГОУ, 2012. – С. 420–425.
57. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении / А. М.

Пешковский. – М. : Яз. славян. культуры, 2001. – С. 169–170.

58. *Плунгян В. А.* Общая морфология. Введение в проблематику / В. А. Плунгян. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 383 с.

59. *Попова Л. В.* Связка в грамматической системе русского языка / Л. В. Попова. – Архангельск: КИРА, 2012. – 304 с.

60. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. Общ. ред., предисл. и вступ. ст. проф., д-ра филол. наук В. И. Борковского. – М. : Учпедгиз, 1958. – 246 с

61. *Распопов И. П.* Современные методы синтаксических исследований / И. П. Распопов // Из лекций по спецкурсу «Актуальные проблемы синтаксиса». – Воронеж: Воронежский гос. ун-т им. Ленинского комсомола, 1970. – 50 с.

62. *Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – М. : Р. Валент, 2004. – 237 с.

63. *Розенталь Д. Э.* Современный русский язык.: Учеб. пособие для студентов-филологов заочного обучения / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – М. : Высш. шк., 1991. – 559с.

64. *Руднев А. Г.* Синтаксис современного русского языка. Учеб. пособие для вузов / А. Г. Руднев. – М. : Высш. школа, 1968. – 320 с.

65. *Ружичка Р. О.* Трансформационное описание так называемых безличных предложений в современном русском языке / Р. О. Ружичка // Вопр. языкознания. – 1963. No 3.

66. *Савченко А. Н.* Древнейшие процессы в области личных местоимений в праиндоевропейском языке / А. Н. Савченко // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1984. – Т. 43 – № 6. – С. 87–91.

67. *Сатимов Г. Х.* Типология безличных предложений. / Г. Х. Сатимов. – Ташкент: Изд-во «Фэн» Узб. ССР, 1987. – С. 135.

68. *Сафонова С. С.* Лекции по современному русскому языку (словообразование, морфология, синтаксис): Учебное пособие для студентов тюркоязычных отделений педвузов / С. С. Сафонова. – Казань: Изд-во ТГГПУ,

2008. – 198 с.

69. *Семенова Т. И.* Лингвистический феномен кажимости на материале современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Т. И. Семенова. – Иркутск, 2007. – 35 с.

70. *Сидоренко Е. Н.* Очерки по теории местоимений современного русского языка / Е. Н. Сидоренко. – Киев; Одесса, 1990. – 82 с.

71. *Скобликова Е. С.* Синтаксис простого предложения (теоретический курс) : учеб. пособие / Е. С. Скобликова. 4-е изд., стер. – М. : Флинта, 2012. – 320 с.

72. *Скрелина Л. М.* Лекции по теоретической грамматике французского языка / Л. М. Скрелина. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. – 195 с.

73. *Смирницкий А. И.* Морфология английского языка / А. И. Смирницкий. Ред. В. В. Пассек. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. – 140 с.

74. *Солганик Г. Я.* Основы лингвистики речи / Г. Я. Солганик // URL: <https://www.livelib.ru/author/7309/latest-grigorij-solganik> (дата обращения: 01. 09. 2021).

75. *Спринчак Я. А.* Очерк русского исторического синтаксиса / Я. А. Спринчак. – 2 т. – Киев: Рад. школа, 1960. – С. 53–62с.

76. *Степаненко К. А.* Категория лица в функционально-семантическом аспекте (на материале русского и португальского языков): дис. канд. филол. наук 10.02.19. / К. А. Степаненко. – 2009. – Калининград. – С. 36 – 38.

77. *Степанов Ю. С.* Имена, предикаты, предложения / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981– 361 с.

78. *Степанова М. Д.* Аспекты синхронного словообразования / М. Д. Степанова // Иностранные языки в школе. – No 3. – 1972. – С. 3–13.

79. *Сулейманова Т. И.* Проблемы русского синтаксиса: Семантика безлич. предложений / Т. И. Сулейманова. – М. : Диалог-МГУ, 1999. – 222 с.

80. *Тарналов З. К.* Синтаксис русского языка: университетский курс / З. К. Тарналов. – 2-е изд., испр и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2018 – С. 56.

81. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М. : Прогресс, 1988. – 136 с.
82. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб: Наука, 1991. – 369 с.
83. *Тимофеев К. А.* Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке / К. А. Тимофеев // Вопросы синтаксиса русского языка под ред. В.В. Виноградова. – М. : Учпедгиз, 1950. – С. 257–302.
84. *Тупикова Н. А.* Формирование категории имперсональности русского глагола / Н. А. Тупикова. Волгоград: Издательство Волгоградского университета. – 1998. – 263 с.
85. *Турбина О. А.* Категория определенности неопределенности в языке йоруба / О. А. Турбина, А. О. Ифатуроти // Вестник Южно-урал. государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2020. – № 2. – С. 55–59.
86. *Турбина О. А.* Психосистематика языка и речевой деятельности / О. А. Турбина. – Челябинск: Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2007. – 93 с.
87. *Турбина О. А.* Роль объективного логического лица в структуре предложения / О. А. Турбина // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: материалы международной научной конференции. – Челябинск: ЮУрГУ, 2007. – Ч. 1. – 261 с.
88. *Турбина О. А.* Семиозис эмогенного текста / О. А. Турбина // Эмогенный текст. Под редакцией О.А. Турбиной. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. С.7–83.
89. *Турбина О. А.* Языковое представление пространства по оси лица: Концептуализация и категоризация / О. А. Турбина // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3 (46). – С. 267–270.
90. *Турбина О. А.* История формирования французского классического предложения / О. А. Турбина. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2023. – 188 с.

91. *Фортунатов Ф. Ф.* Сравнительное языковедение. Курс лекций / Ф. Ф. Фортунатов. – М., 1899–1900. – С. 178.
92. *Химик В. В.* Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В. В. Химик. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – 180 с.
93. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. 2-е изд. – Л. : Учпедгиз, 1941. – С. 132.
94. *Шведова Н. Ю.* Местоимение и смысл / Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1998. – 176 с.
95. *Шведова Н. Ю.* Парадигматика простого предложения в современном русском языке / Н. Ю. Шведова // Русский язык. Избранные работы. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 55–115.
96. *Швейцер А. Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер / отв. ред. В. Н. Ярцева; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1988, 214 с.
97. *Шишкова Л. В.* Синтаксис современного немецкого языка: учеб. пособие для студентов филол. фак. и фак. иностр. яз. вузов / Л. В. Шишкова, Т. Ю. Смирнова. – М.: Академия, 2003. – С. 125.
98. *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.
99. *Юдин А. А.* Грамматическое содержание категории лица глагола в современном русском языке / А. А. Юдин // Вопросы теории русского языка. – Рязань, 1968. – С. 56–123.
100. *Юдин А. А.* Категория лица глагола в современном русском языке: учеб. пос. / А. А. Юдин. – Рязань: Изд-во Рязанского государственного педагогического института. – 1976. – 155 с.
101. *Якобсон Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон. – М.: Наука, – 1972. – С. 97–112.
102. *Adeoye J. A* More on the Categorical Status of (T)ÀBí in Yorubá Grammar / J. A. Adeoye // Journal of Language and Education. – 2017. – P. 6–13.

URL: [10.17323/2411-7390-2017-3-2-6-13](https://doi.org/10.17323/2411-7390-2017-3-2-6-13). (дата обращения: 3.01.2021).

103. *Adewale J. A.* More on the Categorical Status of (T)àbí in Yorùbá Grammar / J.A. Adewale // *Journal of Language and Education*. – 2017. – Vol. 3 (2). – P. 6–13.

104. *Agbeyangi A. O.* Morphological Analysis of Standard Yorùbá Nouns / A. O. Agbeyangi, J. O. Odiete, T. A. Lawal, A. B. Olorunlome // *American Journal of Engineering Research*. – 2016. – Vol. 5. – Iss. 6. – P. 8–12.

105. *Ajibola A. F.* A Linguistic Analysis of Verbo-nominal Formation Processes in German and Yoruba Languages / A. F. Ajibola, J. A. Ogunwale // *Journal of linguistics and language in education*. – Vol. 9. – №. 1. – 2015. – P. 79–97.

106. *Ajíbóyè O.* Disambiguating Yorùbá tones: At the interface between syntax, morphology, phonology and phonetics / O. Ajíbóyè, R. M. Déchaine, B. Gick, D. Pulleyblank // *Lingua*. – 2011. – Vol. 121(10). <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2011.05.008>. (дата обращения: 11.07.2020)

107. *Akanbi T.* The Syntax of Yoruba Proverbs / T. Akanbi // *Global Journal of Human-Social Science Research*. – Vol XV. – Issue VII. – 2015. P. 4. URL: https://globaljournals.org/GJHSS_Volume15/4-The-Syntax-of-Yoruba-Proverbs.pdf (дата обращения: 20.10.2020)

108. *Allen B., Pulleyblank D., Ajíbóyè O.* Articulatory mapping of Yoruba vowels: an ultrasound study / B. Allen, D. Pulleyblank, O. Ajíbóyè // *Phonology*. – 2013. – Vol. 30, Iss. 2. – P. 183–210.

109. *Awobuluyi O.* The Essentials of Yoruba Grammar / O. Awobuluyi. – Oxford: Oxford University Press, Ibadan. 1979. – P. 36–37.

110. *Babarinde O.* The Linguistic Analysis of the Structure of the Yoruba Numerals / O. Babarinde // *Journal of Literature, Languages and Linguistics*. – 2013. – Vol. 1. – P. 78–88.

111. *Bamgbose A., Afolayan A.* The Changing Pattern of Bilingualism / A. Bamgbose, A. Afolayan // *Patterns of Bilingualism (RELC Anthology Series, 8.)*, edited by E. A. Afendras. – Singapore University Press, 1980. – P. 217–237.

112. *Barber K.* How man makes God in West Africa: Yoruba attitude towards the Orisa / K. Barber // *Africa* 51. – №. 3. – 1987. – P. 24–45.
113. *Catford J. A.* Linguistic theory of translation / J.A. Catford. – Oxford University Press, 1965. – P. 20.
114. *Danis N.* Yorùbá vowel deletion involves compensatory lengthening: Evidence from phonetics / N. Danis // *Stellenbosch Papers in Linguistics Plus*. – 2020. – Vol. 60. – P. 1–12.
115. *Ehineni T. O.* Prosodic Reduplication in Yorùbá / T. O. Ehineni // *Journal of University Language*. – 2017. – Vol. 18 (2). – P. 39–59. URL: <https://doi.org/10.22425/jul.2017.18.2.39>. (дата обращения: 05.01.2021).
116. *Eme C. A.* A contrastive study of the phonology of Igbo and Yoruba / C. A. Eme, E. D. Uba // *Unizik Journal of Arts and Humanities*. – 2016. – Vol. 17. – № 1. – P. 65–84.
117. *Fabunmi M. A.* Yoruba Idioms / M. A. Fabunmi. – Lagos: Pilgrim Books, 2007. – p. 52.
118. *Fischer O.* The Demise of the Old English Impersonal Construction / O. Fischer, F. V. D. Leek // *Journal of Linguistics*. – 1983. – № 19. – P. 337–368.
119. *Gerard A.* The Linguists' Unacknowledged Progeny: African Literature / A. Gerard // *South African Journal of African Languages*. – 1982. – № 2. – P. 12–14.
120. *Heim I.* File change semantics and the familiarity theory of indefiniteness in Meaning, use and the interpretation of language / I. Heim. Edited by R. Bauerle, C. Schwarze, and A. von Stechow. – Berlin: Walter de Gruyter, 1983. – P.142.
121. *Jones S.* Focus in Yoruba. A Semantic/Pragmatic Account. / S. Jones // *ZAS Papers in Linguistics*. –2006. – № 46. – P. 143.
122. *Ladefoged P. A.* Phonetic Study of West African Languages / P. Ladefoged. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P. 112.
123. *Lawuyi O. B.* The world of the Yoruba taxi driver: An interpretive to vehicle slogans / O. B. Lawuyi // *Africa* 58. – 1988. – №. 1. – P. 11.

124. *Meeussen A. E.* Tone Typologies for West African Languages / A. E. Meeussen // *African Language Studies*. – 1975. – № 6. – P. 266–271.
125. *Naves M. B.* Las personas gramaticales / M. B. Naves // *Santiago de Compostela, Universidade*. – 1971. – P. 14 – 15.
126. *Nesset T.* Cognitive Grammar: A basic introduction / T. Nesset, W. R. Langacker, // *Journal of Linguistics*. – Oxford University Press, 2009. – P. 562. – 45. 477-480. (дата обращения: 16. 04. 2021). URL: https://www.researchgate.net/publication/231791984_Ronald_W_Langacker_Cognitive_Grammar_A_basic_introduction_Oxford_Oxford_University_Press_2008_Pp_x562.
127. *Nida E. A.* Morphology: A Descriptive Analysis of Words / E. A. Nida. – University of Michigan Press, 1965. – 342 p.
128. *Oyelaran O.* Anti-Focus in Yorùbá: Some Implication for Creoles / O. Oyelaran. – North Carolina Wesleyan College and Obafemi Awolowo University, 1990. – P. 2–3.
129. *Stassen L.* Comparison and universal grammar. / L. Stassen. – Basil Blackwell Oxford, 1985. – P. 373.
130. *Watkins M. H.* Yoruba Phonemes. *Studies in Linguistics in Honor of George L. Trager* / M. H. Watkins. Ed. by M. Estellie Smith. – The Hague: Mouton, 1972. – P. 387–389.

Список лексикографических источников

1. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва: Российская академия наук, 1999. – 944 с.
2. Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов: в 2 т. / под ред. Н. Бродского [и др.]. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925, Т.1. – 576 с.
3. Словарь иностранных слов: 15-е изд., испр. / ред. А. Я. Абрамович. – Москва: Русский язык, 1988. – 608 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. редактор В. Н. Ярцева. – 2-е изд., дополненное. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.

– 709 с.: ил.

5. Словарь лингвистических терминов / под. ред. О. С. Ахмановой – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 605 с.

Принятые сокращения использованной литературы для анализа

1. ЛО – Л. Огуниран – *Ògúnníran L. Eégún Alaré / L. Ògúnníran.* – Lagos: Macmillan Publishers, 1972. – 87 p.

2. ОМ – М. Омидей – *Omídèyí M. Gbòngbò Ìkorò / M. Omídèyí.* – Lagos: Rasmad Publishers, 2007. – 169 p.

3. ДОФ – Д. О. Фагунва – *Fágúnwà D.O. Ìrìnkèrindò nínú igbó elégbèje / D.O. Fágúnwà.* – Ile-Ife: Obafemi Awolowo University Press, 1994. – 180 p.

4. ОФ – О. Фадиа – *Fádíyà O. Ìyá Àtàtá / O. Fádíyà.* – Ibadan: Laswell Books Services, 2008. – 177 p.

5. АО – А. Олабимтан – *Olábímtán A. Kékeré Èkùn / A. Olábímtán.* – Lagos: Macmillan Publishers, 1967. – 159 p.

6. АО1 – А. Олабимтан – *Olábímtán A. Olúwa ló Mejó Dá / A. Olábímtán.* – Lagos: Macmillan Publishers, 1966. – 137 p.

7. ДОА – Д.О. Адиса - *Àdísá D.O. Olú Ọmọ / D.O Àdísá.* – Ibadan: Lushena Books, 1992. – 144 p.

8. ДОФ1 – Д.О. Фагунва – *Fágúnwà D.O. Ògbójú ọdẹ nínú igbó irúnmoḷè / D.O. Fágúnwà.* – Ile-Ife: Obafemi Awolowo University Press, 1990. – 176 p.

9. ДОФ2 – Д.О. Фагунва – *Fágúnwà D.O. Ìrèké Oníbúdó / D.O. Fágúnwà.* – Lagos: Nelson Publishers, 1964. – 162 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 5

Местоимения *o* в личном и безличном значениях (с переводом на русский язык)

№	Местоимение <i>ó</i> в личном значении	Местоимение <i>ó</i> в безличном значении
1.	<p><i>Ìwọ ọ̀ré mi ojú fẹ̀rèsé, ti inú Èlédàá yé Èlédàá kí ó tó dá ènìà bí ó ti dá a.</i></p> <p>Мой друг, сидящий у окна, Творец понимал, что он делал, когда создавал человека таким, каким он его создал.</p>	<p><i>Ó ẹ̀ se ní ìgbà kan, Oje Larinnaka gbọ pé aré idán pírpa kò wọ̀pọ̀ ní apá ilú kan.</i></p> <p>Однажды случилось так, что Одже Ларинака услышал о том, что в этой части города почти не было фокусников.</p>
2.	<p><i>B'ó o finá, ará Ìlágbèdẹ́ á l'ó o seun, b'ó ò finá, ará Ìlágbèdẹ́ á l'ó o seun.</i></p> <p>Если ты разожжешь огонь, жители Алагбеда скажут тебе спасибо. Если ты не разожжешь огонь, жители Алагбеда скажут тебе спасибо.</p>	<p><i>Nígbàtí ó ti tó bí oşù kan gbáko tí Ọ̀jé ti lọ àjò ni iyàwó rẹ̀ tí ń wònà toto.</i></p> <p>Примерно через месяц после того, как он уехал, его жена начала требовать, чтобы он вернулся</p>
3.	<p><i>Àjoké sé o tún bèrè, ohun tí ó bá dà, wàá ran.</i></p> <p>Аджоке, ты опять начинаешь. Если это порвется, ты ее пришьешь.</p>	<p><i>Ó mà sé o, Oyíndaiyépò ẹ̀ se béè o lọ, bàbá mi ẹ̀ se gudugudu méje fún mi.</i></p> <p>Увы! Ойиндолапо больше нет, мой отец действительно старался для меня</p>
4.	<p><i>Ó dúró, ó ń wo ọ̀ọkan.</i></p>	<p><i>Ó wá lè jẹ́ pé tí oyún tí ó ní s'ínú ni ó fà á?</i></p>

	Он стоял, глядя вдаль.	Может быть, причиной этого был тот факт, что она была беременна?
5.	<p><i>Sé o ti è rò pé àşę ni wọn n fi "n ó fẹ ọ" pa ni?</i></p> <p>Ты вообще думаешь, что "я хочу на тебе жениться" должно быть приказом?</p>	<p><i>Gbogbo ará ilú gbàgbọ pé láìsí-àníàní, ó ní láti jẹ pé Ọjẹ Lárinnàká ti kú sí àjò.</i></p> <p>Все жители деревни верили, что, должно быть, Один Лариннака умер в своем путешествии.</p>
6.	<p><i>Ó wò ó tìkà-tẹgbin, ó fi imú kí i káàrò.</i></p> <p>Она презрительно посмотрела на него, она приветствовала его добрым утром через нос.</p>	<p><i>Nigbati o ya, nwon de ilu kan.</i></p> <p>Через некоторое время они добрались до города.</p>
7.	<p><i>Ó ní ó kú ináwó àná.</i></p> <p>Он поздравлял ее с вчерашним праздником.</p>	<p><i>O d'igba ekinni, mo gb'ago mo r'Oyo.</i></p> <p>В первый раз, когда я взял свою одежду, сшитую для Ойо.</p>
8.	<p><i>Ó ní "Joké n ronú ni ò. Ifún pá rẹ̀ sì ti ga jù".</i></p> <p>Он сказал, что она беспокоилась, и у нее было слишком высокое кровяное давление.</p>	<p>Awa n lo. O digba, o se!</p> <p><i>Мы уезжаем. До свидания, прощайте!</i></p>
9.	<p><i>Şọ ara rẹ gidigidi. Mo sì fẹ́ kí o mọ pé gbogbo aşọ kọ làá sá l'òòrùn.</i></p>	<p><i>Ó şe ní oјó kan, iyá mi àti ọkan nínú àwọn iyàwó wònyí jà.</i></p>

	<p>Будьте осторожны. И я хочу, чтобы вы знали, что не всякая одежда расстиляется на солнце.</p>	<p>Однажды моя мать и одна из других жен поссорились.</p>
10.	<p><i>Ó gbé e lọ síbi iṣẹ́ bó tí wí.</i></p> <p>Он отвез ее на работу, как и обещал.</p>	<p><i>Ó rẹ́ rúpò kí n tó dé ibẹ́.</i></p> <p>Это было задолго до того, как я туда приехал.</p>
11.	<p><i>Ó pe àwọn nṅkan kan l'enu tí.</i></p> <p>Он все время что-то бормотал.</p>	<p><i>Ó rẹ́ mí diẹ́ l'álẹ́ ojó tí mo dé òhún.</i></p> <p>Я немного устал в ту ночь, когда приехал туда.</p>
12.	<p><i>Kí iyá wa tó pa ojú dé, kí ó tó kí àwa kékèké tó yí i ká nígbà náà pé, 'ó digbóṣe'.</i></p> <p>Прежде чем наша мать закроет глаза, прежде чем она скажет нас, маленьких, окружающих ее "прощай".</p>	<p><i>N'ígbà tí ó kù diẹ́ kí ilẹ́ mọ́ ni òjò náà dá.</i></p> <p>Незадолго до рассвета дожди прекратились.</p>
13.	<p><i>Ọmọ tí ó bá kọkọ yọ ẹsẹ́ jáde láti inú iyá rẹ́ nígbà tí wọn fẹ́ bí i sáyé ni à ñ pè ní Ìgè.</i></p> <p>Ребенок, у которого ноги появляются первыми при</p>	<p><i>N'ígbà tí ó tó idákọmu ni mo gbé ibon mi.</i></p> <p>Когда было уже за полдень, я поднял свой пистолет.</p>

	рождении, - это тот, кого мы называем Иге.	
14.	<p>Àkókò yìí ni Bìyìí ṣèsè rí i pé torí toun ni ó ṣe ñúrò.</p> <p><i>Именно в это время Бийи увидел, что она остановилась из-за него</i></p>	<p><i>Ó sì dàbí ẹ̀ni pé àwọn ògiri náà fẹ́ fún mi pa sí àárín.</i></p> <p>И казалось, что стены вот-вот сдавят меня насмерть посередине.</p>
15.	<p>Èyí bùáyà, ó lé kenkà!</p> <p>Вот это да, вот это восхитительно!</p>	<p><i>Ohun tí ó yà mí l'ẹ̀nu jù n'ínú ojà yí ní pé òpòlopò àwọn ọ̀mọ́dé ni ó kú sínú rẹ̀.</i></p> <p>Что меня больше всего удивило в этом рынке, так это то, что на нем было много мертвых детей.</p>
16.	<p>Ó dide nílẹ̀ ó dágbére fún mi wí pé ó ñìgbóṣe.</p> <p>Он встал и попрощался со мной.</p>	<p><i>Léyìn èyí ni mo sìn í sí ònà a sì kí ara wa "ó d'òla"</i></p> <p>После этого я проводил его, и мы пожелали друг другу «спокойной ночи»</p>
17.	<p>Mo rii, ó wo ẹ̀wù pénpé bíi ẹ̀wù ọ̀ḍe.</p> <p>Я видел его, на нем была короткая рубашка, как у охотника</p>	<p><i>Ó yà mí l'ẹ̀nu bí ó ti ṣe rìn ní àárín náà mo bèrẹ̀ si wa kiri.</i></p> <p>я был удивлен тем, как она исчезла, и начал ее искать.</p>

<p>18. <i>Ìgbà tí ó wọlé tán tí mo ri ni mo mọ pé ènià pàtàkì ni.</i></p> <p>Именно когда он вошел, я заметил, что он был важной персоной.</p>	<p>Ó tó déédé agogo méjì kí a tó dé ilé rẹ yíí.</p> <p><i>Было около 2 часов дня, когда мы добрались до его дома.</i></p>
<p>19. <i>Bí mo ti jókòó ni o bè mi kí nfún òn ní omi mi, mo bá dide, mo bu omi fún u.</i></p> <p>Как только я сел, он попросил, чтобы я дал ему немного воды, поэтому я встал и принес ему немного воды.</p>	<p><i>Bí ó ti wù kí aya pò tó, ọkọ kò ní ọ̀sàì ní ààyò nínú wọn.</i></p> <p>Независимо от сколько жен, у мужа не может не быть любимицы среди них.</p>
<p>20. <i>Báyìí ni bàbá mi sọ, nígbà tí ó sì dáké, èmi náà bèrẹ̀ ọ̀rọ̀ isọ.</i></p> <p>Так говорил мой отец, и когда он замолчал, я заговорил.</p>	<p><i>Bí ó sì tilẹ̀ jẹ̀ pé ẹ̀rù rẹ̀ bà mí, síbẹ̀ mo pinnu àti pa itú ọwọ̀ mí.</i></p> <p>Хотя это и напугало меня, я решил доказать свою храбрость.</p>
<p>21. <i>Bàbá mi ti pín ogún silẹ̀ kí ó tó kú, nítorínáà kò sí àrìyànjìyàn nípa èyìnì.</i></p> <p>Мой отец поделился своим имуществом до того, как умер, так что никаких споров по этому поводу не было.</p>	<p><i>ẚ̀ngbọ̀n kàkà kí ó sà̀n lára iyá àjẹ̀ ó n fì ọ̀mọ̀ rẹ̀ bí obìnrin.</i></p> <p>Но вместо того, чтобы мать-ведьма смягчилась, она продолжает рожать детей женского пола.</p>
<p>22. <i>Lọ́jọ̀ kan, mo rí i, ó wọ ẹ̀wù agbádá</i></p>	<p><i>Nígbà tí ó sì tó agogo méjì ni ọ̀jọ̀ bèrẹ̀ sí</i></p>

	<p><i>dáradára kan báyiì, ara rè sì dàbí ara omo kékeré.</i></p> <p>Однажды я увидел его в хорошо сшитой <i>агдаде</i>, и его кожа выглядела как у младенца.</p>	<p><i>şú.</i></p> <p>Было около 2 часов дня, когда стало казаться, что это произойдет.</p>
23.	<p><i>Mo wí fún onişé tí oḃa rán wípé kí ó ma lọ síwájú dè mí àti pé mo ń bọ lẹhìn rè.</i></p> <p>Я сказал королевскому посланнику, чтобы он шел своей дорогой, и что я иду прямо за ним.</p>	<p><i>Nígbàtí ó di àfẹmọ́júmọ́ ojọ kejì mo ké pe iyá mí.</i></p> <p>Рано утром на следующий день я позвал свою мать.</p>
24.	<p><i>Báyìi ní oḃa sọ. Nígbà tí ó sì parí òrò rè, mo dáhùn.</i></p> <p>Так говорил король. И когда он закончил, я ответил.</p>	<p><i>Ó ha yẹ kí n ş'ègbé l'aginjú yìi bí!</i></p> <p>Стоит ли, чтобы я погиб в этом лесу!</p>
25.	<p><i>Jíjádé tí mo jáde şe ní mo ri onílù tí ó ńrékojá lọ mo bá ní kí ó máa lu ilù tẹlé mí, Ó ń lu ilù, èmi náà sì ń jó lọ.</i></p> <p>Выйдя на улицу, я заметил проходящего мимо барабанщика и попросил его аккомпанировать мне с барабанами. Он барабанил, я танцевала</p>	<p><i>Ó ń şe mí bíi kí n rí ọ.</i></p> <p>Мне хочется тебя увидеть.</p>

<p>26. <i>Ó kílò fún mí kí ó tó lọ pé kí n sọra lára abàmì èdà nítorí kí ó má ba pa mí je.</i></p> <p>Он предостерег меня от Абами Эда, чтобы он не убил меня ради еды</p>	<p><i>Ó d'àárò.</i></p> <p>Спокойной ночи!</p>
<p>27. <i>Báyìlì ní òkùnrin náà sọ, àwọn àlejò wòn ní sù dúpẹ̀ lówó mí, léhìn náà ó tún ñ bá òrò rẹ̀ lọ.</i></p> <p>Так сказал мужчина, гости поблагодарили меня, после чего он продолжил свою речь</p>	<p><i>Lórò kan, wón Ẹ igbèyàwó nígbà tí ó pé odún méjì gééré tí wón tí n fera wón.</i></p> <p><i>Одним словом, они поженились после двух лет ухаживания.</i></p>
<p>28. <i>Ó jẹ́ ẹ̀ni tí ó mọ́ ọ̀dẹ́ iṣẹ́ púpọ̀ nítorí bí ó tí ñ fì ìbon pa ẹ̀ran náà ní ó ñ fì ọ̀wọ́ pa, tí ó tún ñ fì ẹ̀sẹ́ pa.</i></p> <p>Он был очень хорошо осведомлен об охоте, потому что убивал животных не только из своего ружья, но и руками и ногами.</p>	<p><i>Ó bó s'ásìkò ìsinmì olóṣù méjì tàwọn akẹ̀kọ̀ọ̀ ilé-ìwé girama àti ilé-èkó àwọn olùkọ̀.</i></p> <p>Это совпало с двухмесячными каникулами для старшеклассников и преподавателей колледжей.</p>
<p>29. <i>Olówó ní òkùnrin náà, ó sì ní tó ilé méjì sí iletò yìí, òkan nínú ilé náà ló ñ gbé nígbà tí a bá a.</i></p> <p>Он был богатым человеком, и у него было до двух домов в этой деревне, он жил в одном из них,</p>	<p><i>Bímbólá Ẹ́'jú sí màmá pé 'ó yá'.</i></p> <p>Бимбола моргнула матери, намекая, что пора уйти.</p>

	когда мы пришли встретиться с ним.	
30.	<p><i>Ìgbátí iwin náà rí obìnrin yìí, kò ẹ̀e é ní ùnkankan ẹ̀gbón ó mú sí ọ̀dò rẹ̀ nínú ihò, ó sọ ó di ìyàwó.</i></p> <p>Когда гном увидел женщину, он не причинил ей вреда, а взял ее с собой в нору и сделал своей женой</p>	<p><i>Ó pé díẹ̀, wón yà bàrà kúrò l'ójú títi ọ̀lọ̀dà.</i></p> <p>Через некоторое время они резко свернули с просмоленной дороги.</p>
31.	<p><i>Mó ké pé Olódùmarè pé kí ó jòwọ̀ ẹ̀e àtiléhìn wa bí a ti ń lọ.</i></p> <p>Я воззвал к всевышнему и попросил, чтобы он поддержал нас в нашем путешествии.</p>	<p><i>Kí Mopélólá tó lè ẹ̀'isẹ̀, ó tó isẹ́jú méwàá dáadáa.</i></p> <p>Прошло десять минут, прежде чем Мопелола смогла приступить к работе.</p>
32.	<p><i>Ẹ̀gbón ọ̀n kojú sí wa ó ní 'èyin ọ̀mọ̀ ènià, èmi ni iránsẹ̀ Olódùmarè'</i></p> <p>Но когда он повернулся к нам, он сказал: "О сыны человеческие, я посланник всемогущего".</p>	<p><i>Ó jọ pé ifẹ̀ náà d'ókàn rẹ̀ gidì ní.</i></p> <p>Это выглядело как будто он сильно влюблен.</p>
33.	<p><i>Èyí tí ó tilẹ̀ wá bú wa yìí kò ga rárá, ó dàbíi kùkùtẹ̀.</i></p> <p>Тот, который пришел оскорблять нас, вообще не высокий, он был</p>	<p><i>Ó jọ pé ohun m̀ìràn tún sọ̀ sí l'ókàn.</i></p> <p>Похоже, ему в голову пришла еще одна идея.</p>

	похож на карлика.	
34.	<p><i>Nígbà tí iwin náà rí mi, ó yára ju Aiyédèrú-èdá sínú àpò ó ń sáré bọ́ lódò mi. Bí ó ti ńbọ́ ni mo ń ronú ohun tí mo ma ẹ.</i></p> <p>Когда бес увидел меня, он быстро бросил Айдеруэду в сумку и побежал ко мне. Когда он приблизился, я думал о том, что я мог бы сделать.</p>	<p><i>Bí wọ́n bá ti lọ l'áàrọ́, ó di alẹ́ kí wọ́n tó dé.</i></p> <p>Они уходили утром и возвращались лишь ночью.</p>
35.	<p><i>Nígbà tí ó ti sọ́ bá yíí, mo mọ́ pé ó rí mi, mo rọ́ra dide láàrin ẹ́ka igi tí mo sá pamọ́ si mò ń bọ́ ní ilẹ́.</i></p> <p><i>После того, как он сказал это, я понял, что он увидел меня, я медленно встал с ветки дерева, под которой прятался.</i></p>	<p><i>Ó tó iṣẹ́jú mẹ̀ẹ̀dógún l'ẹ̀yìn ẹ̀yi kí eré tó parí.</i></p> <p>Прошло около пятнадцати минут, прежде чем как спектакль закончился.</p>
36.	<p><i>Nígbà tí ó ẹ, ó lé mi dé ibi odò ńlá jìjìn kan, ibẹ́ ló sì ti ní irètí àti mú mi.</i></p> <p><i>Через некоторое время он погнался за мной до большой реки, где рассчитывал поймать меня.</i></p>	<p><i>Ó kù díẹ́ kí wọ́n yà kúrò ní ojú ọ̀nà márosẹ́ Ékó sí Ibàdàn kí wọ́n sì má lọ sí Ìjẹ́bú ni ọ̀kọ́ dédẹ́ mú ina lọ.</i></p> <p>Как раз перед тем, как они свернули с шоссе Лагос-Ибадан по маршруту Ибадан, их машина остановилась.</p>
37.	<p><i>Nígbà tí ó dé, ó wí fún u pé kí o lọ</i></p>	<p><i>Táyé ní "ó mà ẹ́ẹ́ ẹ́ ẹ́ kí ó ti kú. Bí ó bá rí</i></p>

	<p><i>gbé ọkò wá kí ó tú mi kojá sí apá kejì odò.</i></p> <p>Когда он прибыл, он велел ему привести лодку и отвезти меня на другой берег реки.</p>	<p><i>bẹ, ẹ́é òkú ní bèèrè ọmọ ni?"</i></p> <p>Тайе сказал, «вполне возможно, что он мертв. Если да, то возможно ли, чтобы умершие спрашивали о своем ребенке?»</p>
38.	<p><i>Ìgbà tí ó sì n t'ẹnu mọ pé kí a sọ fún oun, inú bí wa.</i></p> <p>Когда он настоял на том, чтобы мы рассказали ему, мы разозлились.</p>	<p><i>Ó ku ǹnkan bí ọ̀sẹ̀ méjì kí Bùsọ́lá dé s'ílẹ̀ ní Táyé pe èkejì rẹ̀.</i></p> <p>Прошло около двух недель, прежде чем Бусола приехал домой в тот день, когда позвонил своему другу.</p>
39.	<p><i>Nìgbà tí ó pé diẹ̀ tí ọba tuntun yìi ti jẹ, ó bèrẹ̀sí lọ sí ìgbìmò.</i></p> <p>Спустя долгое время после своей коронации новый король начал посещать совет.</p>	<p><i>Ó tó wákàtí kan l'ẹ̀yìn tí wọ̀n dé ni ọ̀kùnrin kan wọ̀lé dé.</i></p> <p>Примерно через час после их прибытия некий мужчина вошел в дом.</p>
40.	<p><i>Ìgbà tí ọba rí i pé àti padà jẹ̀ iṣòro, ó gba kọ̀bò kọ̀òkan lórí iyàwó kọ̀òkan.</i></p> <p>Когда король увидел, что возвращение будет трудным, он собрал по одному кобо на каждую жену.</p>	<p><i>Ìgbà tí ó pé diẹ̀, àwọ̀n olùkọ̀ wọ̀n náà bèrẹ̀ sí tò wọ̀lé.</i></p> <p>Через некоторое время их учителя начали входить.</p>
41.		<p><i>Kí ó sì tó di pé Ẹ̀tífù wá là̀mí-laaka sí</i></p>

	<p><i>Ní ojó kejì mo tún lọ sùgbón bí ó ti fi ojú kàn mí ni ó yin ìbọ́n.</i></p> <p>На следующий день я снова пошел туда, но, увидев меня, он выстрелил из своего пистолета.</p>	<p><i>Kàbà yìí ni obìnrin náà ti fi òhún ẹ́ ilé.</i></p> <p>До того, как вождь преуспел в Каббе, эта женщина уже поселилась там.</p>
42.	<p><i>Rírí tí ó rí mí ní inú bí i tí ó ḡ sáré bọ́ wá pàdé mí.</i></p> <p>Увидев меня, он разозлился и побежал ко мне.</p>	<p><i>Ní tòótọ́ òpòlopò ni ó jẹ́ wípé bí orúkọ wọ́n ti rí gan-an ni ìgbésí ayé wọ́n rí.</i></p> <p>По правде говоря, жизнь многих людей складывается точно в соответствии с их именами.</p>
43.	<p><i>Lẹ́hìn tí a kí iyá rẹ́ tán, ó mú wa lọ sí ibití a ma gbé.</i></p> <p>После того, как мы поздоровались с его матерью, он отвез нас туда, где мы должны были остановиться.</p>	<p><i>Bí ó ti wù kí òrò náà díjú tó, pèlú Ájàyí yóò ní àtúnṣe.</i></p> <p>Каким бы сложным ни был вопрос, с Аджайи он решается.</p>
44.	<p><i>Lẹ́hìn èyí, ó tún fi ilé kan han Adeforiti.</i></p> <p>После этого он снова показал дом Адефорити.</p>	<p><i>Ó tó ọ́dún mérin l'èyìn tí iyá Lápé dé ilé ọ́kọ́ kí ó tọ́ rí ọ́mọ́ bí.</i></p> <p>Это было примерно четыре года после того, как мать Лупе вышла замуж, прежде чем она смогла родить ребенка.</p>
45.	<p><i>Ìgbátí ó sì ti kí wa daada tí iyá rẹ́</i></p>	<p><i>ẚùgbón bí ó ti kù díẹ́ kí wọ́n dé ọ́dọ́ rẹ́ ni àwọ́n ènìyàn wọ́nyí rí ejò kan.</i></p>

	<p><i>nàà ti sùre fún wa tán ni ó sí ilèkùn kan báyiì fún wa.</i></p> <p>Когда он очень хорошо поприветствовал нас и мать помолилась за нас, он открыл нам дверь.</p>	<p>Но перед тем, как они подошли к нему, они увидели змею.</p>
46.	<p><i>Kò pé púpò tí Werediran wá sí apá ibi tí mo wà tí ó sòrò sí mi.</i></p> <p>Вскоре после того, как этот Вердиран перешел на нашу сторону, он заговорил со мной.</p>	<p><i>Yemí ti pinnu nínú òkàn rẹ pé ó di ìgbà tí Dọlá bá tó rán n'ísé kí òun tó fé ọkọ.</i></p> <p>Йеми уже решила, что не выйдет замуж, пока Дола не станет достаточно взрослым.</p>
47.	<p><i>Nígbà tí ó lọ tán, mo fi ìwé náà han àwọn ọrẹ mi.</i></p> <p>После того, как он ушел, я показал газету своим друзьям.</p>	<p><i>Àwọn èniyàn láti ilé ọkọ àti láti ilé iyàwó tí o ti dúró láti mú iyàwó lọ, bó s'íta pẹ̀lú iyàwó, ó di ilé ọkọ.</i></p> <p>Родственники из семьи мужа и семьи жены, которые ждали, чтобы забрать жену, вышли вместе с женой по пути домой к ее мужу.</p>
48.	<p><i>Ó ní kí ó ráńsé wá kí àwọn ará ilé rẹ wá tọrọ mi lówó òn.</i></p> <p>Он сказал, что должен послать своих родственников просить</p>	<p><i>Şùgbón ó dàbí ẹni pé ẹ pé díẹ́ kí ẹ tó fi ọrọ̀ yìí tó mi l'etí.</i></p> <p>Ну, похоже, что вы сообщаете мне о деле довольно поздно.</p>

	моей руки.	
49.	<p><i>Bí mo ti fi ìdí balẹ̀ lórí àga ni ariwo ta pé iyàwó mi ñ bọ, bí o ti ñ bọ ni a si ñ gbó tí nwọ́n ñyìnbọ́n lẹ̀kọ̀kọ́kan.</i></p> <p>Не успел я сесть на стул, как раздался шум, означавший, что моя жена идет, пока она шла, мы продолжали слышать выстрелы через определенные промежутки времени.</p>	<p><i>Ó dára, ó dùn mọ́ mi nínú púpọ́ pé irú ọmọ́ dáadáa yẹn ni ifẹ́ rẹ́ fà sí.</i></p> <p>Это хорошо, и я счастлив, что именно к такому хорошему человеку тянется ваша любовь.</p>
50.	<p><i>Ìyàwó mi ró aṣọ́ díámọ̀ndì, ó wé gèlẹ́ díámọ̀ndì, ó sì wọ́ bàtà díámọ̀ndì pẹ̀lú.</i></p> <p>Моя жена была в бриллиантовом платье, у нее был бриллиантовый головной убор, она также носила бриллиантовые туфли.</p>	<p><i>“O ṣeun ọmọ́ 're, ó d'ọ̀la o”.</i></p> <p>Спасибо тебе, дорогой, увидимся завтра!</p>
51.	<p><i>Èni tí ó bá lu iyàwó rẹ́, olúwarẹ́ lu ohun ẹ̀lẹ́gẹ́ Olódùmarẹ́, ó mú ara rẹ́ kúrò ní ipò ènìà, ó fì ara rẹ́ sí ipò ajá tí ó ní dígbòlugi.</i></p> <p>Тот, кто бьет свою жену, бьет нежное Божье создание и оторвался от человечества, он поставил себя в положение</p>	<p><i>Yemi ní, 'ó dára, ẹ́ jẹ́ kí á máa lọ́ bí ó bá se ilé wa ni ẹ́ ti fẹ́ sọ́ ọ̀rọ́ náà.'</i></p> <p>Йеми сказал: “Очень хорошо, давайте пойдём, если вы хотите обсудить этот вопрос именно в нашем доме”</p>

	бешеной собаки.	
52.	<p><i>Bí ó bá fẹ̀ ìmòràn nípa òkànkán, ng ó fún u ní ìmòràn tí mo bá mò.</i></p> <p>Если ему нужен совет по какому-то поводу, я бы дал ему совет.</p>	<p><i>Ó sì yẹ́ kí a fì ọ̀wọ̀ rẹ́ fún un, èniyàn rere sì ni Bíyíí o.</i></p> <p>И следует оказать ему уважение, Бий довольно хороший человек.</p>
53.	<p><i>Ó dáhùn, ó ní ikú ní ó n lé ọ̀n, ó sì tóka sí igi irókò kan, ó ní abẹ́ igi náà ní ikú wà.</i></p> <p>Он ответил, он сказал, что за ним гналась смерть, он указал на дерево ироко, он сказал, что смерть была под деревом.</p>	<p><i>Şùgbọ̀n bí ó jẹ́ pé kí n şe iyàwó yín ní, mo ti l'ọ̀kọ.</i></p> <p>Но если речь идет о том, чтобы я стала вашей женой, то я замужна.</p>
54.	<p><i>Ó ra májèlé burúkú kan, kò sì ẹnì tí ó lè gbé májèlé yìí mì tí olúwarè lè gba ìşéjú méjì kí ó tó kú, ó fì èyí sínú ẹ̀ti.</i></p> <p>Он купил смертельный яд, никто не стал бы глотать этот яд и выживать в течение двух минут, прежде чем он умрет, он подсыпал это в пальмовое вино.</p>	<p><i>Ẹ̀yin náà şá mò pé àbúrò mi ni Lápe, ó di ọ̀dún kẹ́ta tó ti lọ sílé ọ̀kọ.</i></p> <p>Вы должны знать, что Лупе – моя младшая сестра и прошло уже три года, как она вышла замуж.</p>

55.	<p><i>Nígbà tí ó padà dé ní alé, ó tún bèrèrè bí olóko ti wí.</i></p> <p>Когда он вернулся ночью, он снова спросил точно так же, как сказал владелец фермы.</p>	<p><i>Láìpé, ó ti tàn káàkiri gbogbo abúlé Tèmidire pé Yẹmí ni afẹ́sónà Bìyìí.</i></p> <p>Вскоре по деревне распространилась новость о том, что Йеми помолвлена с Бий.</p>
56.	<p><i>Ọba ńlá kan wà ní aiyé àtijó, tí ó ní owó dé góngó, tí ó bí gbajúmò lómọ, tí ìgbèríko rẹ̀ pò bí òkè àìmọye.</i></p> <p>В давние времена жил великий король, который был чрезвычайно богат, у которого были знаменитые дети, который владел сотнями ферм.</p>	<p><i>Ó ya Yẹmí l'ẹnu láti gbọ́ bí Bìyìí ẹ̀ se sọ pé òun gbọ́ orin tó ń kọ.</i></p> <p>Йеми был удивлена услышать, что Бий слышал ее песню.</p>
57.	<p><i>Ìgbà tí ọba gbó bí gbogbo rẹ̀ ti rí, ó pe àwọn omọ rẹ̀ métèta ó bá wọn sọrọ̀.</i></p> <p>Когда король услышал, как все прошло, он позвал своих троих детей, он поговорил с ними.</p>	<p><i>Ó kù díẹ̀, ìgbà tí o bá délé mi, a ní máa ya ara wa.</i></p> <p>Скоро, когда ты переедешь ко мне, мы никогда не расстанемся.</p>
58.	<p><i>Ó mú mi dé ibìkan bá yìí, ó fi mí síbẹ̀, ó ní òn padà lọ sí ibi tí òn ń gbé ní ilú náà.</i></p>	<p><i>Adẹ́solá ni igbákejì rẹ̀. Ó ku oşù méjì kí òun náà ẹ̀ se igbeyàwó.</i></p> <p>Адесола был его заместителем. До его</p>

	<p>Он привез меня в одно место, он оставил меня там, он сказал, что возвращается туда, где он жил в городе.</p>	<p>свадьбы осталось всего два месяца.</p>
59.	<p>Ìyàwó mi na ọwọ́, ó ní kí n mú adá nàà fún òn, mo mú u fún u, lehin èyí, ó ní kí n jeun, mo ní nkò je.</p> <p>Моя жена протянула руку, она сказала, чтобы я отдал ей мачете, после этого она сказала, что я должен поест, я сказал, что не собираюсь есть.</p>	<p><i>Bí ó ti kan Folaşadé láti şe àdúrà tirè, pèlú omijé ni gbogbo ọ̀rò tí ó sọ.</i></p> <p>Как только настала очередь фоласаде произнести молитвы, все свои слова она прозвучала сквозь слез.</p>
60.	<p>Ìgbàtí ó ma dájọ́, ó ní nńkan tí òun rò pé ó yẹ kí wọ́n şe ni pé kí wọ́n yìnbọ́n lu èmi náà.</p> <p>Когда он вынес решение, он сказал, что, по его мнению, они должны были бы застрелить и меня тоже.</p>	<p><i>Ìyá Lánpé kí ọmọ rẹ́ Jóláyemí pé, 'ó dàbò o.'</i></p> <p>Мама Лампе попрощалась с своей дочкой Джолайеми "до свидания"</p>
61.	<p>Ìgbàtí a dé ọ̀dọ́ èyí iwájú, tí ó rí èmi tí mo wà níwájú pátápátá, ó dàhùn ó ní, 'Jéwó èsè rẹ́ kí n má ba pa ó'.</p> <p>Когда мы подошли к тому, кто был впереди, и он увидел меня, который был крайним впереди, он</p>	<p><i>Ọjọ́ kejì ni wọ́n tó rántí' pé ó ti yẹ kí àwọ́n lọ sí ilé láti àná.</i></p> <p>Только на следующий день они вспомнили, что должны были вернуться домой накануне.</p>

	<p><i>mi kí ó tó kú.</i></p> <p>Более того, мой отец приказал мне сделать это перед своей смертью.</p>	<p>Это хорошо вести себя по-человечески.</p>
66.	<p><i>Báyìlì ní okùnrin náà wí, bí ó sì tí dáké òrò rẹ̀, a kò rí i mọ̀.</i></p> <p>Так сказал мужчина, и когда он замолчал, мы больше не могли его видеть.</p>	<p><i>Ó yá àwon èniyàn wọ̀n lẹ̀nu pé kò sí ní ibi ìgbeyàwó Dolá.</i></p> <p>Их люди удивились, что его не было на свадьбе Дола</p>
67.		<p><i>Ó dide ní'lẹ̀, ó dágbéré fún mí wípé ó dìgbóşẹ.</i></p> <p>Он поднялся с земли и попрощался со мной.</p>
68.		<p><i>Àwa aşẹwó nìkan ní ó máa ń sọ òtító tí ó bá dí òrò onífẹ́ẹ́ dé.</i></p> <p>Только мы, проститутки, говорим правду, когда дело касается любви.</p>
69.		<p><i>Ó sì dà bí ẹ̀ni wípé èrò kan náà ní ó wà nínú àwa méjèèjì.</i></p> <p>И, казалось бы, мы придерживаемся одного и того же мнения.</p>
70.		<p><i>Kí ó tó dí àkókò yìí, gbogbo ohun tí mo gbékẹ̀lé gégé bí dúkíà tí tán pátápátá.</i></p> <p>До этого времени я полностью</p>

		потерял все, на что мог указать как свою собственность.
71.		<i>O tún di gbére, ó darinnàkò, ó dojú alá.</i> Прощай, прощай, всего хорошего.
72.		<i>Nígbà tí ó n di owó àṣáálé, okùnrin kan báyii pè mí.</i> Когда наступил вечер, мне позвонил мужчина.
73.		<i>L'ójó kẹta, èmi àti ọrẹ mi gbéra, ó di ilé ọkùnrin náà.</i> На третий день мы с моим другом отправились домой к этому человеку.
74.		<i>Nígbà tí ó di ọsẹ kejì sí ìgbà náà, mo lọ sọ fún ègbón iyá mi nípa ọmọkùnrin náà àti iyá rẹ.</i> Две недели после этого, я пошел поговорить со своим дядей об этом молодом человеке и его матери.
75.		<i>Kò ní burú tíí kí ó má ku ẹni kan mọ ní, ẹni tí yóò kù ní a kò mọ.</i> Ситуация человека не может быть настолько плохой, чтобы не было хотя бы одного другого человека, который поддерживал бы его.

76.		<p><i>N'ìgbà tí ó di àṣále ní déédé agogo bí méjọ ní mo bá dédé gbọ 'E kú oríire, Olúwa yóò dá ọmọ náà sí o.'</i></p> <p>Когда наступила ночь, около восьми часов, я вдруг услышал, как кто-то сказал: "Поздравляю, пусть Бог сохранит ребенка".</p>
77.		<p><i>Tí ó bá di ìgbà ìsinmi wọn, wọn máa ń ran àwa òbi wọn l'ówó.</i></p> <p>Всякий раз, когда у них каникулы, они помогают нам, своим родителям.</p>
78.		<p><i>N'ìgbà tí ó di ọjó kejì, ọkọ mí, ẹbí, ará sìn mí dé idí ọkò òfúrufú ní Ìkejà.</i></p> <p>На следующий день мой муж, семья и знакомые провожали меня в аэропорт в Икедже.</p>
79.		<p><i>Èmi àti ògbéni Mackson wọ ọkò ayókélé Volvo, ó di ilé ìtura Hilton.</i></p> <p>Мы с мистером Максоном сели в машину "Вольво" и направились в отель "Хилтон".</p>
80.		<p><i>Ọgá ilé-iṣẹ náà sọ fún mí ní pátó wí pé tí ó bá d'ọjó kẹta wí pé àwọn yóò ṣe ayeyẹ ráńpẹ kan fún mí.</i></p>

		Глава компании сказал мне, что через три дня они проведут небольшую вечеринку в мою честь.
81.		<i>Bí ó ɣe ɔmɔdé, bí ó ɣe àgbà, pèlú irèlè ló n kí wɔn.</i> Он здоровался со всеми с уважением, как с детьми, так и с взрослыми.
82.		<i>Ká kú l'ómɔdé kó yẹ ni, ó sán ju ká d'àgbà átọrọ jẹ lọ.</i> Умереть достойно ребенком лучше, чем стареть в нищете
83.		<i>L'èhìn tí mo ɣe bèẹ tán mo gbé ibọn mi ó d'ìgbó ẹran.</i> Сделав это, я взял ружье и направился в лес на охоту.
84.		<i>A gbọ pé mo pa á ná sùgbón ó ku bí ng ó ɣe wọ ọ jáde.</i> Было ясно, что я убил его, но вопрос был в том, как вытащить его оттуда
85.		<i>Mo dé'lé, mo kó mo rò fún ọrẹ mi, iyàlẹnu ni ó sì jẹ fún un.</i>

		<p>Я вернулся домой, все рассказал своему другу, и все это его удивило</p>
86.		<p><i>Ó jọ pé ó ń bá àwọ̀n ànjònú kan s'òrò ní.</i></p> <p>Похоже, что он разговаривал с какими-то духами.</p>
87.		<p><i>Ṣùgbọ̀n níwọ̀n bí ó ti jẹ̀ pé bàbá mi fẹ̀ dandan kí n lọ sí ibi tí ọ̀n ràn mi, kò sí ohun tí èmi àti iyá mi lè ṣe.</i></p> <p>Но до тех пор, пока мой отец настаивал на том, чтобы я шел туда, куда он меня послал, мы с матерью ничего не могли поделать.</p>
88.		<p><i>Nígbà tí mo ma kúrò nílẹ̀, bàbá mi pè mí sí yàrá, nígbà tí mo sì dé ọ̀hún tán, ó ní kí nsúnmọ̀n, mo sì sún mo.</i></p> <p>Когда я собирался выйти из дома, мой отец позвал меня в свою комнату, когда я вошел туда, он попросил меня подойти ближе к нему, и я придвинулся ближе к нему.</p>

89.		<p><i>Nítorí òun àti oba ilú wa ti n se òrè tẹ̀lẹ̀ kí ó tó di pé onítòhún gun orí oyè.</i></p> <p>Потому что он и король нашего города были друзьями до того, как последний взошел на трон.</p>
90.		<p><i>Ó yẹ́ kí a sì tètè lọ pẹ̀lú nítorí òpòlòpò àwọn ọ̀dẹ́ ní wón ti bá Àkàrà-ogun lo.</i></p> <p>Было уместно, чтобы мы ушли пораньше, потому что все остальные охотники ушли с Акара-огуном</p>
91.		<p><i>Ìgbà tí ó sì se, a rí òun pàápàá, ọ̀mọ̀bìnrin ní, sùgbón ó lèwá tóbẹ̀ẹ́ tí n kò pàdẹ́ irú rẹ́ rí.</i></p> <p>Через некоторое время мы увидели ее, молодую леди, но она была так красива, что я никогда не видел ничего подобного.</p>
92.		<p><i>Títí a fi gbé ara wa ní iyàwó, kò hùwà àbòsí kan sí mi rí.</i></p> <p>Пока мы не поженились, он никогда не вел себя со мной плохо.</p>
93.		<p><i>Ó jẹ́ àṣà tí ó burú lópòlòpò láàrin àwọn orílẹ̀ èdè míràn, pé kí ẹ̀ni tí kò bímọ, rò</i></p>

		<p><i>pé aiyé òn ti bàjé.</i></p> <p>У других народов существовал ужасный обычай, что тот, у кого нет детей, считает свою жизнь испорченной.</p>
94.		<p><i>Ó wá ẹ, àwọn ọdẹ méta yí jumo ń rìn lo nínú igbó lójó kan.</i></p> <p><i>Так случилось, что однажды эти три охотника вместе гуляли по лесу.</i></p>
95.		<p><i>Nígbà tí ó dé ní alẹ, ó bèrè bí olówó ti wí.</i></p> <p>Когда он вернулся ночью, он спросил, что сказал хозяин.</p>
96.		<p><i>Nígbà tí ó di òru ojó yí ni iyá mi ti ìṣà òkú wá bá mi.</i></p> <p>В этот день, когда пробило полночь, моя мать навестила меня из могилы.</p>
97.		
98.		

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица 6

Местоимение *a* в личном и в обобщенно-личном значениях (с переводом на русский язык)

	Местоимение <i>a</i> в личном значении	Местоимение <i>a</i> в обобщенно-личном значении
10.	<p><i>Ní gbogbo ìgbà tí a n wí yìí, Ìyádùnní, Dásofúnjọ àti àwọn mọ̀lẹ̀bí, pẹ̀lú gbogbo ará ilú gbàgbọ̀.</i></p> <p>В течение всего времени, о котором идет речь, Иядунни, Дасофунджо, его родственники и все горожане верили.</p>	<p><i>Bi a r'ebi, a dá ni l'ogún ọ̀dún, bá a r'ájò, a dá ni l'ogbọ̀n oṣù.</i></p> <p>Когда человек едет в какое-то место, он обещает близким вернуться через двадцать лет, когда он отправляется в путешествие, он обещает вернуться через тридцать месяцев</p>
11.	<p><i>Bí a bá fa àgbò f'éégún, à fi okùn rẹ̀ síle.</i></p> <p>Нельзя подарить овцу маскараду не опуская его поводок.</p>	<p><i>A ti rí ọ̀pọ̀ tó jẹ̀ pé ìwà wọn kò jẹ̀ kí orúkọ wọn gbè wọn rará.</i></p> <p>Есть люди, которым собственные имена не приносят удачу из-за плохого поведения.</p>
12.	<p><i>A ti rí ọ̀pọ̀ tó jẹ̀ pé ìwà wọn kò jẹ̀ kí orúkọ wọn gbè wọn rará.</i></p> <p>Мы знаем многих, чьи имена не принесли им счастье из-за их плохого характера</p>	<p><i>Ọ̀nà ilé ọ̀rẹ̀ Ọ̀jẹ̀ Lárìnnàkà tí à n pè ní Dásofúnjọ̀ ni wọn gbà wọ̀'lú.</i></p> <p>они въехали в город по дороге к дому друга Одже Лариннака по имени</p>
13.	<p><i>Bí a ti gbọ̀ ọ̀ pé Jáléyemí ni Àṣàbí</i></p>	<p><i>Ní ìgbà àtíjọ̀, eégún aláré méjì kan wà</i></p>

	<p>kókó bí. Согласно тому, что мы слышали, Джолаеми был первым ребенком Васаби</p>	<p><i>ní Òkehò (a kò mò bí ti àtijó ni àbí èyí tí ó wà báyiì lónì).</i></p> <p>В старину в Окехо было два маскарада (мы не знаем, старый это город или тот, который существует сегодня)</p>
14.	<p><i>Ṣé ọ̀pòlopò ló fi ẹ̀nu bá ọ̀mọ̀ tiwọ̀n sọ̀rọ̀ tí wọ̀n kò gbo, ká tó tún wá sọ̀ wí pé ojú lásán.</i></p> <p>Действительно, многие безуспешно общаются со своими детьми из уст в уста, не говоря уже о том, чтобы просто использовать глаза</p>	<p><i>Tí a bá pe'ri àgbò tí ó sonù, a pe'ri ikòkò tí wón fi sè é.</i></p> <p>Если мы духовно вызываем потерянного барана, мы должны вызвать горшок, используемый для его приготовления</p>
15.		<p><i>Ẹ̀sin kìí dá ni kí a má tun gùn.</i></p> <p>когда лошадь сбросит человека, он снова садится на нее</p>
16.	<p><i>Ọ̀nà ilé ọ̀ré Ọ̀jẹ̀ Lárìnnàkà tí á n pè ni Dásofúnjọ̀ ni n wọ̀n gbà wọ̀'lú.</i></p> <p>Они приехали в город по дороге, ведущей к дому друга Одже Лариннаки, которого звали Дасофунджо.</p>	<p><i>A kii r'aféfé mú, A kii r'omi mú.</i></p> <p>мы не можем захватить воздух, мы не можем захватить воду</p>

17.	<p><i>Ní gbogbo ìgbà tí a n wí yìi, Ìyádùnní, Dáṣọfúnjọ àti àwọ̀n mọ̀lẹ́bí, pẹ̀lú gbogbo ará ilú gbàgbọ̀ pé láìsì àniàní, ó ní láti jẹ́ pé Ọ̀jẹ̀ Lárìnnàkà ti kú sí àjò ni kò jẹ́ kí ó padà wálé.</i></p> <p>В течение всего рассматриваемого времени Иядунни, Дасофунджо, семья и все горожане верили, что, несомненно, Одже Лариннака еще не вернулся, потому что он умер во время своего путешествия.</p>	<p><i>Èdídí tí a mú di ìròkò olúwéré, ara ló fi san.</i></p> <p>Узелок ткани, используемый для привязки дерева ироко, только делает его более внушительным</p>
18.	<p><i>Bí a ti gbọ ọ pé Jáléyemí ni Àṣàbí kókó bí.</i></p> <p>По слухам, Джолаеми был первым ребенком Васаби.</p>	<p><i>Bí kò sí onírè a kò r'oko, bí kò sí onírè a kò yè'nà.</i></p> <p>в отсутствие онире мы не занимаемся сельским хозяйством, в отсутствие онире мы вообще не выходим на улиц</p>
19.	<p><i>A gbé iyàwó relé ọkọ rẹ l'óní o-láilo!</i></p> <p>Мы несем жену в дом ее мужа - да, да!</p>	<p><i>Ewúré kú, a m'ewúré j'iyán. Àgùntàn kú, a m'àgùntàn jẹ'kà.</i></p> <p>Коза умирает, и мы ем козу с толченом бататом. Баран умирает, мы ем барана, с окой.</p>
20.	<p><i>Sebí itàn inàkí ni a kò mọ, bí ó bá se t'òbọ, a mọ díè n'ìbè.</i></p>	<p><i>Ohun tí a bá jẹ ní í yó ni.</i></p> <p>Вещь который мы, вероятно, едем</p>

	<p>Это история гориллы, которую мы не знаем. Что касается обезьяны, мы знаем кое-что из ее истории.</p>	<p>есть она наполнять кто именно то, что человек ест, наполняет его.</p>
21.	<p><i>N'ìgbà tí a ti rìn sínú igbó fún bí ìṣẹ́jú mẹ̀wàá, a dé ibi kan bayì tí ó téjú.</i></p> <p>После того, как мы прошли в кустарник около десяти минут, мы вышли на открытое место</p>	<p><i>A kii r'ìdí òkun, a kii r'ìdí òsà.</i></p> <p>Мы не видим дно моря, Мы не видим дно океана.</p> <p>никто не знает глубины моря, никто не знает глубины океана.</p>
22.	<p><i>Lẹ̀hìn ìgbátí ó jẹun tán mo fún u ní iyàrá kan nínú ilé wa.</i></p> <p>После того, как он поел, я отвел ему комнату в нашем доме.</p>	<p><i>Ẹyin ọrẹ mi, bí òwe bí òwe ni a n lu ilù àgídìgbo.</i></p> <p>Ну что друзья мои, самые тайные сообщения передаются по барабану агидигбо.</p>
23.	<p><i>Ìgbà tí a jẹun àárò tán, mo bó sí ibi tàbìlì mi, mo kó àwọ̀n ohun ìkòwé jo.</i></p> <p>Когда мы закончили завтракать, я подошел к своему столу и собрал свои канцелярские принадлежности.</p>	<p><i>Ẹ́é ojó tí a bá kọ'sé náà ni à n kọ̀ iyára.</i></p> <p>Человек должен учить не только работать, но и быть эффективным.</p>
24.	<p><i>A dúró, a simi díè, olúkúlùkù ròhìn ohun tí òn bá pàdé ní ibi tí òn ti n sá kiri.</i></p>	<p><i>Ẹ́é sà̀n-án làá rìn, àjé ní mu ni í p'ẹ̀kọ̀rọ̀</i></p> <p>Прямо и прямолинейно можно было</p>

	<p>Мы подождали, немного отдохнули, каждый человек рассказал, с чем они столкнулись, пока бегали.</p>	<p>бы ходить; именно деньги заставляют человека красться. (Когда человек в долгах, он начинает спрятаться.)</p>
25.	<p><i>A bó sí owó àwọ̀n ọ̀lọ̀ṣà tó ìgbà mèta kí a tó dé ọ̀hún.</i></p> <p>Мы по меньшей мере трижды становились жертвами грабителей, прежде чем добрались туда.</p>	<p><i>A kì í kó èlẹ̀ ẹ̀'ṣo.</i></p> <p>Никто не живет напоказ на заемные деньги. (Живите по средствам.)</p>
26.	<p><i>Mo fẹ́ kí ẹ́ yán ènìyàn pàtàkì lé mi kí a yí gbogbo agbègbè lọ.</i></p> <p>Я хочу, чтобы вы назначили важного человека сопровождать меня по окрестностям.</p>	<p><i>A kì í kórira ofon-on ká finá bọ́ ahéré.</i></p> <p>Не следует сжигать хижину на земле крысе. (Не следует уничтожать себя просто для того, чтобы добраться до своего врага.)</p>
27.	<p><i>Ní ìrìnàjò yìí, a ó dé ilú kan ní ibi tí àwọ̀n ẹ́ranko n gbé.</i></p> <p>В этой поездке мы доберемся до города, где живут животные.</p>	<p><i>Bí a bá nkilo f'ólẹ̀, ká kilo f'óniṣu ebá onà.</i></p> <p>Как мы делаем выговор ворю, давайте также сделаем выговор владельцу ямса у тропинки.</p>
28.	<p><i>Gbogbo wa lọ sí tábilì, a jẹun.</i></p> <p>Мы все подошли к столу, поели.</p>	<p><i>Kí a kú l'ómodé kó yẹ̀ ní, ó sán ju ká dàgbà átọ̀rojẹ̀ lọ.</i></p> <p>Лучше умереть молодым и с</p>

		гордостью, чем долго жить презренным.
29.	<p><i>Gégé bí ètò tí a ti še télè, gbogbo àwọn oḍe tí yìò bá ní lọ sí ìrìn àjò náà yìò kó wá sí ilé mi.</i></p> <p>По нашей договоренности, все охотники, которые должны были отправиться, должны были сначала встретиться в моем доме.</p>	<p><i>Bí a bá n gúnván, kòmésá yó.</i></p> <p>Если готовим толченый ямс, незваные гости должны уйти (Воспитанный посетитель должен удалиться, когда хозяева переходят к интимным делам.)</p>
30.	<p><i>Nkò ní lè dárúkọ gbogbo wa bí a ti še tò lọ lésèsè, sugbon ng o daruko eni mesan ninu wa.</i></p> <p>Я не смогу назвать всех нас, кто выходил, но я упомяну девятерых из нас.</p>	<p><i>Bí a kò bá tí ì jókòó, a kì í na'sè.</i></p> <p>If one has not yet sat down, one does not stretch one's legs out. Если кто-то еще не сел, он не вытягивает ноги.</p>
31.	<p><i>Èyìn omọ ilú mi, bí e ti rí wa yìi, a kì iše òmùgò.</i></p> <p>Мои соотечественники, смотрите на нас, мы не глупы.</p>	<p><i>Bí a kò bá tì lè kó'lé àgọ là n pa.</i></p> <p>If one is yet unable to build a house, one makes a tent. (One should neither overreach oneself nor refrain from striving.)</p>
32.	<p><i>À n lọ nítorí egbèrún ìran tí mbò l'èhìn, à n lọ nítorí gbogbo yín.</i></p> <p>Мы пойдем ради тысяч поколений, которые придут за нас, мы пойдем ради всех вас.</p>	<p><i>Ibikibi tí a bá Alágbaà nìgbàlẹ è.</i></p> <p>Где бы ни находился главный жрец культа эгунгун, там и находится его тайное святилище</p>

<p>33. <i>Nítorí náà bí a ti ñ lọ yìí, a kii yín ó d'ìgba ó ẹ.</i></p> <p>И поэтому, уходя, мы прощаемся с вами.</p>	<p><i>Ohun tí a wí f'ogbò l'ogbò ñ gbó, ọ̀rò tí a sọ f'ogbà l'ogbà ñ gbà.</i></p> <p>Все, что говорят огбо, — это то, что он слушает, все, что говорят огбе, - это то, с чем он соглашается</p>
<p>34. <i>Àpèjúwe tí mo ẹ wònyí yìò fi hàn yín pé ìrìnàjò tí ó léwu ni ìrìnàjò náà, ẹ̀gbón a kò rí iyonu rará.</i></p> <p>Эти описания покажут вам, что путешествие было опасным, но мы не столкнулись ни с какими трудностями.</p>	<p><i>A kii dúró kí'ni n'Ifẹ Ọ̀ni, a kii dúró kíni n'Ifẹ Oòrè.</i></p> <p>Нельзя здороваться в Ифе Оони стоя, нельзя здороваться в Ооре на ногах.</p>
<p>35. <i>Kò pé tí iwin yìí fi wá sílè tí a pàdé àwọn mẹta kan.</i></p> <p>Не успел бес покинуть нас, как мы наткнулись на трех человек.</p>	<p><i>A kii kọ'lé ka gbágbé ote.</i></p> <p>Нельзя строить дом не думая о том как в нем быть в безопасности.</p>
<p>36. <i>Báyíí ni a sọ ọkàn pàtàkì nù nínú wa, a sì gbé ihò, a sin í sí, a sì sọ kún, a káanú rẹ bí ó ti yẹ.</i></p> <p>И вот мы потеряли одного из нас. Мы вырыли яму, мы похоронили его, мы плакали, мы оплакивали его как следовало.</p>	<p><i>Wón ní bí a bá r'ebi tí a l'owó l'owó, bí a bá r'àjò tí a gbé bè l'órò, bí a bá là tán, ilé baba ẹni là á k'ọlà lọ.</i></p> <p>Если человек преуспевает за границей, он обязан принести все богатство домой к отцу.</p>

37.	<p><i>Lèhìn èyí, a kojú sí ònà igbò elégbèje, à ñ lọ. A kò rí ùkan abàmì kan tí ó ɣe pàtàkì fún ojó diè.</i></p> <p>После этого мы отправились в лес. В течение нескольких дней мы не видели ничего странного.</p>	<p><i>A ti rí ọ̀pọ̀ tó jẹ̀ pé iwà wọ̀n kò jẹ̀ kí orúkọ wọ̀n gbè wọ̀n rará.</i></p> <p>Есть люди, которым собственные имена не приносят удачу из-за плохого поведения.</p>
38.	<p><i>Bí a ti dé ibi kan báyii tí ó tejú diè, tí a dúró tí a jẹun tán ni a dédè gbó ariwo Ogúnlogó àwọ̀n ọ̀mọ̀dè.</i></p> <p>Когда мы добрались до какой-то равнины и остановились перекусить, то внезапно услышали крики детей.</p>	<p><i>A kì bínú orí ká fí filà dé ibàdì.</i></p> <p>Нельзя отрезать себе нос назло своему лицу.</p>
39.	<p><i>Nígbàtí a kúrò ní ibití àwọ̀n ẹ̀ranko wọ̀nyí wà tí a túbò rìn diè síwájú a rí ònà kékeré kan báyii tí ó yà bá apá òsì lọ.</i></p> <p>Когда мы покинули то место, где были животные, и пошли дальше, мы увидели небольшую тропинку, которая вела налево.</p>	<p><i>A kì bọ̀ ọ̀rìsà l'ójú ọ̀fọ̀n; bó bá d'alẹ̀ a máa tú pẹ̀pẹ̀.</i></p> <p>Не делайте того, что может стать искушением для других.</p>
40.	<p><i>Ìgbà tí a dé àárín ojà, gbogbo ibè ñ rùn ni, kò dàbí ẹ̀ni pé ẹ̀nikẹ̀ni gba àárín ojà náà rí.</i></p>	<p><i>A kì í fí 'ni j'oyè àwòdì ká má lè gb'ádìè.</i></p> <p>Орлу нельзя бояться цыплят. (Нужно уметь оправдывать свой</p>

	<p>Когда мы добрались до середины рынка, там воняло, казалось, его никто никогда не убирал.</p>	<p>статус.)</p>
41.	<p><i>Ìhòhò ni púpò nínú àwọn tí a rí wà.</i></p> <p>Большинство из тех, кого мы видели, были голыми.</p>	<p><i>Bí a kò bá tó yà-á kò, àjẹkún yà là n jẹ.</i></p> <p>Человеку не способен к самозащите, нельзя противостоять своему агрессору. (Тот, кто не может защитить себя, должен научиться терпению.)</p>
42.	<p><i>O pé diẹ ti a ti dé ilú náà kí a tó mọ ọba wọn.</i></p> <p>Мы пробыли в городе долгое время, прежде чем познакомились с их королем.</p>	<p><i>Báa r'ebi, a dá ni l'ogún ọdún, bá a r'àjò, a dá ni l'ogbọn oşù.</i></p> <p>Нельзя отправиться на путешествие без планов для возвращения домой.</p>
43.	<p><i>A dé ọhún ní agogo méjọ kojá işéjú mề̀dógún.</i></p> <p>Мы добрались туда в пятнадцать минут девятого.</p>	<p><i>Tí a bá pe 'rí àgbò tí ó sonù, a perí ikòkò tí wón fì sé.</i></p> <p>Всегда нужно стремиться к совершенству.</p>
44.	<p><i>A dúró diẹ bóyá kò ní pé tí oko dé, şùgbón nígbàtí ó şe a padà lọ sí àgọ wa.</i></p>	<p><i>Wón ní idí işé ẹni là á mọ ni l'ọlẹ.</i></p> <p>Говорят, что дееспособность человека можно оценивать именно на работе.</p>

	<p>Мы немного подождали, может быть, он вернется с фермы пораньше, но через некоторое время мы вернулись в нашу палатку.</p>	
45.	<p><i>A n fẹ́ kí a tètè rí ẹnítí yìò bá wọ́lẹ̀ lọ sọ fún pé ọ́ba pé a ti dé.</i></p> <p>Мы хотели, чтобы кто-нибудь быстро вошел и сообщил королю, что мы прибыли.</p>	<p><i>Eşin kîi dá ni kí a má tun gùn.</i></p> <p>На лошадь сбрасывающего человека нужно снова садится.</p>
46.	<p><i>Ọkùnrin náà bèrè ǹnkan tí a fẹ́ rí ọ́ba fún, a sì wí fún u pé a kò ití ì şetán láti sọ eléyìnì fún ẹnìkẹ̀nì.</i></p> <p>Мужчина спросил, почему мы хотели к королю, тогда мы сказали ему, что никому не готовы рассказать.</p>	<p><i>A kîi r'afẹ́fẹ́ mu, A kîi r'omì mú.</i></p> <p>Воздух нельзя запереть. Воду нельзя запереть.</p>
47.	<p><i>Wẹ́rẹ́, a sáré lọ sí ibẹ̀, nígbàtí a sì máa dé òhún, iyàwó ọ́ba ti gbé ọ́ba lulẹ̀.</i></p> <p>Мы немедленно побежали туда, и к тому времени, как мы добрались туда, жена короля уложила его на пол.</p>	<p><i>Bí kò sí onírè a kò r'oko, bí kò sí onírè a kò yẹ̀nà.</i></p> <p>Без онире нельзя заниматься сельским хозяйством, без онире нельзя выйти на улицу.</p>

<p>48. <i>Nígbàtí ó pé tí obìnrin náà padà lẹ́hìn ọba, a lọ bá a níbití ó sá pamó sí.</i></p> <p>Через некоторое время, когда женщина перестала преследовать короля, мы отправились туда, где она пряталась.</p>	<p><i>Wọ́n ni báa bá r'ebi tá a l'ówó l'ówó, bá a bá r'ájò táa gbé bẹ l'órò, bá a bá là tán, ilé baba ẹni làá k'ólà lọ.</i></p> <p>Говорят, когда человек преуспевает или становится богатым в каком-то месте, он затем уносит все богатство в собственный дом своего отца.</p>
<p>49. <i>A bá àwọ́n ijòyè ilú náà ẹ̀ àdéhùn, nwọ́n sì fì owó sí iwé pẹ̀lú wa pé àwọ́n di tiwa.</i></p> <p>Мы поговорили с руководителями города, и они подписали, что они будут принадлежать нам.</p>	<p><i>Súnmọ́ 'hìn, súnmọ́ 'hùn, bí a bá kan ògiri baba ẹni a máa dúró gbọin-gbọin.</i></p> <p>Человека могут толкать в ту или иную сторону. Но когда человека прижимают к стенам дома его отца, он стоит на своем.</p>
<p>50. <i>A kúrò ní ilú àwọ́n Edidare lẹ́hìn tí a tí gbé ibè fún odidi oşù męta gbáko, a kọ orí sí ọ̀nà wa.</i></p> <p>Мы покинули город Эдидаре после того, как прожили там целых три месяца, и пошли своей дорогой.</p>	<p><i>A kùí f'ókọ ro 'gbàlẹ̀.</i></p> <p>Нельзя мотыгой расчистить злой лес.</p>
<p>51. <i>Ìgbàtí a bìlà sẹ́hìn díè báyii tí a jókòò ní ibìkan tí a ẹ̀ àşàrò lóri ọ̀rò náà.</i></p>	<p><i>Ẹ̀yin ọ̀rẹ́ mi, bí òwe bí òwe ni a ń lu ilù àgídìgbo.</i></p> <p>Друзья мои, барабан агидигбо всегда</p>

	<p>Когда мы отступили, мы сели где-нибудь и обсудили это.</p>	<p>бьют в притчах.</p>
52.	<p><i>Kùtù hàn òwúró ọjó kejì ní a tún lọ bẹ ibẹ wò.</i></p> <p>Очень рано в следующий понедельник мы отправились проверять это место</p>	<p><i>Ohun tí a bá jẹ ní í yó ní.</i></p> <p>То, что человек ест, то и наполняет его.</p>
53.	<p><i>A rí obìnrin àti ọkùnrin kan nínú ilé náà a sì rí ọmọ owú kan ní ilẹ̀.</i></p> <p>Мы видели женщину и мужчину в доме, мы также видели фитиль на полу.</p>	<p><i>A gbọ pé mo pa á ná sùgbọ́n ó ku bí ngo ẹ wọ ọ jade.</i></p> <p>Было понятно, что я убил его, но теперь оставалось только как его нести.</p>
54.	<p><i>A tún kúrò ní ibi èyí, ó di ilé míràn, ìgbà tí a dé òhún, a rí àwọn ọkùnrin méjì lórí àkàsò kan.</i></p> <p>Мы ушли отсюда в другой дом, когда добрались туда, то увидели двух мужчин на лестнице</p>	
55.	<p><i>A dé ibi kan tí a bá ọkùnrin kan tí ó rọra jókòó ní òn nìkan tí ó ń sọkún.</i></p> <p>Мы добрались до места, где увидели мужчину, он сидел в</p>	

	одинокестве и плакал.	
56.	<p><i>Bí a ti dé ibi ilẹ̀kùn yìí ni ilẹ̀kùn sí fúnrarara è tí gbogbo wa sì n wọ́lé.</i></p> <p>Когда мы подошли к этой двери, дверь открылась сама по себе, и мы все вошли.</p>	
57.	<p><i>A kojú sí ọ̀nà wa, à n lọ, a kò sì rí nkankan jù bẹ̀ẹ̀ lọ tí tí ó fi di ọ̀wúró ojó kan bá yìí.</i></p> <p>Мы продолжали свой путь, мы шли, мы больше ничего не видели до одного утра.</p>	
58.	<p><i>A bá ara wa sọ̀rò dáadáa.</i></p> <p>Мы очень много говорили друг с другом.</p>	
59.	<p><i>N'ìgbà tí mo dé ilé ti a wọ́ sí ní ilú náà, mo ròhìn fún àwọn ọ̀rẹ́ mi.</i></p> <p>Когда я добрался до дома, где мы остановились в этом городе, я все рассказал своим друзьям.</p>	
60.	<p><i>Ojọ kejì ni a kúrò ní ilú àwọn aláṣejù.</i></p>	

	<p>На следующий день мы покинули город переусердствовавших.</p>	
61.	<p><i>Mo gbé e fún àwọn òrẹ́ mi, a jọ kàá.</i></p> <p>Я подарил ее своим друзьям, мы прочитали ее вместе.</p>	
62.	<p><i>Kí ó tó dì pé a mọ́ ara wa, obìnrin mǎà n rùn sí mi ní.</i></p> <p>До того, как мы познакомились, женщины только раздражали меня.</p>	
63.	<p><i>Títí a fi gbé ara wa ní iyàwó, kò hùwà àbòsí kan sí mi rí.</i></p> <p>Пока мы не поженились, она ни разу не повела себя со мной плохо.</p>	
64.	<p><i>Nítorí bí a bá ti ẹ́ n kòwé sí ara wa ní a ó túbò ma fẹ́ràn ara wa.</i></p> <p>Потому что чем больше мы переписывались, тем больше мы любили друг друга.</p>	
65.	<p><i>Ìgbátí ilẹ́ sù, tí aiyédèrú-èdá sọ́ fún mi pé kí a jọ lọ.</i></p>	

	<p>Когда наступила ночь, Айедеру-эда сказала мне, чтобы мы ушли.</p>	
66.	<p><i>A ti kojá odò náà léèkan, ní kété tí a kúrò ní ilú àwọn Èdídaré tí ó jẹ pé ọkò kékeré kan ni nwọn fi tú gbogbo wa gòkè.</i></p> <p>Однажды мы пересекли реку, как только покинули город Эдидар, когда они отвезли нас вверх в маленькой лодке.</p>	
67.	<p><i>Nígbà tí ó şe, a rí ẹnu ọnà kan báyii n'íwájú wa.</i></p> <p>Через некоторое время мы увидели проход прямо перед нами.</p>	